

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

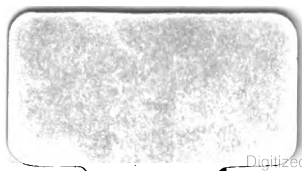
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 560 400

 Ex libris apud
J. S. G. Simmons
Oxoniae hospitantibus

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРА

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

СТАТЬИ

Вл. Розенберга и В. Якушкина.

МОСКВА—1905.

Издание М. и С. Савашниковыхъ.

Иллюстрированные определители растений.

Маевский. Флора Средней Россіи. Изд. 3-е. Ц. 3 р. 50 к.

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Маевский. Злаки Средней Россіи. Ц. 85 к.

Маевский. Весенняя флора Средней Россіи. Изд. 4-е. Ц. 30 к.

Одобрено Учен. Ком. Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ. — Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. — Рекомендовано Моск. Комиссіей по организаціи домашнего чтения. — Рекомендовано Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетъ Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній.

Маевский. Осенняя флора Средней Россіи. Изд. 3-е. Ц. 40 к.

Одобрено Учен. Ком. Мин. Земледѣлія и Госуд. Имуществъ. — Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. — Рекомендовано Моск. Комиссіей по организаціи домашнего чтения. — Рекомендовано Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетъ Педагогическаго Музея Военно-учебныхъ заведеній.

Федченко и Флеровъ. Водяныя растения. Изд. 3-е. Ц. 25 к.

Рекомендовано Учен. Ком. Мин. Землед. и Госуд. Имуществъ. — Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія.

Федченко и Флеровъ. Руководство къ собиранію растений для гербарія. Изд. 2-е. Ц. 15 к.

Одобрено Учен. Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія.

Федченко и Флеровъ. Пособіе къ изученію растительныхъ сообществъ Средней Россіи. Ц. 45 к.

Флеровъ. Луговые травы Средней Россіи. Ц. 45 к.

Кальдеронъ. Чистилище св. Патрика. Трагедія. Пер. К. Бальмонта.

Съ пояснительными статьями К. Бальмонта и Лео Руанэ. Ц. 90 к.

— Философскія и героическія драмы. Жизнь есть сонъ. Поклоненіе кресту. Стойкій принцъ. Любовь послѣ смерти. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 70 к.

Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. Ц. 75 к.

Огарева-Тучнова. Воспоминанія. 1848—1870. Огаревъ, Герценъ, Тургеневъ. Ц. 1 р. 50 к.

Ешевскій. Собраніе сочиненій по русской исторіи. Ц. 2 р.

Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. Рекомендовано Гл. Упр. Военно-учебн. завед.

Тихонравовъ. Собраніе сочиненій по исторіи литературы. 4 т. Ц. 7 р. 50 к.

Якушкинъ. О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки. Ц. 1 р.

Гроссе. Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Мависсъ. Очеркъ по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой. Ц. 1 р.

Лангла. Инквизиція. Пер. Н. Сперанскаго. Ц. 45 к.

Сперанскій. Очерки исторіи средней школы въ Германіи. Ц. 1 р.

Бреаль. Древніе языки въ среднемъ образованіи. Пер. Н. Сперанскаго. Ц. 75 к.

Гильдебрандъ. О преподаваніи роднаго языка въ школѣ и національномъ воспитаніи и образованіи. Пер. Е. Якушкина. Ц. 1 р.

Паульсенъ. Образованіе. Пер. М. Гершензона. Ц. 15 к.

Сербскій. Судебная психопатологія. Клиническая психіатрія. Ц. 2 р. 50 к.

Велецій. Земская статистика. Исторія, методологія, программы. Съ предисловіемъ проф. А. Чупрова. Ц. 7 р.

Шмоллеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Пер. Е. Котляревской. Ц. 50 к.

Нитти. Основныя начала финансовой науки. Пер. И. Шрейдера съ доп. А. Свиржевскаго, пред. проф. А. Чупрова. Ц. 3 р.

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРА

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

СТАТЬИ

Вл. Розенберга и В. Якушкина.

МОСКВА—1905.

Издание М. и С. Савашниковыхъ.

7225-7441

XM85
17939
MAIN

ТИПОГРАФИЯ О-ВА РАСПР. ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ, АРЕНД. В. И. ВОРОНОВЫМЪ.
МОСКВА, ПРОТИВЪ МАНЕЖА, Д. КН. ГАГАРИНА.

PN5274

R671

1905

MATN

Статьи, собранныя въ этой книгѣ, были напечатаны въ разное время большею частью въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; статья «Въ мірѣ случайностей» появилась въ сборникѣ въ честь Н. К. Михайловскаго «На славномъ посту», замѣтка «Ошибка печати» была помѣщена въ «Русскомъ Богатствѣ». Для настоящаго изданія всѣ статьи пересмотрѣны и дополнены.

Въ приложеніи помѣщены составленные для этого изданія: 1) списокъ газетъ и журналовъ, навлекшихъ на себя административныя кары съ 1-го сентября 1865 г. по 15-е декабря 1904 г. и 2) сводъ мотивовъ, по которымъ объявлялись за то же время предостереженія періодическимъ изданіямъ

Изъ исторіи русской цензуры.

Исторія цензуры должна быть, несомнѣнно, признана очень важнымъ и существеннымъ отдѣломъ въ исторіи русской жизни и особенно литературы. Для того, чтобы правильно оцѣнить сочиненіе какого-либо писателя, то или другое періодическое изданіе, всегда болѣе или менѣе отражающія въ себѣ вопросы, идеи времени, необходимо имѣть въ виду цензурныя условія, вліявшія на эти произведенія печати. Мы только тогда можемъ судить о писателѣ, объ его взглядахъ, объ его отношеніи къ современнымъ ему общественнымъ задачамъ, когда примемъ во вниманіе степень свободы, ему предоставленной, степень возможности высказывать ему свои мнѣнія по религіознымъ, общественнымъ, политическимъ, научнымъ вопросамъ. Съ этой точки зрѣнія,—которая, конечно, обязательна для исторіи литературы,—прежнія судьбы нашей цензуры имѣютъ особый интересъ. Перемены въ цензурныхъ уставахъ и въ цензурной практикѣ подвергались вліянію общихъ условій русской жизни; представляя отраженіе этихъ условій въ особой, своеобразной сферѣ, онѣ черезъ это опять предъявляютъ самостоятельныя права на вниманіе исторіи.

Въ московскій періодъ мы встрѣчаемъ немало случаевъ преслѣдованій авторовъ за ихъ сочиненія (особенно во вторую половину XVII в., когда развился расколъ); иногда мы имѣемъ и любопытные случаи „предварительной цензуры“, какъ, напр., пренія Лаврен-

тія Зизанія, по поводу его книги „Оглашеніе“, съ богоявленскимъ игуменомъ Ильей и „отъ книжныя справки“ Гришкою, которымъ патріархъ Филаретъ поручилъ разсмотрѣніе представленной ему книги“ ¹⁾). Но въ XVII вѣкѣ мы еще совершенно не встрѣчаемъ какихъ бы то ни было общихъ распоряженій о цензурѣ. Литература тогда была почти только духовная, наблюденіе за нею принадлежало высшему духовенству и не отдѣлялось отъ другихъ заботъ его о дѣлахъ вѣры; при томъ же типографскій станокъ былъ исключительно въ распоряженіи правительства.

Наша новая литература ведетъ свое начало отъ Петра Великаго, которому обязано своимъ развитіемъ наше книжное дѣло. Великій царь является писателемъ и переводчикомъ, издателемъ и редакторомъ; онъ преобразовалъ нашъ шрифтъ, улучшилъ наши типографіи, причемъ онъ самъ бывалъ и корректоромъ, и даже наборщикомъ. Петръ былъ создателемъ нашей журналистики, нашей новой политической литературы и публицистики. При правительственномъ происхожденіи печати, въ первое время ея существованія, пока за нею оставался офиціальный и офиціозный характеръ и пока самыя типографіи были только въ рукахъ правительства,—въ цензурѣ, конечно, не могло чувствоваться никакой надобности. При Петрѣ мы встрѣчаемъ лишь нѣкоторыя распоряженія по духовной цензурѣ. Такое распоряженіе было сдѣлано по отношенію къ южнымъ типографіямъ, не зависѣвшимъ прямо отъ правительства; въ духовномъ регламентѣ сдѣлано общее постановленіе: „аще кто о чемъ богословское письмо сочинить, и тое бѣ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ; а коллегіумъ разсмотрѣть должно, нѣтъ-ли каковаго въ письмѣ ономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго“ ²⁾.

¹⁾ См. „Истор. Росс.“ Соловьева, т. IX, стр. 462—464.

²⁾ II С. З. № 3653; Дух. Регламентъ, № 3718, часть III,

Въ 1727 г. было сдѣлано распоряженіе ¹⁾: церковныя типографіи изъ Петербурга переведены въ Москву, а въ Петербургѣ оставлены свѣтскія типографіи при сенатѣ (для указовъ) и при академіи наукъ (собственно для научныхъ и другихъ книгъ). Въ академической типографіи печатались какъ научныя или ученыя книги, такъ и журналы, газеты,—печатались свои и чужія изданія Цензура всего печатаемаго принадлежала академіи: тутъ возникали цензурныя затрудненія и осложненія, на нѣкоторые изъ которыхъ я и укажу.

Въ 1749 г. академику Миллеру было поручено написать рѣчь къ торжественному акту академіи; онъ написалъ по-латыни изслѣдованіе „De origine gentis russicae“; говоря о призваніи князей, Миллеръ слѣдовалъ прямому свидѣтельству лѣтописи и признавалъ, что первые князья наши были варяжскаго, скандинавскаго происхожденія. По проискамъ Шумахера, рѣчь Миллера, уже конченная печатаніемъ, была подвергнута разсмотрѣнію другихъ академиковъ, которымъ было поручено—„рѣчь освидѣтельствовать, не отыщется-ли въ оной чего для Россіи предосудительнаго“. Отзывы академиковъ были неблагопріятны для Миллера: Тепловъ, Тредіаковскій, Ломоносовъ, Поповъ, всѣ нашли, что Миллеръ, признавъ лѣтописныя свидѣтельства, оскорбляетъ, унижаетъ Россію. Еще въ московской Руси, какъ извѣстно, не удовлетворялись лѣтописнымъ рассказомъ; тамъ уже составлено было преданіе, которое приписывало нашимъ первымъ князьямъ происхожденіе отъ Августа-Кесаря и т. д. Тепловъ писалъ: „во всей рѣчи (Миллеръ) ни одного случая не показалъ къ славѣ російскаго народа, но только упо-

§ 3. Почти всѣ указы о цензурѣ напечатаны въ „Сборникѣ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г. Напечатанъ по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія“. Спб. 1862 г.

¹⁾ П. С. З. № 5175.

мянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можеть...” Особенно горячо возсталъ на Миллера Ломоносовъ, который защищалъ противъ Миллера (т. е. противъ лѣтописи) выдумки Синописа. По представленію академиковъ рѣчь Миллера велѣно было уничтожить; даже корректурные и рукописные листы были отобраны у автора ¹⁾.

При академіи издавались *С.-Петербургскія Вѣдомости*; изданіе ихъ подверглось цензурнымъ ограниченіямъ; по поводу неправильнаго сообщенія о какой-то наградѣ, *Вѣдомости* были въ 1742 г. подчинены сенатской цензурѣ, а въ 1751 запрещено безъ Высочайшей апробаціи печатать „артикулы“, относящіяся до придворныхъ происшествій ²⁾.

Тотъ же академикъ Миллеръ, котораго рѣчь была уничтожена въ 1749 г., какъ мы сейчасъ видѣли, и который является однимъ изъ самыхъ видныхъ и неутомимыхъ дѣятелей нашей литературы прошлаго вѣка,—Миллеръ издавалъ при академіи первый русскій журналъ *Ежемесячныя Сочиненія*. Изданіе это нѣсколько разъ встрѣчало цензурныя помѣхи. Въ первый же годъ изданія журнала Тредіаковскій, обидѣвшись на напечатанное тамъ стихотвореніе Сумарокова о плохихъ стихотворцахъ, подалъ въ святѣйшій синодъ доношеніе: „Читая сентябрьскую книжку *Ежемесячныхъ Сочиненій* сего 1755 г., нашелъ я, именованный, въ ней оды духовныя, сочиненныя г. полковн. Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, а (въ одной изъ нихъ) увидѣлъ, что она... говоритъ отъ себя, а не изъ Псаломника, о безконечности вселенной и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже ежемѣсячныя книжки обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ

¹⁾ Исторія акад. наукъ. I, 358--360; 56--58; II, 239--247, 427--440; 897, 907.

²⁾ II. С. З. № 8529, № 9903.

инные могутъ и въ соблазнъ придти, того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію..., о такой помянутыя оды лжи на Псаломника, покорнѣйше донося, извѣщаю"... Этотъ доносъ не имѣлъ прямыхъ послѣдствій ¹⁾, но вѣроятно, онъ обратилъ вниманіе синода на академическій журналъ, и въ слѣдующемъ году синодъ, по поводу статьи журнала—„О величествѣ Божіи размышленія“, представилъ докладъ государынѣ: „Понеже усматриваемъ, что въ ежемѣсячныхъ, изъ с.-петербургской академіи выходящихъ, примѣчаніяхъ не токмо много честнымъ правомъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые переводы и сочиненія, многіе, а индѣ и безчисленные міры быть утверждающіе, что и священному писанію, и вѣрѣ христіанской кране противно есть, и многимъ неутвержденнымъ душамъ причину къ *натуралѣзму* и безбожію подаетъ, того ради всеподданнѣйше о семъ донося, падши къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества"...—синодъ требовалъ конфискаціи *Ежемѣсячныхъ Сочиненій*; но благодаря ли недоказанности и неосновательности доклада, благодаря ли заступничеству за академическій журналъ президента академіи, гр. Разумовскаго,—требованіе си-

¹⁾ Подобные доносы по литературнымъ дѣламъ составляютъ печальное, но обычное явленіе въ исторіи нашего общества. Отмѣтивъ существованіе ихъ уже въ началѣ XVIII вѣка, академикъ Пекарскій говоритъ: „Тогда находили болѣе удобнымъ, вмѣсто критической оцѣнки тѣхъ или другихъ произведеній, подлежащихъ суду публики, дѣлать официальные доносы на сочиненія, которыя почему-либо не нравились доносителю. Немногосложность и доступность такой потаенной критики для каждаго, слѣдующаго въ жизни извѣстнымъ правиламъ, а также рѣшительное отсутствіе общественнаго мнѣнія, которое бы карало доносъ и лицо, на него рѣшившееся, достаточно объясняютъ подобное явленіе“ („Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, I, стр. 495). Такого рода доносы по литературнымъ дѣламъ встрѣчаются у насъ не только въ началѣ XVIII вѣка, но и въ болѣе позднія эпохи, до нашихъ дней.

нода не было исполнено. Миллеру все-таки приходилось быть осторожнымъ въ статьяхъ о религіозныхъ вопросахъ.

Въ слѣдующемъ году *Ежемесячныя Сочиненія* были особенно несчастливы въ цензурномъ отношеніи. Ломоносовъ (бывшій въ это время членомъ академической канцеляріи) обратилъ вниманіе на статью Григорія Полетники „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи“,—и „освидѣтельствовалъ“ ее еще до выхода въ свѣтъ, причемъ призналъ ее оскорбительною для Россіи, такъ какъ въ ней ничего не сказано о школахъ съ X по XVII в. въ Россіи; упомянуты только кievскія школы, а не московскія; Ломоносовъ требовалъ исключенія статьи. Напрасно Миллеръ оправдывался источниками, въ которыхъ нѣтъ ничего о московскихъ школахъ за тѣ вѣка, напрасно указывалъ на независимость журнала отъ академической канцеляріи, напрасно, наконецъ, перенесъ дѣло на разсмотрѣніе гр. Разумовскаго,—ничто не помогло. Разумовскій на этотъ разъ призналъ требованіе Ломоносова справедливымъ, велѣлъ статью Полетники исключить, какъ наполненную многими непристойностями, а Миллера подчинилъ въ изданіи *Ежемесячныхъ Сочиненій* распоряженіямъ академической канцеляріи, которая стала требовать отъ Миллера предварительнаго списка статей ¹⁾. Миллеръ продолжалъ отстаивать самостоятельность своего журнала и представлялъ списки статей, поступившихъ въ редакцію, безъ распредѣленія ихъ по книжкамъ; но вскорѣ, въ 1759 г., *Ежемесячныя Сочиненія* подпали еще болѣе строгимъ правиламъ: за мадригалъ въ честь какой-то итальянской актрисы въ Петербургѣ, затронувшій неожиданно ея недоброжелательницъ въ придворныхъ сферахъ, журналъ былъ окончательно подчиненъ предварительной

¹⁾ Ист. ак. наукъ, II, стр. 610—613.

цензурѣ академической канцеляріи, а злосчастный мадригалъ былъ вырѣзанъ изъ книжки журнала ¹⁾).

Не привожу позднѣйшихъ столкновеній академическаго журнала съ цензурными требованіями; не останавливаюсь и на цензурной исторіи *Трудолюбивой Пчелы* Сумарокова, тѣмъ болѣе, что отношенія Сумарокова къ цензору его журнала осложнялись неуживчивымъ характеромъ „россійскаго Расина“ и неисправными денежными его разсчетами съ типографіей. За елизаветинское время приведу еще только случай съ переводомъ „Опыта о челоѣкѣ“ Попа. Въ 1753 г. Николай Поповскій, тогда еще студентъ академіи, впослѣдствіи извѣстный профессоръ московскаго университета, перевелъ „Опытъ о челоѣкѣ“. Молодой переводчикъ находился подъ покровительствомъ Ломоносова и Шувалова; по иниціативѣ перваго изъ нихъ приступлено было къ изданію перевода, но въ дѣло вмѣшалась духовная цензура и остановила печатаніе, находя, что „издательныя книги ни изъ св. писанія. ни изъ содержимыхъ въ православной нашей церкви узаконеній ничего не заимствуя, единственно всѣ свои мнѣнія на естественныхъ и натуральныхъ понятіяхъ полагаетъ, присовокупляя къ тому и Коперникову систему, такожъ и мнѣніе о множествѣ міровъ, св. писанію совсѣмъ не согласныя“. Несмотря на заступничество Шувалова, изъ „Опыта“ было выпущено много мѣстъ, а нѣкоторые стихи или были измѣнены, или даже замѣнены совсѣмъ новыми, составленными духовнымъ цензоромъ. Вотъ для примѣра одна такая замѣна. Въмѣсто двустипіа:

Ни звѣрской лютостью наполненный тиранъ,
Ни крови жаждущій разбойникъ согражданъ—

¹⁾ Ист. ак. наукъ, II, 560—562, 609, 610, 870. *Пекарскій*: „Редакторъ, сотрудники и цензура русскаго журнала въ XVIII в.“, стр. 41, 42, 44—48, 50, 51.

цензоръ вставилъ:

Ни сильный въ державѣ надъ подданными царь,
Ни землю орющій для податей пахарь ¹⁾.

Такъ какъ стихи, вставленные цензоромъ, нерѣдко искажали вообще смыслъ подлинника и часто грѣшили противъ стихосложенія, то переводчикъ напечаталъ эти цензорскія вставки другимъ шрифтомъ, чѣмъ весь текстъ, для того, чтобы читатели могли отличить „Поповскіе стихи отъ стиховъ поповскихъ“. Изъ-за цензурныхъ придирокъ изданіе перевода вышло только чрезъ три года.

Извѣстно, какое оживленіе сказалось въ нашей литературѣ въ царствованіе Екатерины II, благодаря отчасти прямому покровительству самой императрицы, которая много способствовала развитію у насъ печатнаго дѣла. Въ 1771 году она разрѣшила иноземцу Гартунгу устроить первую частную, „привилегированную“, „вольную“ типографію, но лишь для иностранныхъ книгъ (подъ цензурой академіи) и для объявленій (подъ цензурой полиціи); русскія книги Гартунгу запрещено было печатать, но только въ видахъ интереса казенныхъ типографій, а не изъ цензурныхъ соображеній; затѣмъ, въ 1776 г., книгопродавцамъ Вейтбрехту и Шнору дозволено завести типографію съ правомъ печатать и русскія книги; наконецъ, въ 1783 г. былъ изданъ общій указъ „о вольныхъ типографіяхъ“. Прежде, пока типографіи были только казенныя, при извѣстныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, не было нужды въ особыхъ цензурныхъ установленіяхъ: духовныя книги печатались въ синодальной типографіи подъ цензурой синода; свѣтскія книги печатались въ типографіи академической или университетской подъ цензурой этихъ ученыхъ учрежденій. Когда въ 1771 г.

¹⁾ Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. I, стр. 85. (Статья: „Исторія изданія „Опыта о чловѣкѣ“, въ переводѣ Поповскаго).

дозволено было иноземцу Гартунгу завести типографію, ее пришлось подчинить внѣшней цензурѣ; для нея была установлена, какъ мы сейчасъ видѣли, двоякая цензура: иностранныя книги цензуровала академія, объявленія цензуровались полиціей. Теперь при разрѣшеніи открывать вольныя типографіи во всѣхъ городахъ пришлось сдѣлать общее постановленіе о цензурѣ: она была передана всецѣло въ руки полиціи, въ управу благочинія. Указъ 1783 года говоритъ: „Всемилоствѣйше повелѣваемъ типографіи для печатанія книгъ не различать отъ прочихъ фабрикъ и рукодѣлій, и вслѣдствіе того *позволяемъ, какъ въ обѣихъ столицахъ нашихъ, такъ и во всѣхъ городахъ Имперіи нашей, каждому по своей собственной волѣ заводить оныя типографіи, не требуя ни отъ кого дозволенія, а только давать знать о заведеніи таковомъ управѣ благочинія*“; послѣдней поручено слѣдить, „чтобы въ книгахъ ничего противнаго законамъ Божиимъ и Гражданскимъ или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ управы благочинія *отдаваемыя въ печать* книги свидѣтельствовать“. Такимъ образомъ, тутъ впервые установлена общая предварительная цензура, перешедшая отъ академіи и университета въ завѣдываніе полицейскаго учрежденія ¹⁾.

Изъ цензурной исторіи екатерининскихъ временъ я останавлиюсь на двухъ самыхъ крупныхъ фактахъ: на судьбѣ литературныхъ предпріятій Новикова и на судьбѣ книги Радищева.

Имя Новикова пользуется у насъ большою извѣстностью и въ литературѣ, и даже въ обществѣ, но съ этимъ славнымъ именемъ обыкновенно связывается или представленіе о журнальной дѣятельности Новикова, или представленіе объ его масонствѣ. Новиковъ, несомнѣнно, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи журналистики и въ исторіи нашего масонства; но не менѣе

¹⁾ П. С. З., № 13572, 14495, 15634

важно значеніе Новикова въ области издательскаго, книжнаго дѣла.

Книжную дѣятельность Новикова можно разсматривать совершенно независимо отъ его масонства. Во-первыхъ, онъ печаталъ все-таки много книгъ не масонскаго содержанія, не узко-нравоучительнаго направленія, а во-вторыхъ, съ этой стороны его дѣятельность важна главнымъ образомъ по матеріальному развитію предпріятій, по устройству отличной типографіи, по изданію множества книгъ, газетъ, по заведенію книжныхъ лавокъ не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, вообще по развитію нашего книжнаго дѣла. Издательская дѣятельность Новикова, въ связи съ просвѣтительною и благотворительною дѣятельностью его и профессора И. Г. Шварца, какъ выдающихся лицъ изъ ихъ кружка,—дѣятельность эта является чѣмъ-то совершенно изумительнымъ, безпримѣрнымъ въ русской жизни: нельзя не удивляться тому, сколько энергіи и любви къ благу родины было нужно, чтобы при слабыхъ средствахъ небогатаго, частнаго человѣка можно было достигнуть такихъ поразительныхъ результатовъ.

Въ 1779 г. Новиковъ, уже заявившій себя на издательскомъ поприщѣ, переѣхалъ въ Москву изъ Петербурга для новаго дѣла: онъ снялъ на десять лѣтъ въ арендное содержаніе университетскую типографію съ книжной лавкой, а также изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*. Новикову пришлось бороться съ ужасными затрудненіями. Типографія была въ плохомъ состояніи, шрифтовъ было мало, рабочіе лѣнны, заказы рѣдки, доходы ничтожны. Новиковъ энергично принялся за дѣло, выписалъ и заказалъ новые иностранные и русскіе шрифты, учредилъ порядокъ работъ. Онъ возвысилъ интересъ *Московскихъ Вѣдомостей* расширеніемъ ихъ программы, улучшеніемъ печатаемаго матеріала; подписка у него быстро увеличилась; онъ оживилъ дѣятельность университетской книжной лавки, войдя

въ сношенія съ разными комиссіонерами въ Петербургѣ, Полтавѣ, Тамбовѣ, Глуховѣ, Вологдѣ, Смоленскѣ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ Новиковъ сразу же приступилъ въ Москвѣ къ широкой издательской дѣятельности, началъ печатать много книгъ, особенно много книгъ ученыхъ и учебныхъ, не говоря о мистическихъ. Такъ, въ 1779 г. онъ успѣлъ уже издать нѣсколько десятковъ книгъ разнаго содержанія. По свидѣтельству Шварца, въ 1781 г. университетская типографія приведена была въ такое цвѣтущее состояніе, что немного подобныхъ ей можно было указать въ Европѣ, и за три года Новиковымъ было напечатано книгъ болѣе нежели передъ тѣмъ за всѣ двадцать четыре года существованія университетской типографіи. Карамзинъ говоритъ о дѣятельности Новикова такъ: „Г. Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки, въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріучить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расхаживало *Московскихъ (Вѣдомостей)* не болѣе 600 экземпляровъ; г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи и, наконецъ, выдавалъ при *Вѣдомостяхъ* безденежно *Дѣтское Чтеніе*, которое новостью своего предмета и разнообразіемъ матеріи... нравилось публикѣ. Число subscribers ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ 10 дошло до 4,000“.—Четыре тысячи подписчиковъ — цифра по тому времени громадная! Когда въ 1785 г. одинъ изъ правительственныхъ агентовъ составлялъ реестръ изданіямъ Новикова, то оказалось, что за послѣднія семь лѣтъ, съ 1779 по 1785 г.,

въ университетской типографіи напечатано 356 названій и 55 изданій оказалось въ печати. Новиковъ основаль нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городахъ, напр., въ Богородицѣ у Болотова,—говорятъ, даже въ селахъ. Въ 1780 г. Новиковъ открылъ первую въ Москвѣ бібліотеку для чтенія при своей книжной лавкѣ.

Не буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ дѣятельности Новикова, на значеніи Шварца и „Дружескаго Общества“; упомяну только еще, что послѣ указа 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ, Новиковъ и его друзья не могли не воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ заводить частныя типографіи. Новиковъ кромѣ университетской типографіи открылъ еще своя „вольную“; по его же иниціативѣ была основана кружкомъ его друзей „Типографическая компанія“, имѣвшая цѣлью открыть обширную типографію, печатать всякія полезныя изданія, торговать книгами и т. д. Первоначальный капиталъ компаніи равнялся 137,500 р., считая и книги, переданныя Новиковымъ. Компанія основала свою типографію, поступившую тоже въ завѣдываніе Новикова, который имѣлъ, такимъ образомъ, въ своемъ распоряженіи три типографіи (четыре если считать типографію, основанную въ 1783 г. Лопухинымъ, или даже пять, если считать еще небольшую тайную масонскую типографію). Въ 1786 г. „Типографическая компанія“ купила на Садовой огромный Гендриковъ домъ (что нынѣ Спасскія казармы) и въ немъ соединились всѣ три частныя типографіи, было устроено помѣщеніе для всѣхъ типографскихъ рабочихъ и т. д. Тутъ же помѣщалась и компанейская аптека, лучшая въ Москвѣ, отпускавшая для бѣдныхъ лѣкарства даромъ. Предпріятіе приняло такіе размѣры, что просто не вѣришь, что это происходило въ Россіи и въ XVIII вѣкѣ: это чисто современное, и притомъ не русское, а какое-нибудь американское или англійское предпріятіе. И все это дѣлалось безъ всякихъ личныхъ

и корыстныхъ видовъ. Приведу еще характерныя данныя объ издательской дѣятельности Новикова: когда, при учрежденіи „Типографической компаніи“, члены ея вносили денежные капиталы, Новиковъ, за себя и за брата, внесъ книгъ на 80,000 р., считая по 25 к. за рубль, т. е. каталожная ихъ цѣна достигала до 320 тысячъ; когда въ 1795 г. была составлена оффиціальная опись, у „Типографической компаніи“ оказалось книгъ по каталожной цѣнѣ до 700,000 рублей.

Если просвѣтительная дѣятельность Новикова и его друзей развилась до такихъ безпримѣрныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ просвѣтительнаго направленія екатерининской политики, то, съ другой стороны, все это прекрасное и плодотворное дѣло вскорѣ погребло и погубило самихъ дѣятелей по случаю переменъ въ правительственномъ направленіи, изъ-за подозрительности Екатерины.

Уже въ 1785 году начались преслѣдованія Новикова, поводомъ къ чему послужили нѣкоторыя мистическія масонскія произведенія, вышедшія изъ его типографіи. Изданнымъ въ концѣ этого года именнымъ указомъ главнокомандующему въ Москвѣ (графу Брюсу) повелѣно было войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ архіепископомъ „объ опредѣленіи одного или двухъ изъ духовныхъ особъ, вмѣстѣ съ свѣтскими, для освидѣтельствованія книгъ, выходящихъ изъ Новиковой и другихъ вольныхъ типографій, гдѣ что-либо касается до вѣры, или дѣлъ духовныхъ, и для наблюденія, чтобы таковыя печатаны не были, въ коихъ какія-либо колобродства, нелѣпыя умствованія и расколъ скрываются“. Указъ этотъ изданъ былъ „въ разсужденіи того, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги“, вслѣдствіе чего и повелѣно было „книги его типографіи освидѣтельствовать и что окажется Намъ донести и синодъ Нашъ увѣдомить“, самого же Новикова приказано „испытать въ законѣ нашемъ“. Въ указѣ 1786 г. повелѣвается нѣкоторыя изъ

книгъ „въ продажу выпускать запретить, покуда ближайшее разсмотрѣніе и дальнѣйшее приказаніе послѣдуетъ“. Въ томъ же указѣ находимъ и мѣру болѣе общаго характера: имъ повелѣно было „помянутому Новикову, да и вообще содержателямъ вольныхъ типографій въ Москвѣ, строжайше подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги наполненныя подобными странными мудрствованіями, или лучше сказать сущими заблужденіями, подъ опасеніемъ не только конфискованія, тѣхъ книгъ, но и лишенія права содержать типографію и книжную лавку, а при томъ и законнаго взысканія“.

Послѣ ряда новыхъ преслѣдованій Новиковъ въ 1792 году былъ посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, изъ которой онъ былъ освобожденъ только при Павлѣ I. Хотя всѣ эти преслѣдованія и суровое заключеніе въ крѣпости сильно разстроили здоровье Новикова, онъ прожилъ до 1818 г., проведя послѣдніе двадцать лѣтъ въ деревенскомъ уединеніи и продолжая свои любимыя литературныя занятія ¹⁾.

Дѣло Новикова, помимо цензурныхъ строгостей, было еще осложнено особыми условіями и посторонними опасеніями: Екатерина боялась масоновъ и ихъ отношеній къ цесаревичу Павлу Петровичу; дѣло Радищева было чисто цензурнымъ.

Мы видѣли, что указъ о вольныхъ типографіяхъ перedalъ цензуру управѣ благочинія. Это было еще разъ подтверждено 15-го мая 1790 г. ²⁾; а въ іюнѣ того же года начался процессъ Радищева изъ-за его книги, дозволенной къ печати управою благочинія.

Книга Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ касается важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ: она предлагаетъ проектъ освобожденія крестьянъ

¹⁾ П. С. З. №№ 16301, 16362, 16364; см. *Лонгинова*—„Новиковъ и московскіе мартинисты“.

²⁾ П. С. З., № 16368.

янь, говоритъ противъ самовластиа и злоупотребленій администраціи, противъ цензуры, нападаетъ на тогдашнюю систему образованія, возстаетъ противъ многихъ обычаевъ и пороковъ общества и т. д. Все это было лишь послѣдовательнымъ и осмысленнымъ примѣненіемъ къ вопросамъ русской жизни принциповъ просвѣщенія, которымъ въ свое время поклонялась сама Екатерина, въ которыхъ воспитывался Радищевъ по распоряженію самой же императрицы. Но времена перемѣнились, сильно перемѣнилась и Екатерина: то, что прежде ее восхищало, чему она покровительствовала,—теперь она отвергала, преслѣдовала.

Радищевъ говорилъ потомъ, что издай онъ свою книгу на нѣсколько лѣтъ раньше, онъ заслужилъ бы милость, а не преслѣдованіе. Теперь же Екатерина повелѣла арестовать автора „Путешествія“, предать его суду, а самую книгу уничтожить. Радищевъ былъ посаженъ въ крѣпость и судимъ въ уголовной палатѣ, которая приговорила его къ смертной казни; приговоръ этотъ былъ утвержденъ сенатомъ, а затѣмъ еще и совѣтомъ, которому было передано дѣло по Высочайшему повелѣнію. Какъ могъ состояться такой суровый приговоръ надъ писателемъ? Прежде всего Радищевъ, какъ онъ и указывалъ въ своихъ объясненіяхъ, не могъ подлежать никакой отвѣтственности, потому-что онъ издалъ свою книгу съ предварительнаго разрѣшенія законной цензуры; кромѣ того въ законахъ не было никакихъ постановленій, которыя могли бы быть примѣнены къ книгѣ Радищева. Судьи Радищева, зная отношеніе къ его дѣлу Императрицы, руководившей допросами и слѣдившей за процессомъ, произнесли смертный приговоръ; но для этого они должны были подобрать статьи закона, не имѣвшія въ сущности никакого отношенія къ Радищеву, — напримѣръ, 13 пунктъ 22 главы Уложенія, говорившій: „а которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умысле-

ніемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити смертію“. Екатерина въ Высочайшемъ указѣ признала правильнымъ приговоръ надъ Радищевымъ, но, по поводу мира съ Швеціей, помиловала несчастнаго писателя, замѣнивъ казнь десятилѣтнею ссылкой въ Сибирь. Какъ извѣстно, императоръ Павелъ вернулъ Радищева въ Россію, дозволилъ ему жить въ его деревнѣ, а при Александрѣ I Радищевъ былъ вызванъ въ Петербургъ для работъ въ законодательной коммисіи; столкновеніе съ начальствомъ, которое вновь было погрозило Радищеву Сибирью за его либерализмъ, заставило больного Радищева окончить свою жизнь самоубійствомъ ¹⁾.

Въ данномъ случаѣ для насъ особенно интересны еще тѣ страницы въ книгѣ Радищева, гдѣ говорится о цензурѣ. Радищевъ рѣшительно высказывается противъ цензуры: „слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія“,—цитуетъ онъ Наказъ Екатерины. Онъ довольно подробно излагаетъ исторію происхожденія пензуры въ Европѣ; не останавливаясь на этомъ, приведу разсказъ Радищева о современной ему русской цензурѣ.

„Правительство, дознавъ полезность книгопечатанія, оное дозволило всѣмъ, но паче еще дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетить благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего можетъ быть только тотъ, чтобы воспрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ немисленный урядникъ благочинія можетъ величайшій въ просвѣщеніи сдѣлать вредъ и на многія лѣта остановку въ шествіи разума,—запретить полезное изобрѣтеніе, новую мысль

¹⁾ Подробный разсказъ о процессѣ Радищева см. въ *Русск. Старинѣ* 1882 г., сентябрь, стр. 457—532: „Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII вѣкѣ“.

и всѣхъ лишить великаго. Примѣръ въ малости. Въ управу благочинія принесенъ для утвержденія переводъ романа. Переводчикъ, слѣдую автору, говоря о любви, назвалъ ее лукавымъ богомъ. Мундирный цензоръ, исполненный духа благоговѣнія, сіе выраженіе почернилъ, говоря: „неприлично Божество называть лукавымъ“. Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается. Если хочешь благоустроеннаго воздуха, удали отъ себя коптильню; если хочешь свѣта, удали затмеваніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, ты выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже. Такого же рода цензоръ не позволялъ, сказываютъ, печатать тѣ сочиненія, гдѣ упоминалось о Богѣ. Если въ какомъ-либо сочиненіи порочили народныя нравы того или другого государства, онъ недозволеннымъ сіе почиталъ, говоря: „Россія имѣетъ трактатъ дружбы съ нимъ“. Если упоминалось гдѣ о князѣ или графѣ, того не позволялъ онъ печатать, говоря: „сіе есть личность, ибо у насъ есть князья и графы между знатными особами“¹⁾.

Изъ распоряженій Екатерины II касательно книгопечатанія надо еще упомянуть указъ 16-го сентября 1796 г., уничтожившій „вольныя“ типографіи, „тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество типографій“ (казенныхъ). Цензура всѣхъ книгъ сосредоточена въ столицахъ, гдѣ учреждены особые цензурныя вѣдомства²⁾.

По вступленіи на престолъ Императоръ Павелъ всѣчески старался измѣнять установленія и учрежденія, созданныя его матерью; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не измѣнилъ реакціоннаго направленія, восторжествовавшего въ послѣдніе годы царствованія

¹⁾ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, Спб. 1790 г., глава „Торжокъ“, стр. 292—294.

²⁾ П. С. З. № 17508.

Екатерины; это была единственная черта, въ которой сынъ не противорѣчилъ матери, а даже значительно усилилъ реакцію. Такъ было и въ области цензуры.

Въ іюлѣ 1797 г. „Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ: книги, цензурою признаваемыя недозволенными, представлять на усмотрѣніе совѣту“ ¹⁾. Такимъ образомъ учреждена новая цензурная инстанція: главное завѣдываніе цензурою перешло прямо въ руки высшаго правительства. Въ слѣдующемъ году запрещено печатать географическія карты безъ разрѣшенія географическаго департамента ²⁾. Въ апрѣлѣ 1800 г. всѣ цензоры подчинены С.-Петербургской цензурѣ, безъ разрѣшенія которой нельзя ничего печатать. Въ то же время запрещенъ „выпускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, равномѣрно и музыку“ ³⁾.

Насколько придирчива и мелка была тогда цензура, доказываетъ Высочайшее повелѣніе 1797 г., предписывавшее извѣстное словоупотребленіе: велѣно было вмѣсто *обозрѣніе* писать *осмотрѣніе*, вмѣсто *врачъ*—*мѣ-каръ*, вмѣсто *граждане*—*жители*, *обыватели*, вмѣсто *отечество*—*государство*; слово *общество* совсѣмъ было запрещено и пр. ⁴⁾.

„Достопамятный годъ жизни“ Августа Коцебу, служащій характернымъ памятникомъ произвола своего времени, даетъ намъ указанія на тогдашнія цензурныя требованія и между прочимъ на примѣненіе сейчасъ упомянутаго указа.

„Слово *республика*, — пишетъ Коцебу, — не должно было встрѣчаться въ моей драмѣ „Октавія“. Антоній не смѣлъ говорить—*умираю свободнымъ римляниномъ*. Въ комедіи „Эпиграмма“ должно бы изъ *императора*

¹⁾ П. С. З. № 18032.

²⁾ П. С. З. № 18788.

³⁾ П. С. З. №№ 19386 и 19387.

⁴⁾ Русск. Стар. 1871 г., апрѣль, стр. 531 и 532

Японіи сдѣлать простого владѣльца этого острова. Равнымъ образомъ необходимо было исключить вредную мысль, что *икра получается изъ Россіи*, и что *Россія страна отдаленная*. Не позволялось камергеру полагать, что онъ *хорошій патриотъ*, потому что не соглашался вступать въ бракъ съ иностранкою. Равнымъ образомъ не допускалось говорить, что камеръ-лакей *дерзокъ*. Надо было исключить фразу, въ которой говорилось, что его величество *не болтъ и не ослтъ*... Слово *кѣпость* замѣнялось словомъ тюрьма, слово *царедворецъ* словомъ лстець (что, конечно, не очень лестно для царедворцевъ... Въ пьесѣ „Аббатъ Эпѣ“ не позволено было, чтобы въ Тулузѣ обитали *граждане*. Франваль не смѣлъ говорить „горе моей *родинѣ*“; онъ долженъ былъ сказать—„горе моей *странѣ*“, потому что особымъ указомъ воспрещалось русскимъ имѣть родину“...

Коцебу тутъ же вспоминаетъ, что въ одной его пьесѣ цензоръ сдѣлалъ такое измѣненіе: влюбленный сапожникъ, *сгоравшій* безнадежно любовью, говорилъ: „я уѣзжаю въ Россію; говорятъ, тамъ *холоднѣе* здѣшняго“; цензоръ вмѣсто этого вставилъ: *Я уѣзжаю въ Россію,—тамъ только одни честные люди!* ¹⁾).

Если правленіе Павла I представляло систематическое противодѣйствіе порядкамъ лучшей эпохи екатерининскаго царствованія, то первые годы царствованія Александра Павловича явились полною реакціею по отношенію къ павловскому времени. Молодой императоръ объявилъ въ манифестѣ, что онъ будетъ управлять „по законамъ и сердцу Августѣйшей Бабки“, и онъ дѣйствительно старался возстановить многое изъ лучшихъ постановленій, изъ лучшихъ начинаній Екатерины II, отмѣняя въ то же время стѣсненія, введенныя при Павлѣ или въ послѣдніе годы Екатерины.

Въ первый же мѣсяцъ новаго царствованія было

¹⁾ Августъ Коцебу. „Достопамятный годъ моей жизни“. Спб. 1879 г., II, стр. 84—86.

уничтожено запрещеніе ввозить иностранныя книги; частныя типографіи велѣно было распечатать и дозволено изданіе книгъ ¹⁾. Въ началѣ слѣдующаго года правительство объявило: „Пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе (т.е. прежняя строгая цензурная система) было и весьма недостаточно къ достиженію имѣ цѣли“; было возстановлено въ полной силѣ дѣйствіе екатерининскаго указа 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что цензура печатаемыхъ книгъ поручена не управѣ благочинія, а директорамъ училищъ подѣ дѣніемъ губернатора; академіи, университетамъ, корпусамъ, имѣющимъ свои типографіи, предоставлено право самостоятельной цензуры ²⁾. Этимъ распоряженіемъ цензура изъ рукъ полиціи передана чинамъ вѣдомства народнаго просвѣщенія; скоро дѣло было поставлено еще благопріятнѣе: именнымъ указомъ 26-го января 1803 г. между прочимъ было повелѣно: „цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ имѣетъ принадлежать *единственно университетамъ*, коль скоро они въ округахъ учреждены будутъ“ ³⁾. Это правило яснѣе и опредѣленнѣе высказано въ уставахъ университетовъ — виленскаго и дерптскаго (1803 г.), московскаго, харьковскаго и казанскаго (1804); къ „вѣдѣнію“ университета отнесена „цензура всѣхъ сочиненій, въ *округѣ* его издаваемыхъ“. ⁴⁾

¹⁾ П. С. З. № 19807, 31-го марта 1801 г.

²⁾ П. С. З. № 20139.—Официальное изданіе—„Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“ (1862 г.), невѣрно процитовавъ этотъ указъ (*печатанныя* книги вмѣсто *печатаемыхъ*), ошибочно считаетъ, что тутъ была отмѣнена предварительная цензура. Вслѣдъ за официальнымъ историкомъ цензуры, А. М. Скобичевскій („Очерки исторіи русской цензуры,“ Сбп. 1892 г., стр. 88—97) также считаетъ, что указъ 1802 г. отмѣнилъ *предварительную* цензуру, возстановленную будто бы затѣмъ цензурнымъ уставомъ 1804 года.

³⁾ П. С. З. № 20597.

⁴⁾ П. С. З. № 20701, IX; 20765, 15; 21498, §§ 8, 178 — 189 также 21499, 21500;

Съ этого времени цензура окончательно перешла въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, какъ она и оставалась въ теченіе 60 лѣтъ.

Это были лишь предварительныя мѣры; правительство готовило особый „уставъ о цензурѣ“, который и былъ изданъ въ 1804 г.

„Дней Александровыхъ прекрасное начало“...

—говорить Пушкинъ. Много, дѣйствительно, свѣтлаго внесено было въ то время въ русскую жизнь. Особенно важны были мѣры по народному просвѣщенію. Въ 1802 г. учреждено было „министерство народнаго просвѣщенія, воспитаніе юношества и распространенія наукъ“; при немъ была образована коммиссія или— „главное правленіе училищъ“, которое должно было руководиться „предварительными правилами народнаго просвѣщенія“, изданными въ январѣ 1803 г. Первымъ дѣломъ главнаго правленія было составленіе университетскаго устава и устава о цензурѣ (и тотъ, и другой изданы въ 1804 г.).

Если университетскій уставъ 1804 г. представлялъ условія, наиболѣе благопріятныя для университетской жизни за все время до шестидесятихъ годовъ, то такимъ же образомъ и цензурный уставъ 1804 г. является наиболѣе либеральнымъ, наиболѣе благопріятнымъ для литературы за всѣ послѣдующія шестьдесятъ лѣтъ.

II.

Мѣры, принятія въ началѣ царствованія Александра I оживили литературу, ободрили литераторовъ, которые подъ гнетомъ павловскаго режима старались „существовать непримѣтнымъ образомъ“, какъ выразился Вигель. Обсужденіе общаго цензурнаго устава въ главномъ правленіи училищъ сдѣлалось извѣстнымъ

въ литературныхъ кругахъ и возбудило горячія надежды на лучшія времена для печати. Какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ была представлена въ главное правленіе записка, прямо высказывающаяся за свободу печати; интересныя выдержки изъ этой записки напечатаны покойнымъ академикомъ Сухомлиповымъ.

„Истинные сыны отечества,—говоритъ неизвѣстный авторъ,—ждутъ уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами. Свобода писать въ настоящемъ философическомъ вѣкѣ не можетъ казаться путемъ къ развращенію и вреду государства. Цензура нужна была въ прошедшихъ столѣтіяхъ, нужна была фанатизму невѣжества, покрывавшему Европу густымъ мракомъ, когда варварскіе законы государственные, догматы невѣжествомъ искаженной вѣры и деспотизмъ самый безчеловѣчный утѣсняли свободу людей, и когда мыслить было преступленіе... Словесность наша всегда была подъ гнетомъ цензуры. Сто лѣтъ, какъ она составляетъ отдѣлъ въ исторіи ума человѣческаго и его произведеній. Мы имѣемъ много хорошихъ поэтовъ, много прозаиковъ; видимъ на нашемъ языкѣ сочиненія математическія, физическія и другія, но философіи нѣтъ и слѣда! Можетъ быть скажутъ, что у насъ есть переводы философскихъ твореній. Это правда, но всѣ наши переводы содержатъ только отрывки своихъ подлинниковъ; рука цензора умѣла убить ихъ духъ... Разные толки объ истинѣ не столько опасны, сколько заблужденія невѣжества“ ¹⁾...

Взгляды неизвѣстнаго автора записки, напоминающіе, по справедливому замѣчанію Сухомлинова, то, что высказано о цензурѣ Радищевымъ въ его „Путешествіи“,—взгляды эти не были въ то время чѣмъ-то исклю-

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ, Исслѣдованія и статьи. I. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіи императора Александра I. Стр. 415 и 416.

чительнымъ; они прямо сказывались среди членовъ главнаго правленія училищъ при обсужденіи цензурнаго устава.

Такъ, Н. Н. Новосильцовъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Александру людей, представилъ въ главное правленіе училищъ новые датскіе законы о печати и вмѣстѣ проектъ примѣненія ихъ къ Россіи. Въ Даніи Христіанъ VII, подъ вліяніемъ знаменитаго Струензе, отмѣнилъ совсѣмъ цензуру, но затѣмъ свобода печати была значительно ограничена постановленіями репрессивнаго характера. Новосильцовъ именно и внесъ на обсужденіе главнаго правленія датскіе карательные законы о печати, причемъ онъ проектировалъ, признавъ для Россіи карательную цензуру вмѣсто предупредительной, значительно смягчить датскія постановленія. Для характеристики проекта Новосильцова укажу одну подробность. Онъ предлагалъ учредить особый судъ для проступковъ печати, именно въ такомъ порядкѣ: право конфискаціи подозрительныхъ сочиненій должно принадлежать не полиціи, а академіи и университетамъ; если университетъ признаетъ изданную книгу вредною, то онъ не самъ рѣшаетъ окончательное дѣло, а представляетъ его усмотрѣнію „посредниковъ“, которыхъ онъ выбираетъ по списку, составленному заранее главнымъ правленіемъ училищъ,—въ списокъ этотъ вносятся государственные чиновники, имѣющіе необходимыя научныя свѣдѣнія и пользующіеся уваженіемъ въ обществѣ.

Большинство голосовъ въ главномъ правленіи въ концѣ-концовъ склонилось въ пользу удержанія предварительной цензуры. Хотя правленіе и признавало значеніе за проектомъ Новосильцова и за его доводами, признавало также и неудобства предварительной цензуры: „сочиненіе исполненное полезнѣйшихъ истинъ, но поражающихъ своей новостью и смѣлостью, можетъ подвергнуться запрещенію со стороны мнительнаго и робкаго цензора“; тѣмъ не менѣе оно считало, что пред-

варительная цензура привычѣе для Россіи, сообразнѣе съ тѣмъ, что уже практиковалось до того, и надѣялось, что подробныя наставленія цензорамъ поставятъ у насъ цензуру въ такое положеніе, въ которомъ она мало будетъ въ сущности отличаться отъ той свободы книгопечатанія, какая допущена датскимъ законодательствомъ ¹⁾).

Главное правленіе училищъ поручило составленіе проекта цензурнаго устава своимъ членамъ, академикамъ Озерецковскому и Фусу; проектъ ихъ, съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, сдѣланными въ министерствѣ, и былъ Высочайше утвержденъ 9-го іюня 1804 г. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію нашего перваго цензурнаго устава, приведу еще выдержку изъ проекта указа, составленнаго Озерецковскимъ и Фусомъ; эта выдержка покажетъ намъ общее отношеніе правительственныхъ сферъ въ то время къ цензурному вопросу.

„Разумная свобода книгопечатанія, — говорится въ докладѣ, — общаетъ послѣдствія благія и прочныя; злоупотребленіе же ею приноситъ вредъ только случайный и скоропреходящій. По этому нельзя не сожалѣть, что правительства, самыя либеральныя по своимъ принципамъ, находятся иногда въ необходимости ограничивать свободу слова, побуждаясь къ тому примѣромъ, стеченіемъ обстоятельствъ и неотразимымъ вліяніемъ духа времени. Сожалѣніе усиливается при мысли, что такое ограничиваніе трудно удержать въ настоящихъ предѣлахъ и что оно, будучи доведено до крайности, становится положительно вреднымъ. Неоспоримо, что строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія: истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно

¹⁾ Сухомлиновъ, I, 404—413.

изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и что свободное высказываніе даже ложной мысли ведетъ только къ большему торжеству истины: едва заблужденіе отважится заговорить во всеуслышаніе, множество умовъ готово будетъ вступить съ нимъ въ гибельную для него борьбу. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнія, что истиннаго успѣха въ просвѣщеніи, прямого и прочнаго стремленія къ достижимому для человѣчества совершенству можно ожидать только тамъ, гдѣ безпрепятственное употребленіе всѣхъ душевныхъ способностей даетъ свободу умамъ, гдѣ дозволяется открыто разсуждать о важнѣйшихъ интересахъ человѣчества, объ истинахъ, наиболѣе дорогихъ человѣку и гражданину“¹⁾.

Приведенная выдержка изъ проекта указа ясно опредѣляетъ отношеніе его авторовъ къ дѣлу и то направленіе, въ какомъ они работали при составленіи цензурнаго устава.

Приведу главнѣйшія постановленія устава 1804 г. Цѣль цензуры опредѣлена такъ: „главный предметъ... есть доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ, и удалить книги и сочиненія, противныя сему намѣренію“ (§ 2). Ничего нельзя печатать безъ предварительной цензуры (§ 3). Цензура представлена университетамъ, а въ Петербургѣ до учрежденія университета, учрежденъ особый цензурный комитетъ (§§ 3 и 4). „Цензурный комитетъ и каждый цензоръ въ особенности, при разсматриваніи книгъ и сочиненій, наблюдаютъ, чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина“ (§ 15). Цензоръ не долженъ самъ исправлять тѣ мѣста въ рукописяхъ, которыя противны § 15, но долженъ лишь отмѣтить ихъ и предоставить исправленіе издателю (§ 16). Если какая-

¹⁾ Сухомлиновъ, I, 418.

нибудь рукопись будетъ признана совершенно недозволительной для печати, то она удерживается въ цензурѣ, но приславшему ее должны быть объяснены причины, по которымъ рукопись запрещена (§ 18). „Цензура въ за-
прещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій *руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя по какимъ-либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать*“ (§ 21). „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человечества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой-бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія“ (§ 22). Но на-ряду съ этими важными льготами для печати мы встрѣчаемъ и такое постановленіе: „Если-же въ цензуру прислана будетъ рукопись, исполненная мыслей и выраженій, явно отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающаяся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественнаго устройства и тишины, то комитетъ немедленно объявляетъ о такой рукописи правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ“ (§ 19). Весьма важное постановленіе сдѣлано въ § 39: „Сочиненіе и переводъ, одобренные цензурою, могутъ быть напечатаны вновь, не подвергаясь вторичному разсмотрѣнію“.

Дѣлая общую оцѣнку цензурнаго устава 1804 г., мы должны сказать, что онъ, содержа весьма благопріятныя для печати постановленія (особенно §§ 21, 22 и 39), не представляетъ въ цѣломъ достаточно твердой гарантіи для литературы, не даетъ цензурѣ той строгой организаціи, которую главное правленіе училищъ,

какъ мы выше видѣли, считало въ принципѣ необходимой. Уставъ 1804 г. вовсе не даетъ такихъ „подробныхъ наставленій цензорамъ“, которыя могли бы болѣе или менѣе обезопасить литературу отъ излишней и произвольной придирчивости со стороны предубѣжденныхъ или черезъ мѣру усердныхъ цензоровъ. Уставъ, несомнѣнно, составленъ въ духѣ благопріятномъ для литературы (журналистика того времени и привѣтствовала его появленіе), но его примѣненіе, его практическое значеніе должно было зависѣть совершенно отъ исполнителей. Первое время, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внутренняго смысла устава, подъ вліяніемъ общаго тогдашняго направленія нашей внутренней политики, цензура по уставу 1804 г. оказывалась мало стѣснительной для литературы; но все-таки въ первые же годы по изданіи устава стали обнаруживаться случаи цензурныхъ стѣсненій, вызванныхъ разными посторонними вліяніями и совершенно противорѣчившихъ духу закона. Когда же въ нашихъ официальныхъ сферахъ сказалась реакція, особенно сильно охватившая министерство народнаго просвѣщенія, то цензура, несмотря на общій смыслъ устава 1804 года, какъ въ лицѣ своихъ низшихъ агентовъ, такъ и въ лицѣ высшихъ представителей власти, сдѣлалась столь строга и придирчива, что дѣйствія ея за это время вполне напоминаютъ тѣ случаи въ цензурной практикѣ, какія мы видѣли въ XVIII вѣкѣ. Тѣ гарантіи, которыя главное правленіе училищъ думало дать литератуѣ въ уставѣ 1804 г., оказались недѣйствительными; тѣ опасенія, которыя предварительная цензура вызвала въ членахъ главнаго управленія, безусловно оправдались. Горькій опытъ показалъ, что недостаточно еще выразить въ цензурномъ уставѣ „общій духъ терпимости и любви къ просвѣщенію“ для того, чтобы гарантировать ту степень „свободы книгопечатанія, какая необходима къ возвышенію народнаго духа“, для „истиннаго успѣха въ просвѣщеніи“. Съ общей точки зрѣнія исто-

рія нашої цензурної практики по уставу 1804 года представляється очень важною для принципіальної оцінки какъ предварительной цензуры, такъ и неизбежности полного произвола цензуры вообще, — разъ послѣдняя не обстановлена необходимыми правовыми гарантіями и судебными формами.

Въ проектѣ указа объ учрежденіи цензуры говорится: „Учреждая новый порядокъ цензуры, мы желаемъ устранить изъ этой мѣры все, что могло бы полагать препятствія невинному пользованію правомъ мыслить и писать. Мы объявляемъ, что имѣемъ въ виду лишь предупредить злоупотребленія безусловною свободою печати со стороны писателей злонамѣренныхъ, безнравственныхъ и невѣрующихъ“ ¹⁾. Жизненная практика совершенно вышла изъ этихъ предположенныхъ рамокъ.

Императоръ Александръ въ началѣ своего царствованія серьезно задумывался надъ судьбою крѣпостного крестьянства. Онъ сочувственно отнесся къ книгѣ молодого писателя И. П. Пнина.—„Опытъ о просвѣщеніи“, въ которой затрогивался также и крестьянскій вопросъ. Книга Пнина, вышедшая въ 1804 г., имѣла успѣхъ, такъ что въ томъ же году потребовалось новое изданіе. Но обсужденіе крестьянскаго вопроса казалось опаснымъ для многихъ высокопоставленныхъ лицъ, вовсе не желавшихъ отмѣны крѣпостного права, и вліяніе такихъ „консерваторовъ“ гибельно отозвалось на книжкѣ Пнина. Желая вновь издать свой „Опытъ о просвѣщеніи“, Пнинъ долженъ былъ опять представить его въ цензуру, такъ какъ онъ сдѣлалъ значительныя рукописныя добавленія; но цензура на этотъ разъ не пропустила книжки Пнина, несмотря на его объясненіе, что новое добавленіе сдѣлано имъ „по волѣ монарха“. Приведу нѣкоторые мѣста изъ отзывовъ цензора. По поводу словъ Пнина: „насильство и

¹⁾ Сухомлиновъ, I, 517.

невѣжество, составляя характеръ правленія Турціи, не имѣя ничего для себя священнаго; губятъ взаимно гражданъ, не разбирая жертвъ“,—цензоръ замѣтилъ: „хочу вѣрить, что эту мрачную картину списалъ авторъ съ Турціи, а не съ Россіи“. По поводу вопроса о крѣпостномъ правѣ цензоръ писалъ: „хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія; автору слѣдовало не печатать объ этомъ, а просто представить проектъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіею черную, губительную тучу“ ¹⁾. Замѣчательно, что такое же обвиненіе было выставлено еще противъ Радищева, да повторялось и позднѣе, хотя Радищевъ вполне показалъ его принципиальную неосновательность: „народъ нашъ книгъ не читаетъ,—объяснилъ Радищевъ,—да и писана она (книга) слогомъ для простаго народа невнятнымъ“ ²⁾.

Но администрація въ то время думала, что ученія и литературныя произведенія могутъ дѣйствительно вызывать крестьянскія волненія. Такъ, по поводу неповиновенія крестьянъ въ одномъ полтавскомъ имѣніи въ 1821 г., военный губернаторъ Малороссіи въ своемъ донесеніи объяснилъ, что волненіе крестьянъ вызвано статьею въ „Историческомъ, статистическомъ и географическомъ журналѣ“ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на успѣхи земледѣлія и благосостоянія въ Россійскомъ государствѣ“, статью, „наполненную неумѣстными выраженіями и осужденіями“ по крестьянскому вопросу. По Высочайше утвержденному положенію комитета

¹⁾ Сухомлиновъ, I, 430—434; Пятковский „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“ (изд. 1876 г.) II, 91—103; В. И. Семевскій „Крестьянскій „вопросъ“, I, 282 — 286.

²⁾ Русск. Старина, 1882 г., сентябрь, стр. 508.

министровъ, цензоръ, пропустившій эту статью, московскій профессоръ Черепановъ, былъ удаленъ отъ цензорства и отъ деканства; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано общее запрещеніе писать по крестьянскому вопросу ¹⁾.

Литературъ нашей приходилось получать внушенія, замѣчанія и по менѣе важнымъ вопросамъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, отъ официальныхъ взглядовъ даннаго времени. Такъ, по заключеніи Тильзитскаго мира цензура не позволяла въ печати отзывовъ, неблагопріятныхъ Наполеону; даже было сдѣлано общее распоряженіе по цензурѣ: „не пропускать никакихъ артикуловъ, содержащихъ извѣстія и разсужденія политическія“. Такъ, запрещено было писать о конституціяхъ, не только за, но и противъ, и объяснено, что обо всемъ, касающемся правительства, можно писать только по волѣ самого правительства, которому лучше извѣстно, что и когда сообщить публикѣ ²⁾. Такъ, § 22 „устава о цензурѣ“ былъ отмѣненъ циркуляромъ министерства. И дѣло дошло до того, что было запрещено въ 1819 г. письмо Ломоносова о размноженіи и сохраненіи русскаго народа, какъ содержащее мысли предосудительныя, противныя православной церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства ³⁾.

Такой отзывъ былъ данъ самимъ „министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“, кн. А. Н. Голицынымъ. Если реакція открыто начала сказываться въ нашихъ официальныхъ сферахъ послѣ 1812 года и все усиливалась, то со вступленіемъ въ министерство кн. А. Н. Голицына въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія окончательно восторжествовало мистическо-реакціонное направленіе: ближайшими помощниками Голицына сдѣлались извѣстные Магницкій, Руничъ, Стурдза и т. п. При министерствѣ учрежденъ былъ

¹⁾ Бесѣды въ Обществѣ любителей Рос. словесности, III, 32 и 33.

²⁾ *Сухомлинова*, I, 427—429.

³⁾ *Сухомлинова*, I, 459—460.

„ученый комитетъ“, который долженъ былъ давать отзывы по всѣмъ учебнымъ книгамъ и вообще по разнымъ изданіямъ; о направленіи этого комитета можно судить по тому, что онъ распорядился изъять изъ библіотекъ официальный органъ министерства за прежніе годы—„Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, какъ книгу „опасную по нѣкоторымъ ея мѣстамъ“; онъ запретилъ не мало также другихъ книгъ, изданныхъ ранѣе главнымъ правленіемъ училищъ. Если еще при министерствѣ Разумовскаго былъ возможенъ процессъ харьковскаго проф. Шада, высланнаго изъ Россіи за его двѣ книжки, то теперь, при Голицынѣ, произошла извѣстная недостойная исторія въ петербургскомъ университетѣ: преслѣдованію за свои одобренныя раньше книги подверглись профессора Галичъ, Арсеньевъ и т. д.

Цензурный гнетъ тяжело отзывался на поврежденныхъ изданіяхъ. Надо было имѣть такія связи въ цензурномъ вѣдомствѣ, какія были у Яценкова (онъ самъ служилъ цензоромъ), издателя „Духа журналовъ“, для того, чтобы нѣсколько лѣтъ выдерживать борьбу; и все-таки изданіе этого журнала было запрещено въ 1821 г. ¹⁾.

Надо замѣтить, что еще въ первую половину царствованія Александра положеніе цензуры было осложнено вмѣшательствомъ въ дѣло другихъ вѣдомствъ. Еще въ 1811 г. въ наказѣ министерству полиціи „особой канцеляріи“ министра была поручена „цензурная ревизія“, наблюденіе, „чтобы не обращались книги, журналы, мелкія сочиненія и листки безъ установленнаго отъ правительства дозволенія“, а также „иностранныя сочиненія неодобрительнаго содержанія“; отъ министра полиціи зависѣли и „дозволенія на представленіе новыхъ театральныхъ сочиненій и на печатаніе

¹⁾ Бесѣды въ О. Л. Р. С., III, 15—24; Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, стр. 24—28.

афишъ, объявленій“ и т. п.; ему же поручено было наблюдать, чтобы не обращалось такихъ книгъ, которыя „хотя и бывъ пропущены цензурою, подавали бы поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ“. Такимъ образомъ, вѣдомству полиціи были предоставлены—отчасти надзоръ за цензурнымъ вѣдомствомъ, отчасти и самая цензура. Конечно, эти полномочія вызывали столкновенія между министерствами, и цензура нерѣдко подвергалась непріятному постороннему вмѣшательству, но, конечно, всего больше отъ этихъ порядковъ страдала литература.

Какъ на образецъ вмѣшательства министерства полиціи въ цензурныя дѣла, укажу на тотъ случай, когда Вязмитиновъ, управлявшій этимъ министерствомъ, ограничилъ театральную критику: „я такого мнѣнія, писалъ онъ, что позволительны сужденія о театрѣ и объ актерахъ, когда бы оныя зависѣли отъ частнаго содержателя, но сужденія объ Императорскомъ театрѣ и актерахъ, находящихся на службѣ Его Величества, я почитаю неумѣстными во всякомъ журналѣ“. Въ такомъ смыслѣ и былъ составленъ общій циркуляръ по цензурѣ ¹⁾. Если нельзя было говорить объ Императорскихъ актерахъ, какъ о служащихъ, то тѣмъ болѣе начальство должно было признать „непріличнымъ, чтобы въ вѣдомостяхъ помѣщаемы были сужденія о служащихъ или уволенныхъ отъ службы чиновникахъ“, какъ писалъ министръ полиціи министру народнаго просвѣщенія. Оффиціальный историкъ нашей цензуры справедливо указываетъ, что такого рода исключеніе касалось почти всей грамотной части русскаго народа и прямо противорѣчило цензурному уставу, Высочайше еще не отмѣненному ¹⁾. Около того же времени было сдѣлано такое распоряженіе по цензурѣ: „не пропускать ничего относящагося до прави-

¹⁾ Сухомлиновъ, I, 426.

тельства, не испросивъ прежде на то согласія отъ того министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ разсуждается“. И это распоряженіе прямо противорѣчило Высочайше утвержденному цензурному уставу. Позднѣе оно было утверждено по закону и сдѣлалось надолго, какъ далѣе увидимъ, однимъ изъ основныхъ правилъ нашей цензуры, вызывая самыя горькія и справедливыя жалобы какъ со стороны литераторовъ, такъ, наконецъ, со стороны самой цензуры ¹⁾.

Мистическое ханжество, вполне овладѣвшее вѣдомствомъ просвѣщенія при управленіи кн. Голицына, страшно тѣснило литературу. Примѣромъ этого можетъ служить цензурный случай съ одною изъ балладъ Жуковского. Послѣдній представилъ въ 1822 г. въ цензуру свой переводъ изъ Вальтеръ-Скотта — „Ивановъ вечеръ“. Цензура нашла эту балладу крайне неприличной по всему содержанію и по отдѣльнымъ выраженіямъ. Цензура между прочимъ находила: „названіе стихотворенія: *Ивановъ вечеръ* можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь греко-россійской церкви обykle хранить къ дню сего праздника, и переводчикомъ называемаго великимъ днемъ, между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими предъ самымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противоположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день, въ іюль и въ августъ мѣсяцахъ, обыкновенно бываетъ постъ по уставу греко-россійской церкви“. Несмотря на всѣ старанія Жуковского, ему не удалось отстоять свое произведеніе, и оно было напечатано лишь черезъ

¹⁾ Истор. свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, стр. 29, 31 и 32.

два года, съ нѣкоторыми измѣненіями и подъ заглавіемъ „Дункановъ вечеръ“ („Замокъ Смальгольмъ“) ¹⁾.

Говоря о цензурѣ этого времени, невозможно промолчать о Пушкинѣ, который такъ много страдалъ отъ нея и который оставилъ намъ два великолѣпныя „Послания цензору“.

Пушкину пришлось съ самаго начала своей литературной карьеры столкнуться съ цензурой. Вспоминая позднѣе объ этомъ, онъ писалъ Дельвигу:

Поклонникъ правды и свободы
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ,
О чемъ цензуру не прошу
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

И въ силу этихъ столкновеній съ цензурой, въ виду аховъ и ужасовъ цензора Тимковского, Пушкинъ очень скоро перешелъ къ сочиненію стиховъ не для цензуры, но для печати.

Какъ извѣстно, онъ, чуть-было не поплатился очень жестоко за свои *рукописные* стихи: ему грозила ссылка въ Соловки; но заступничество друзей спасло его, и онъ былъ отправленъ на югъ, на службу. Тамъ развился и окрѣпъ его талантъ, тамъ были созданы имъ неподражаемыя поэтическія произведенія; но сознаніе цензурнаго гнета, какъ кошмаръ, давило творчество великаго поэта. Онъ старался писать стихи, не думая о печати, о цензурѣ. „Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому ²⁾. Но, конечно, онъ не могъ обречь свою поэзію на полную неизвѣстность или на рукописную извѣстность (тѣмъ болѣе, что онъ уже и пострадалъ за рукописи), да и матеріальныя соображенія заставляли его печатать. И вотъ,

¹⁾ См. объ этомъ случаѣ подробный рассказъ у *Сухомлинова*, I, 436—447.

²⁾ Соч. Пушкина (изд. П. А. Ефремова 1903 г.), VII. 81.

при изданіи стиховъ Пушкина происходили постоянныя столкновенія съ цензурой. Отослалъ Пушкинъ свои стихи для печати въ Москву или въ Петербургъ,—подъ цензуру, подъ Бирукова, какъ онъ выражался,—и для него наставала пора мучительныхъ опасеній.

И письма Пушкина наполнены вопросами: „вѣрно не лѣзетъ сквозь цензуру?“,— „не запретила ли цензура?“ ¹⁾. Бестужеву Пушкинъ писалъ въ 1822 г.: „Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ“... ²⁾ Пушкинъ ставилъ цензурныя притѣсненія въ прямую связь съ нарушеніемъ его имущественныхъ правъ и писалъ кн. Вяземскому: „...на конченную свою поэму я смотрю, какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ, я продаю съ барышомъ. Цеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрываетъ, портитъ товаръ. Я въ накладѣ, иду жаловаться частному приставу... Думаю скоро сражаться съ Бируковымъ...“ ³⁾.

Въ 1823 году Пушкинъ поручилъ кн. Вяземскому издать „Кавказскаго Плѣнника“, онъ старался при этомъ избавиться отъ цензурныхъ искаженій. Онъ пишетъ Вяземскому:

„Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю насъ послала...

„Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: *ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей—ради Христа, ночей судьба на долю ей послала.* То ли дѣло *ночей*, ибо днемъ она съ нимъ не видалась,—смотри поэму. И чѣмъ же ночь неблаго-

¹⁾ Соч. VII, 35, 37.

²⁾ Соч. VII, 45.

³⁾ Соч. VII, 62.

пристойнѣ дня? которые изъ 24-хъ часовъ именно противны духу нашей цензуры?“¹⁾

Посылая въ томъ же году для печати „Бахчисарайскій фонтанъ“ опять кн. Вяземскому, Пушкинъ писалъ ему: „напечатай, да сдѣлай милость, не уступай этой..., цензурѣ, отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее. если возможно, въ мое воспоминаіе“...²⁾. И Пушкину не разъ приходится восклицать въ своихъ письмахъ: —„ужъ эта мнѣ цензура!“ или „*censura delenda est!*“ и проч.

Въ 1822 и въ 1824 г. Пушкинымъ написаны два „Посланія цензору“: они были напечатаны только въ 1856 г. и все-таки со многими еще пропусками; въ полномъ видѣ они появились лишь въ 1870 г. Въ началѣ перваго посланія, нарисовавъ идеаль просвѣщеннаго и умнаго цензора-гражданина, который не тѣснитъ мнѣнья и терпитъ разумъ, не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ, не преграждаетъ путей истинѣ, умѣя когда нужно, принять на себя отвѣтственность, Пушкинъ обращается къ дѣйствительному цензору такъ:

А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должна бѣ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ,
Рѣшилъ,—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?

.....
На все кидаешь ты косою невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ,—во всемъ ты видишь ядъ...
....Но ты свое несешь и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человекъ.

Далѣе Пушкинъ указываетъ на извѣстную свободу

¹⁾ Сочин. VII, 78.

²⁾ Тамъ же, стр. 81.

печати при Екатеринѣ, авторѣ „Наказа“, на сочиненія Фонвизина и Богдановича.

Ты что-же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бѣ раздѣлялись они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зеркало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ *отчество* назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжество несла Россіи бремя...

Второе посланіе цензору было написано Пушкинымъ, когда онъ узналъ о назначеніи адмирала Шишкова министромъ просвѣщенія вмѣсто кн. Голицына. Шишковъ былъ самъ литераторомъ, былъ въ оппозиціи къ мистическому направленію кн. Голицына, и при немъ сначала было замѣтно какъ бы нѣкоторое ослабленіе цензурныхъ придиорокъ. Пушкинъ такъ изображаетъ положеніе цензуры при Голицынѣ, говоря, что Шишковъ (мы сейчасъ увидимъ его взгляды на цензуру).

... Съ нами сѣтоваль, когда святой отецъ,
Омара да Гали принявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье...

Упомянувъ о ближайшихъ помощникахъ Голицына, Пушкинъ говоритъ:

И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья... ¹⁾

¹⁾ Соч. Пушкина, I, 523—530.

Пушкинъ ошибся, думая, что при Шишковѣ строгости цензуры будутъ существенно облегчены; очень скоро онъ Бестужеву признавался въ этомъ: „я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ, но вижу, что и при старомъ по старому?“ ¹⁾. Ошибся онъ также, когда говорилъ, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“... Ему самому пришлось жестоко страдать подъ гнетомъ нѣсколькихъ цензуръ въ послѣдующее время.

Пушкинъ во второмъ посланіи цензору прямо говорить, что Шишковъ вмѣстѣ со всѣми литераторами сѣтовалъ на цензурные порядки при кн. Голицынѣ. Мы имѣемъ официальную записку Шишкова о цензурѣ (1822 г.), въ которой читаемъ:

„Цензура должна быть ни слабая, ни строгая; но къ сему должно еще присовокупить: *и разумѣющая силу языка*; ибо безъ сего она будетъ препятствовать успѣхамъ просвѣщенія, а иногда сама, черезъ поправленіе того, чтó само по себѣ было невинно, сдѣлаетъ оное виновнымъ. Нужно ли показать тому изъ многихъ хотя одинъ примѣръ?... Сочинитель пишетъ:

...О дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима!
Мнѣ грустно на землѣ!

Цензоръ не пропустилъ и вычернилъ слово *серафима*. Можно ли такимъ образомъ стѣснять писателей? Какая бѣда просить крылья серафима, чтобы взлетѣть на небеса? Да на какихъ же другихъ крыльяхъ можно куда вознестись? Всѣ народы на всѣхъ языкахъ говорятъ и пишутъ о прекрасныхъ женщинахъ или благо нравныхъ мужчинахъ: *какой ангелъ! какой у него ангельскій нравъ!* и проч. Если не позволять сего писать, такъ надобно всѣ книги сжечь и всякому запретить уста. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ объ одной сло-

¹⁾ Соч. VII, 116.

весности; но покажемъ изъ тѣхъ же стиховъ еще примѣръ несравненно чудеснѣйшій.

Сочинитель говорить:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ? что въ мірѣ,
Гдѣ смерть и рокъ цари?

Цензоръ вымаралъ слово *рокъ*, и... напечатано такъ: ...что въ мірѣ, гдѣ смерть и—цари?—Теперь посмотримъ смыслъ двухъ прежнихъ, непропущенныхъ цензоромъ, и двухъ послѣднихъ, испорченныхъ и пропущенныхъ имъ стиховъ: сочинитель жалуется на здѣшній міръ, говоря, что въ немъ всѣ наши радости кратковременныя, что въ немъ *смерть и рокъ цари*, т. е. царствуютъ... Мысль обыкновенная въ грусти и печали. Цензоръ, не пропуская нужнаго слова, принудилъ его опорочивать міръ тѣмъ, что въ немъ господствуютъ два зла: *смерть и—цари!* мысль, самая оскорбительная для царей, поелику ихъ владычество уподобляетъ владычеству смерти... Цензоры на всѣ времена были у насъ большею частію худы, т. е. недовольно свѣдуши въ словесности. Я помню, давно уже, что одинъ изъ нихъ не хотѣлъ пропустить выраженія *нагая истина*, сказывая, что *истина* женскаго рода, и потому непристойно ей выходить въ свѣтъ *нагою*" ¹⁾.

Но Шишковъ не шелъ дальше этого въ нападкахъ на цензуру, признавалъ ее, напротивъ, слишкомъ слабою, недостаточною, признавалъ за нею обязанность строго слѣдить за правильностью слога и т. д.

Случаи цензурныхъ придиорокъ, рассказанныхъ Шишковымъ, напоминаютъ собою то, что передаетъ Радищевъ, о чемъ говоритъ и Пушкинъ въ своихъ посланіяхъ цензору ²⁾. И это все не выдумки: несо-

¹⁾ Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870. II, 145 и 146.

²⁾ Во второмъ посланіи Пушкинъ радуется, что цензоръ дозволилъ въ стихахъ называть красоту *небесною* и пр. Соч. I, 528.

мѣнная официальная дѣйствительность далеко оставляла за собою эти рассказы.

Особенною религіозною ревностью отличался цензоръ Красовскій. Такъ, разсматривая одну лирическую пьесу, говорящую и о любви, помѣченную внизу по-этомъ—„9-го марта 1823 г.“ и представленную въ цензуру редакціею *Сына Отечества*, Красовскій замѣтилъ: „9-го марта 1823 г., т. е. въ одинъ изъ первыхъ дней великаго поста, весьма неприлично писать о любви дѣвы, неизвѣстно какой, когда говорятъ о материнской любви и смерти. Притомъ же *Сынъ Отечества* читаютъ люди степенные и даже духовные“¹⁾. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Красовскій въ другой разъ остановилъ печатаніе какого-то романса о французскомъ рыцарѣ въ томъ же *Сынѣ Отечества*: „сіи стихи, писалъ Красовскій (вмѣсто № 11) приличнѣе будетъ напечатать въ № 18 или 19 *С. О.* Теперь сыны и дочери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова побѣдившая французъ - рыцаря)“⁴⁾. Печатаніе стихотворенія было отложено. Вотъ еще подробный разборъ Красовскимъ одного стихотворенія поэта Олина: „Стансы къ Элизѣ“. Привожу послѣ отдѣльныхъ стиховъ изъ стансовъ за мѣчанія цензора.

1. Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить.

„Слишкомъ сильно сказано: женщина недостойна того, чтобы улыбку ея называть *небесною*“.

2. И молча *на тебѣ* свои покоить взоры.

„Тутъ есть какая-то двусмысленность“.

3. И поняла, *чего* душа моя искала.

„Надо объяснить чего именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о *душѣ*“.

¹⁾ *Русск. Старина* 1871 г., № 10, с. 442.

4. Что въ мнѣныи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный
взглядъ

Дороже для меня *вниманья* всей вселенной.

„Сильно сказано; къ тому жъ во вселенной есть и цари, и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно.

5. О какъ-бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши.
Безвѣстный близъ тебя къ блаженству пріучаться.

„Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобы быть всегда съ своей любовницей; сверхъ сего къ блаженству можно только приучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины“.

6. О какъ бы я желалъ всю жизнь тебѣ отдать.

„Чтожъ останется Богу?“

7. У ногъ твоихъ порой для пѣсней лиру строить.

„Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины“.

8. Тебѣ лишь посвящать, разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое мгновенье,
И сердцемъ близъ тебя, другъ милый, обновясь...

„Всѣ эти мысли противны духу христіанства, ибо въ Евангеліи сказано: кто любитъ отца своего или мать паче Мене, тотъ нѣсть Мене достоинъ“ ¹⁾).

Красовскій очень долго оставался цензором; въ николаевское время, при все усиливавшейся реакціи, онъ игралъ важную роль, быть безъ преувеличенія—гасителемъ просвѣщенія! Говорятъ, что гр. С. С. Уваровъ, важныя заслуги котораго въ пользу русскаго образованія несомнѣнны и, быть можетъ, недостаточно еще оцѣнены, но который сильно все-таки измѣнился въ николаевское царствованіе, — гр. Уваровъ называлъ Красовскаго своею „пѣпною собакой“...

¹⁾ Впервые эти данные были напечатаны въ „Бесѣдахъ въ О. Л. Р. С.“, III, стр. 42—45.

Приведеннаго здѣсь достаточно, чтобы показать, къ чему на практикѣ привелъ цензурный уставъ 1804 г.: несмотря на самое благожелательное отношеніе этого устава къ литературѣ, цензура, подъ вліяніемъ реакціи, охватившей правительственныя сферы, достигла страшнаго произвола, тяжелымъ гнетомъ налегла на литературу. Цензурная практика второй половины александровскаго царствованія во многомъ напоминаетъ XVIII вѣкъ, когда цензурой у насъ завѣдывали, говоря словами Радищева, — „несмысленные урядники благочинія“. Но цензурныя строгости этого времени еще не достигли предѣловъ возможнаго.

Высочайше утвержденный цензурный уставъ 1804 г. на практикѣ во многомъ не соблюдался, какъ мы видѣли. Онъ стоялъ въ противорѣчій съ господствовавшими тенденціями. Въ правительственныхъ сферахъ естественно возникала мысль о пересмотрѣ устава согласованія цензурныхъ правилъ съ дѣйствительною практикой.

III.

Уставъ о цензурѣ 1804 г. во многомъ не соответствовалъ цензурной практикѣ, какъ она установилась во вторую половину царствованія Александра Павловича. Отношеніе правительства къ литературѣ измѣнилось, стало строже. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія естественно возбуждался вопросъ о пересмотрѣ цензурныхъ правилъ для большаго согласованія ихъ со взглядами, взявшими верхъ въ правительственныхъ сферахъ: сторонники мистической реакціи, вполне овладѣвшей вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, не могли спокойно переносить существованіе устава 1804 г.; хотя онъ и представлялъ достаточно широкій просторъ для ихъ произвола, но онъ былъ непріятенъ имъ по своему общему гуманному духу. Уставъ 1804 г.

не помѣшалъ цензурѣ дойти до тѣхъ строгихъ, иногда курьезныхъ придирокъ, примѣры которыхъ приведены въ предыдущей главѣ; но представителямъ мистицизма этого было мало: они хотѣли освятить окончательно общимъ закономъ дѣйствовавшую цензурную практику. Однако цѣль эта не была достигнута скоро, и новый цензурный уставъ, дѣйствительно крайне стѣснительный, былъ утвержденъ тогда уже, когда та партія, которая первая принялась за его разработку, сама подвергалась гоненіямъ вообще, а въ частности и цензурнымъ преслѣдованіямъ. Новый уставъ былъ утвержденъ въ самомъ началѣ царствованія Николая, хотя составленіе его началось еще въ 1820 г. Быть можетъ, дѣло затянулось такъ долго потому, что даже въ концѣ царствованія Александра I тѣ общіе принципы, которые руководили императоромъ въ началѣ его царствованія, сохраняли извѣстное вліяніе, такъ или иначе сдерживали окончательное оффиціальное признаніе, что правительство совершенно отказалось отъ своей прежней программы: извѣстныя привычки и традиціи сохраняли свою силу. Подобно тому, какъ реакція не могла въ 1819 г. добиться „публичнаго разрушенія“ казанскаго университета, какъ она не могла провести отмѣну университетскаго устава 1804 года, такъ и въ цензурномъ вопросѣ она не достигла при Александрѣ I окончательнаго отказа отъ прежнихъ началъ, оффиціального, торжественнаго заявленія о перемѣнѣ во взглядахъ правительства на литературу, на цѣль и значеніе цензуры.

Выше уже было упомянуто о дѣятельности ученаго комитета, образованнаго при министерствѣ кн. Голицына. Въ 1820 году этотъ комитетъ принялся за составленіе новыхъ цензурныхъ правилъ, для чего была образована особая коммиссія. Работы коммиссіи затянулись: только въ 1823 г. былъ готовъ проэктъ новаго цензурнаго устава. Для того, чтобы представить себѣ характеръ этого проэкта, достаточно сказать, что онъ

былъ составленъ Магницкимъ, при одобреніи и содѣйствіи Рунича, а извѣстный Стурдза, даже и тотъ считалъ его слишкомъ стѣснительнымъ и представилъ свой проектъ, болѣе либеральный. Не привожу здѣсь подробностей, тѣмъ болѣе, что большая часть постановленій этого проекта вошла въ цензурный уставъ 1826 г.¹⁾

Въ 1824 г., какъ уже раньше упомянуто, министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ адмиралъ Шишковъ. Это означало извѣстную перемѣну въ постановкѣ всего вѣдомства. Вскорѣ начались гоненія противъ главныхъ сторонниковъ мистическаго направленія; книги, покровительствуемыя при прежнемъ министерствѣ, вызывали преслѣдованія, дозволялись книги, которыя были прежде запрещены; но все это не обозначало еще вовсе, что правительство отказывалось отъ принятой политики, думало о возвратѣ къ прежнимъ началамъ: министерство Шишкова являлось опять-таки чисто реакціоннымъ, хотя и съ другимъ оттѣнкомъ. Въ области цензуры новое министерство вполнѣ поддерживало общіе принципы, которые дѣйствовали при кн. Голицынѣ, которые были выражены въ проектѣ Магницкаго. И Шишковъ, воспользовавшись перемѣною царствованія, провелъ новый цензурный уставъ въ томъ направленіи, какъ онъ былъ подготовленъ при его предшественникѣ.

Выше уже было говорено о томъ, что надежды Пушкина на цензурныя облегченія при Шишковѣ не оправдались. Шишковъ давно уже высказывался въ своихъ запискахъ государственному совѣту за необходимость усиленія цензурныхъ строгостей; онъ правда, желалъ, чтобы цензура была „умная и осторожная“, чтобы „простая травка не казалась ей змѣиными жалами“, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы „низкіе

¹⁾ *Сухомлиновъ*, I, 460—488; *Пятковский*, Изъ исторіи нашего литер. и обществ. развитія (изд. 1876 г.), I, 364—407.

цвѣты“ не могли „закрыть змѣю“ отъ бдительности цензоровъ; онъ усиленно повторялъ, что наша тогдашняя цензура (его записки относятся къ 1815 и къ 1823 г.) слишкомъ слаба, дѣйствуетъ какъ бы съ завязанными глазами. Выше мы видѣли, что Шишковъ осуждаетъ цензуру за нелѣпыя придирки къ словамъ, фигуральнымъ выраженіямъ и поэтическимъ описаніямъ, но на ряду съ этимъ онъ, защитникъ „старого слога“, прямо признаетъ за цензурою обязанность слѣдить за слогомъ писателей, поправлять его. Вообще, Шишковъ, поднявшій, какъ только вступилъ въ министерство, цензурныя гоненія на мистиковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вполне раздѣлялъ взгляды послѣднихъ на необходимость усиленія цензуры и довелъ разработанныя ими цензурныя постановленія до законодательнаго утвержденія. По назначеніи Шишкова министромъ строгость цензуры вообще значительно усилилась. Въ это время введено было правило, запрещавшее обозначать точками пропуски, сдѣланные цензурою; тутъ же вошли въ употребленіе *секретныя* распоряженія по цензурному вѣдомству, играющія такую роль во всей послѣдующей исторіи нашей цензуры ¹⁾. 27-го февраля 1824 г. Высочайше было повелѣно „принять за правило, чтобы россійскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что-либо касающееся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній Россійскаго государства, сверхъ обыкновенной цензуры, безъ дозволенія своихъ начальствъ“, о чемъ и сдѣланы въ этомъ же году надлежащія распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ ²⁾. Въ слѣдующемъ году новое повелѣніе: дабы единожды навсегда было принято за правило не помѣщать въ журналахъ ничего касающагося до военныхъ поселеній, кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ

¹⁾ Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 34.

²⁾ П. С. З. № 29960.

сообщены отъ самого гр. Аракчеева ¹⁾, и т. п. Шишковъ самъ много занимался дѣлами по цензурѣ и его рѣшенія часто бывали очень строги, очень неблагопріятны для литературы. Приведу два примѣра. Шишковъ запретилъ печатаніе статистическаго доклада, сдѣланнаго Германомъ въ академіи наукъ о числѣ смертоубійствъ и самоубійствъ въ Россіи въ 1819 и 1820 гг. на основаніи официальныхъ данныхъ. Шишковъ высказалъ такое заключеніе:

„Статью о исчисленіи смертоубійствъ и самоубійствъ, приключившихся въ два минувшіе годы въ Россіи, почитаю не только ни къ чему ненужною, но вредною. Первое: какая надобность знать о числѣ сихъ преступленій? Второе: по какимъ доказательствамъ всякій читатель можетъ удостовѣренъ быть, что число сіе отнюдь не увеличено? Третье: къ чему извѣщеніе о семъ можетъ служить? Развѣ къ тому только, чтобы колеблющійся преступникъ, видя предъ собою многихъ предшественниковъ, могъ почерпнуть изъ того одобреніе, что онъ не первый къ такому дѣлу приступаетъ? Мнѣ кажется, подобныя статьи, неприличныя къ обнародованію оныхъ, надлежало бы къ тому, кто прислалъ ихъ для печатанія, отослать назадъ съ замѣчаніемъ, чтобы и впредъ надъ такими пустыми вещами не трудился. Хорошо извѣщать о благихъ дѣлахъ, а такія, какъ смертоубійство и самоубійство должны погружаться въ вѣчное забвеніе“ ²⁾.

Въ 1824-мъ году была запрещена переведенная извѣстнымъ Магницкимъ статья „Нѣчто о конституціяхъ“. Хотя цензурный комитетъ и призналъ, что статья эта вполне „въ духѣ самодержавнаго монархическаго правленія“, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ статью все-таки недозволительною по многимъ причинамъ: „во-первыхъ, нѣтъ ни нужды, ни пользы, ниже

¹⁾ Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 34.

²⁾ Сухомлиновъ, I, 424, 425.

приличія разсуждать публично о конституціяхъ въ государствахъ, благоденствующемъ подъ правленіемъ самодержавнымъ; во-вторыхъ, нѣкоторыя сужденія о семъ предметѣ политики могутъ показаться непріятными и для союзныхъ съ Россіей иностранныхъ державъ, имѣющихъ правленіе конституціонное; въ-третьихъ, изданіе въ свѣтъ сего сочиненія на русскомъ языкѣ можетъ подать поводъ издателямъ періодическихъ сочиненій и другихъ книгъ писать о конституціяхъ, а публикѣ—дѣлать свои заключенія и, можетъ быть, превратныя толкованія насчетъ появленія особаго рода сочиненій“. Къ тому же комитетъ имѣлъ въ виду и распоряженіе министра кн. Голицына: дозвоительно пропустить только тѣ разсужденія о правительствѣ, которыя оно само сочтетъ нужнымъ. Министръ Шишковъ вполне согласился съ доводами комитета и статья не была пропущена¹⁾.

Вступивъ въ министерство, Шишковъ нашелъ готовый проектъ цензурнаго устава; онъ подвергъ его новому пересмотру въ ученomъ комитетѣ, внесъ въ него нѣкоторыя измѣненія. Неизвѣстно, какая бы дальнѣйшая судьба выпала на долю этого проекта, если бы какъ разъ тогда же не случилась перемѣна царствованія. Молодой Императоръ, подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его воцареніе, не связанный, подобно своему предшественнику, извѣстными привычками и традиціями, извѣстными въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательствами, раздѣлялъ взгляды министерства на литературу и торопилъ его съ преобразованиемъ цензуры. 10-го іюня 1826 г. былъ Высочайше утвержденъ новый цензурный уставъ.

Уставъ этотъ отличался необыкновенною строгостью; вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на значительный объемъ, на свои 230 параграфовъ, онъ предоставлялъ широкое поле для всякихъ произвольныхъ толкованій. Органи-

¹⁾ „Русская старина“ 1901 г., іюль, стр. 166—167.

заціи цензурнаго вѣдомства была совершенно измѣнена. Во главѣ поставленъ верховный цензурный комитетъ. Цензурѣ поручаются три главнѣйшія попеченія: а) о наукахъ и воспитаніи юношества; б) о нравахъ и внутренней безопасности и в) о направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Поэтому верховный цензурный комитетъ состоитъ изъ министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Верховному комитету подчинены три цензурныхъ комитета, состоящихъ въ вѣдомствѣ просвѣщенія. Цензура совершенно отдѣлена отъ университетовъ, выдѣлена въ особое вѣдомство. Уставъ подробно говоритъ о запретномъ въ области политическихъ вопросовъ.

„§ 166. Запрещается всякое произведеніе словесности не только возмутительное противъ правительства и постановленныхъ отъ него властей, но и ослабляющее должное къ нимъ почтеніе. § 167. А потому цензоры, при разсматриваніи всякаго рода произведеній, обязаны всевозможное обращать вниманіе, чтобы въ нихъ отнюдь не вкрадывалось ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и добровольнаго повиновенія постановленіямъ Высочайшей власти и законамъ отечественнымъ. § 169. Запрещаются къ печатанію всякія частныхъ людей предположенія о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненія правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ состояніямъ и сословіямъ государственнымъ, если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ“.

Такія рамки отводятся для обсужденія внутреннихъ вопросовъ: нельзя говорить не только о правительствѣ но даже о „властяхъ“, т.е. обо всей администраціи, чтобы не ослаблять „должное къ нимъ почтеніе“, но ослаблять „чувства преданности, вѣрности и добровольнаго повиновенія“; нельзя говорить ни о какомъ

преобразованіи въ управленіи или въ устройствѣ, пока правительство само не предприметъ этого преобразованія. И ни о чемъ подобномъ нельзя говорить не только „прямо“, но и „косвенно“. Къ такимъ ограниченіямъ въ обсужденіи внутренней жизни присоединялись запрещенія, касавшіяся внѣшней политики: не дозволялось говорить ничего обиднаго для иностранныхъ державъ, особенно для членовъ Священнаго Союза (§ 170), воспрещалось безъ должнаго уваженія говорить объ иностранныхъ государяхъ, правительствахъ и властяхъ, предлагать имъ неумѣстные совѣты и наставленія (§ 171). Въ уставѣ 1804 г., какъ припомнятъ читатели, заключалась общая оговорка, въ силу которой „скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины... пользуется совершенною свободою“; въ уставѣ 1826 г. тоже сдѣлана оговорка, но лишь относительно иностранныхъ государствъ и притомъ въ такой формѣ: „само собою разумѣется, что скромнаго и пристойнаго разсужденія о предметахъ управленія иностранныхъ государствъ *воепрещать не слѣдуетъ*“ (§ 172).

Очень поучительно отношеніе новаго устава къ философіи: „кромѣ учебныхъ логическихъ и философическихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными и пагубными мудрованіями новѣйшихъ временъ, *вовсе печатаемы быть не должны*“ (§ 186). Въ историческихъ, статистическихъ и географическихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе на цѣль и духъ ихъ, чтобы они не заключали ничего, неблагопріятнаго монархическому правленію, никакихъ произвольныхъ умствованій (§ 177—181); запрещаются всѣ умозрительныя сочиненія о правахъ и законахъ, основанныя на теоріи объ естественномъ состояніи, о договорѣ, о происхожденіи власти не отъ Бога, и т. д. (§ 190). Въ уставѣ 1804 г. мы видѣли предписаніе цензору сомнительныя мѣста истолковывать выгоднѣйшимъ для сочинителя об-

разомъ; новый уставъ, напротивъ, говоритъ: „не позволяется пропускать къ напечатанію мѣста..., имѣющія двоякій смыслъ, если одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ“ (§ 151). Въ полномъ противорѣчій съ уставомъ 1804 г. стоитъ новое предписаніе, чтобы цензура вновь разсматривала книги, предназначенныя для второго и вообще повторительнаго тисненія (§ 156). Не дозволяются къ печатанію сочиненія, нарушающія правила и чистоту русскаго языка, исполненныя грамматическихъ погрѣшностей (§ 154). При разсматриваніи книжныхъ каталоговъ и объявленій цензура должна наблюдать, чтобы приписываемыя книгамъ похвалы не противорѣчили справедливости, дабы любители чтенія не были побуждаемы приобрѣтать книги, не заслуживающія вниманія (§ 157). Недавнее распоряженіе Шишкова по цензурѣ возведено въ законъ: запрещено ставить точки или другіе знаки вмѣсто пропущенныхъ цензурою мѣстъ (§ 152); точно также сдѣлано общимъ правиломъ: „статьи касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается“ (§ 141); этимъ постановленіемъ совершенно стѣснено всякое обсужденіе внутреннихъ дѣлъ. Духовная цензура, еще со времени регламента Петра Великаго, оставалась въ рукахъ духовной власти, но уставъ 1826 г. ввелъ кромѣ того еще нѣсколько спеціальныхъ цензуръ: для книгъ, касающихся религіи католической (§§ 118 и 119), уніатской (§ 120), протестантской (§§ 121—123), для книгъ медицинскихъ (§ 124). для учебниковъ (§ 125).

„Цензурный уставъ 1826 г., подобно уставу 1804 г. служить выраженіемъ *своего* времени,—говоритъ академикъ Сухомлиновъ. Различіе между ними объясняется различіемъ въ направленіи двухъ эпохъ, памятныхъ въ исторіи русской образованности“.

Первое время по выходѣ устава 1826 г. издавались новыя къ нему дополненія, еще болѣе стѣснявшія пе-

чать. Такъ, по уставу статьи о Польшѣ и о Финляндіи могли быть только заимствуемы изъ оффиціальныхъ варшавской и гельсингфорской газетъ (§ 148), а затѣмъ въ 1826 г. дано общее предписаніе: „пріять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская тѣ только изъ сего рода, кои заимствуются изъ с.-петербургскихъ академическихъ газетъ или изъ *Journal de S.-Petersbourg*“ ¹⁾.

Новыя правила примѣнялись строго, о чемъ свидѣтельствуя многочисленныя цензурныя дѣла этого времени ²⁾; шишковскій уставъ легъ тяжелымъ гнетомъ на литературу; къ счастью, онъ просуществовалъ недолго. Съ одной стороны, явился случайный поводъ—пересмотръ правилъ объ иностранной цензурѣ, съ другой стороны въ правительственныхъ сферахъ восторжествовало мнѣніе, что невозможно, опасно брать всю литературу подъ безусловную опеку правительства. Адмиралъ Шишковъ былъ замѣненъ кн. Ливеномъ. Въ 1827 г. было приступлено уже къ составленію новаго общаго цензурнаго устава, который и былъ утвержденъ 22-го апрѣля 1828 г.

Уставъ 1828 г. значительно отличается отъ устава предшествовавшаго Цѣлью цензуры поставлено только наблюденіе за тѣмъ, чтобы не было вредныхъ изданій, но цензура не должна заботиться о направленіи литературы, о руководствѣ ею, а тѣмъ болѣе не должна исправлять ошибокъ или слога писателей. При министерствѣ, взамѣнъ верховнаго цензурнаго комитета создается главное цензурное управленіе изъ представителей разныхъ вѣдомствъ: ему подчинены цензурные комитеты при учебныхъ округахъ. Мы находимъ въ уставѣ нѣкоторыя смягченія. Такъ, цензурѣ вмѣнено

¹⁾ Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 41.

²⁾ Тамъ же, стр. 39 и 40.

въ обязанность обращать вниманія на духъ книги, принимая за основаніе ясный смыслъ рѣчи, не дозволяя произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону (§ 6), не дѣлая привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіемъ (§ 7), отличая благонамѣренныя сужденія и умоарзнія отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, различая также сочиненія ученыхъ, спеціальныя отъ популярныхъ (§ 8). Цензура должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣренныхъ искаженій (§ 13), не входя въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, не рассуждая о полезности и бесполезности изданія, если оно только не вредно, не исправляя слога и литературныхъ ошибокъ автора (§ 15).

Всѣ эти правила, сравнительно съ уставомъ 1826 г., представляютъ улучшенія; но новый уставъ страдалъ по-прежнему неопредѣленностью въ основныхъ положеніяхъ, давалъ просторъ для всякихъ толкованій. Дальнѣйшая цензурная практика основывалась съ одной стороны на толкованіи статей устава въ неблагопріятномъ для литературы смыслѣ, съ другою — на новыхъ дополненіяхъ цензурныхъ правилъ, на распоряженіяхъ администраціи; она вполне отражала на себѣ характеръ времени, все усиливавшуюся реакцію. Другою характерною чертою въ исторіи нашей цензуры за николаевское время является постоянное вмѣшательство въ цензуру постороннихъ вѣдомствъ, отчасти прямо въ силу закона, отчасти въ силу господствовавшихъ административныхъ нравовъ. Николаевская цензура была не самостоятельна, какъ по своему основному характеру, такъ и по фактическому своему положенію.

Въ первое время, при министерствѣ кн. Ливена, положеніе литературы было значительно легче, чѣмъ при Шилковѣ и кн. Голицынѣ. Министръ нерѣдко рѣшалъ въ пользу писателей сомнѣнія, возникавшія въ цензурномъ вѣдомствѣ; онъ заботился, насколько

могъ, о соблюденіи новаго устава, старался о самостоятельности цензуры. Но европейскія событія 1830 г. вызвали усиленіе у насъ цензурныхъ строгостей. Положеніе цензуры еще ухудшилось, когда въ 1833 г. кн. Ливена замѣнилъ С. С. Уваровъ. Выше я уже упоминалъ о заслугахъ Уварова въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія; но положеніе нашей печати сдѣлалось при немъ гораздо тяжелѣе. Думая отстоять самостоятельность цензурнаго вѣдомства, Уваровъ старался всячески усугубить строгости общей цензуры, чтобы избѣгнуть посторонняго вмѣшательства. Онъ не достигъ своей цѣли: строгости его губительно отзывались на печати, а между тѣмъ постороннія притязанія и вмѣшательство въ цензурное дѣло все усиливались. Вскорѣ рядъ отдѣльныхъ распоряженій лишили цензурное вѣдомство всякой самостоятельности, создали множество отдѣльныхъ и равно-обязательныхъ цензуръ. Все касавшееся военнаго дѣла и военной исторіи было подчинено цензурѣ военнаго министерства; критическія статьи объ учебникахъ, изданныхъ для военныхъ училищъ, подлежали цензурѣ военноучебнаго вѣдомства; такъ, были еще установлены по разнымъ случаямъ и по разнымъ вопросамъ цензуры въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ почтовомъ вѣдомствѣ, министерствѣ просвѣщенія и въ академіи наукъ, въ управленіи московскаго попечителя учебнаго округа, въ вѣдомствѣ путей сообщенія, въ комиссіи о построеніи Исаакиевскаго собора, въ комиссіи о пріютахъ, въ Человѣколюбивомъ Обществѣ, въ управленіи Кавказа, въ III отдѣленіи, во II отдѣленіи, въ военно-топографическомъ депо, въ археологической комиссіи, въ государственномъ коннозаводствѣ, въ особомъ учебномъ комитетѣ, при министерствѣ двора, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. „Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдую-

¹⁾ Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, стр. 218, 223, 234, 236, 239, 240, 242, 267, 269, 283; Ист. свѣд. о цензурѣ стр. 52, 57, 58—60.

щихъ цензурою,—говорить А. В. Никитенко,—ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года“. ¹⁾ Какое-нибудь изданіе, съ содержаніемъ разнообразнымъ, могло проходить послѣдовательно черезъ нѣсколько цензуръ. И надо прибавить, что всѣ эти спеціальныя цензуры ни мало не избавляли отъ общей цензуры. Понятно, какъ все это было стѣснительно для печати. Почти всякая отрасль управленія заявляла свои права на особую цензуру и получала ее. Поводы для этого бывали самые незначительные. Такъ, въ 1831 г. академикъ Кеппенъ напечаталъ совершенно невинную статью подъ заглавіемъ „Почтовые сообщенія“. Князь А. Н. Голицынъ, главноначальствующій почтовымъ департаментомъ (бывшій министръ народнаго просвѣщенія), писалъ Уварову: „Авторъ этой статьи критикуетъ распоряженія почтоваго начальства, предлагаетъ новыя взаимныя существующихъ, указываетъ на какія-то злоупотребленія и даже порицаетъ систему страхового сбора утвержденнаго Государемъ Императоромъ... Это попытка того либеральнаго духа Западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительства контролю свободнаго книгопечатанія... Кеппенъ и теперь уже возглашаетъ: *„наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ!“* Дѣло кончилось тѣмъ, что министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ академику Кеппену официальный выговоръ, и было издано распоряженіе, чтобы всѣ статьи о почтовой части до печатанія были представляемы на предварительное разсмотрѣніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. Такъ, когда въ 1845 г. въ газетахъ появилась статья о Николаевской желѣзной дорогѣ, гр. Клейнмихель, нисколько не порицая ея содержаніе, испросилъ, однако, Высочайшее повелѣніе, чтобы ничего не печаталось объ этомъ предметѣ безъ его одобренія и

¹⁾ Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. I, стр. 518—519.

т. д. ¹⁾). За то же время нѣсколько разъ повторялось запрещеніе всѣмъ служащимъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, что-либо печатать безъ разрѣшенія своего начальства ²⁾). При столь сильной боязни гласности, насъ нисколько не удивляетъ такое запрещеніе: въ періодическихъ изданіяхъ нельзя перепечатывать изъ журнала министерства народнаго просвѣщенія распоряженія по этому министерству и т. п. ³⁾).

Такими законодательными повелѣніями и административными распоряженіями былъ дополненъ цензурный уставъ 1828 г. Въ сущности, при этихъ дополненіяхъ онъ мало чѣмъ отличался отъ устава 1826 года, и въ цензурной практикѣ дѣйствовали тѣ начала, тѣ взгляды, которые были официально осуждены въ 1828 г. въ государственномъ совѣтѣ при обсужденіи цензурнаго устава. Для русской литературы, для молодой русской печати настала тяжелая пора.

Выше было говорено объ отношеніяхъ Пушкина къ александровской цензурѣ; еще тяжеле сдѣлалось положеніе великаго поэта въ этомъ отношеніи при Николаѣ, хотя онъ пересталъ быть „опальнымъ“.

Какъ извѣстно, въ 1826 г. Пушкинъ былъ вызванъ изъ своей деревенской ссылки въ Москву, обласканъ государемъ, который взялъ его подъ свое покровительство и затѣмъ черезъ Бенкендорфа обѣщалъ, что „самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній (Пушкина) и цензоромъ“.

„Съ какою цѣлью сдѣлалъ это императоръ Николай Павловичъ? — спрашиваетъ акад. Сухомлиновъ. — Желалъ ли онъ выразить свое уваженіе и довѣріе знаменитому писателю? Но въ такомъ случаѣ всего проще было бы освободить его отъ всякой цензуры. Или, быть можетъ, имѣлось въ виду совершенно другое — устра-

¹⁾ Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 57 и 58.

²⁾ См. Сборникъ и пр., стр. 237; Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 59.

³⁾ Сборникъ и пр., стр. 238.

нить всякую попытку напечатать что-либо такое, что могло бы проскользнуть отъ недосмотра или снисходительности обыкновенной цензуры?“ ¹⁾.

Пушкинъ въ ноябрѣ 1826 г. писалъ Языкову: „Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. *Выгода*, конечно, *необъятная*. Такимъ образомъ *Годунова* тиснемъ“ ²⁾. Опытъ скоро показалъ поэту, что такая выгода имѣетъ и свои неудобства, и что поэтъ вовсе не избавленъ отъ цензуры. Напротивъ, онъ попалъ подъ двойную цензуру.

Въ концѣ того же ноября Пушкинъ получилъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа за то, что читалъ въ Москвѣ въ литературныхъ кругахъ „Бориса Годунова“, еще не представленнаго государю. Въ то же время оказалось, что Пушкинъ лишенъ права печатать что-либо безъ разрѣшенія высшаго начальства, съ дозволенія одной обыкновенной цензуры. Понятно, какъ это было стѣснительно для поэта и какъ это его обижало. „Я не лишенъ правъ гражданства,—писалъ онъ Погодину,—и могу быть цензурованъ нашею цензурою, если хочу,—а съ каждымъ нравоучительнымъ четверостишіемъ я къ высшему начальству не полѣзу,—скажите это имъ“ ³⁾. Но какъ не сердился Пушкинъ, ему приходилось покоряться... Этого еще было мало: высшей цензурѣ государя было еще недостаточно: съ поэта полиція взяла подписку, что онъ ничего не будетъ печатать „безъ разрѣшенія обычной цензуры“ ⁴⁾. Это была, собственно говоря, курьезная несообразность: полиція и цензура требовали разсмотрѣнія того, что только-что было разсмотрѣно въ III отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи, что было разрѣшено самимъ государемъ; выходило такъ, что общая цензура должна была контролировать цензуру государя.

¹⁾ *Сухомлиновъ*. Исслѣдованія и статьи, II, стр. 207.

²⁾ Соч. VII, 263—264.

³⁾ Соч. VII, 285.

⁴⁾ Соч. VII, 300 и 606—607.

Но и съ этимъ Пушкину приходилось мириться. Иногда ему удавалось напечатать мелкія стихотворенія подъ одною общею цензурою, безъ представленія Государя, ему удавалось нерѣдко отдѣлаться отъ притязаній общей цензуры, печатать крупныя произведенія „съ дозволенія правительства“; но случалось, что все это навлекало ему большія непріятности, и подобныя требованія и притязанія возобновлялись. Въ концѣ-концовъ Пушкинъ все-таки очутился подъ двойною цензурою.

Произведенія Пушкина представлялись императору Николаю черезъ III отдѣленіе, которое, собственно говоря, и цензуровало ихъ: оно подносило ихъ Государю вмѣстѣ со своимъ разборомъ, со своими замѣчаніями. Эта высшая цензура была и строга, и медленна. Мы видѣли, что еще въ 1826 году Пушкинъ надѣялся издать „Бориса Годунова“; но несмотря на всѣ хлопоты, изданіе было разрѣшено только въ концѣ 1830 г., при чемъ поэту пришлось сдѣлать значительныя цензурныя измѣненія, да выслушать отзывъ (основанный на докладѣ III отдѣленія), что ему слѣдовало бы „съ нужнымъ очищеніемъ передѣлать комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта“. Изъ другихъ отзывовъ III-го отдѣленія о произведеніяхъ Пушкина приведу здѣсь еще только одинъ, относящійся къ стихотворенію „19-го октября 1825 г.“: „19-е октября—для публики, можетъ быть, будетъ и незначущею пьесою, но... вовсе не нужно говорить о своей *опалѣ*, о *несчастіяхъ*, когда авторъ не былъ въ ономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ за такіе поступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію“ ¹⁾.

Не менѣе Пушкина страдали отъ цензуры Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ; страдали отъ нея и другіе,

¹⁾ Сухомлиновъ, II, стр. 216.

не столь извѣстные писатели, постоянно терпѣла вся текущая печать. Такъ, напр., романъ Загоскина „Аскольдова могила“ былъ переданъ на разсмотрѣніе духовной цензуры; такъ, В. И. Даль подвергся строгому выговору и запрещенію писать за то, что въ одномъ изъ его рассказовъ полиція не можетъ поймать воровку; такъ, И. С. Аксаковъ принужденъ былъ оставить службу за то, что не хотѣлъ отказаться отъ поэзіи; и подобныхъ примѣровъ можно бы указать множество. Приведу изъ интересныхъ записокъ А. В. Никитенко, долго бывшаго цензоромъ и всячески старавшагося защищать права литературы, рассказъ о томъ, какъ онъ пострадалъ изъ-за сущихъ пустяковъ. Графъ Клейнмихель пожаловался Государю на слѣдующія мѣста въ одной повѣсти, напечатанной въ *Сынъ Отечества*.

„Я васъ спрашиваю; чѣмъ дурна фигура вотъ хоть бы этого фельдъ-егеря, съ блестящимъ, совсѣмъ новымъ эксельбантомъ? Считаю себя военнымъ и, что еще лучше, кавалеристомъ, господинъ фельдъ-егерь имѣетъ полное право думать, что онъ интересенъ, когда побрякиваетъ шпорами и крутитъ усы, намазанные фиксатуаромъ, котораго розовый запахъ обдаетъ и его самого и танцующую съ нимъ даму“... „Затѣмъ прапорщикъ строительнаго отряда путей сообщенія, съ огромными эполетами, высокимъ воротникомъ и еще вышшимъ галстукомъ“...

Цензоръ за пропуски этихъ мѣстъ былъ посаженъ на гауптвахту, такъ какъ „неприлично нападать на лица, принадлежащія ко двору и на офицеровъ“ ¹⁾.

Если тяжело было положеніе литературы вообще при такомъ характерѣ цензуры, то особенно трудно приходилось періодической печати. Правительство обращало усиленное вниманіе на журналы и газеты.

¹⁾ Записки и дневникъ А. В. Никитенко, I, 435—436.

Насколько строго относилось тогда правительство къ періодической печати видно, напр. изъ печальной судьбы *Европейца*. Этотъ журналъ сталъ издавать въ Москвѣ въ 1831 г. И. В. Кирѣевскій; первая же книжка вызвала рѣшительное осужденіе; особенно признана вредной статья самого издателя—„Девятнадцатый вѣкъ“. На эту статью обратилъ особое вниманіе самъ Государь, и шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія кн. Ливену: „Его величество извоилъ найти, что вся статья сія есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобъ видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ „просвѣщеніе“ онъ понимаетъ „свободу“, что „дѣятельность разума“ означаетъ у него „революцію“, а „искусно отысканная середина“ не что иное, какъ „конституція“... Оная статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ“... ¹⁾. *Европеецъ* былъ запрещенъ и въ то же время состоялось высочайшее повелѣніе о недозволеніи никакого новаго журнала безъ особаго высочайшаго разрѣшенія.

Не мало цензурныхъ строгостей было вызвано прямо журналами; иногда эти новыя распоряженія дѣлались въ такой неопредѣленной формѣ, что, конечно, еще усиленная возможность произвола. Такъ, въ 1836 г. министръ распорядился: „цензура должна имѣть строжайшее наблюдеіе, чтобы въ повременныхъ изданіяхъ не возобновлялась литературная полемика въ томъ видѣ, въ какомъ она въ прежніе годы овладѣла-было журналами обѣихъ столицъ“ ²⁾.

¹⁾ *Русская Старина*, 1903 г., № 42, стр. 314

²⁾ Сборникъ и пр.; стр. 227.

Всякія мелочи обращали на себя вниманіе. Вотъ примѣры этого. По поводу жалобы одной газетной статьи на дороговизну извозчиковъ, которые берутъ, что хотятъ, съ пассажировъ, прїѣзжающихъ съ ночными поѣздами,—что было принято за порицаніе полиціи,—повелѣно: „сдѣлать общее по цензурѣ распоряженіе, дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали“ ¹⁾. Въ 1847 году было „обращено особенное вниманіе на журнальныя и другія статьи объ отечественной исторіи, для предотвращенія въ оныхъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности“... Или еще: „поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ въ себѣ намеки на строгость цензуры; пояснить, что запрещеніе цензурою впускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить объ ихъ содержаніи въ журналахъ, и тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникъ или въ переводъ“ ²⁾.

При такомъ отношеніи правительства къ періодической печати, новыя изданія разрѣшались очень не-

¹⁾ Тамъ же, 249—250, ср. еще стр. 243, 245, 247 и др.

²⁾ Сборникъ и пр., стр. 240 и 244. Въ своемъ разсказѣ я совершенно умалчиваю объ иностранной цензурѣ; сообщу здѣсь только кстати слѣдующее любопытное обстоятельство. Иныя иностранныя книги дозволялись съ исключеніемъ извѣстныхъ мѣстъ. Объ этомъ сообщалось губернаторамъ для наблюденія; одинъ изъ нихъ помѣщалъ эти сообщенія цензурнаго вѣдомства въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, пропечатывая цѣликомъ и всѣ исключенныя мѣста, такъ что подписчики этой официальной газеты могли знакомиться съ запрещенными мѣстами, не знакомясь съ самой книгой.

охотно, съ большими затрудненіями. Въ 1836 году на ходатайствѣ о разрѣшеніи новаго журнала императоръ Николай надписалъ: „И безъ того много“; послѣ этого прямо было сдѣлано распоряженіе: „представленія о дозволеніи новыхъ періодическихъ изданій на нѣкоторое время воспрещаются“¹⁾.

Пушкину много приходилось имѣть хлопотъ съ цензурою изъ-за желанія издавать журналъ или газету. Многократно въ теченіе ряда лѣтъ дѣлалъ онъ попытки стать редакторомъ періодическаго изданія; ему это долго не удавалось; разъ самъ Государь разрѣшилъ-было ему газету, но затѣмъ дозволеніе было взято назадъ. Только подъ конецъ жизни Пушкинъ получилъ разрѣшеніе издавать *Современникъ*, по 4 книжки въ годъ,—скорѣе сборникъ, чѣмъ журналъ; но и тутъ онъ былъ стѣсненъ и программю изданія, и цензурными строгостями, такъ что ему приходилось только любоваться на „благородныя раны“, наносимыя красными чернилами цензора статьямъ *Современника*.²⁾ Отношеніе Пушкина къ періодической печати, т. е. его публицистическія статьи и его попытки сдѣлаться редакторомъ-издателемъ, представляется весьма интереснымъ эпизодомъ въ исторіи нашей прессы, и дѣятельность Пушкина-журналиста недостаточно еще оцѣнена.

Въ 1844 г. Грановскій, послѣ публичнаго курса, который такъ возвысилъ его популярность и авторитетъ, рѣшилъ со своими друзьями издавать журналъ. Былъ составленъ капиталъ на паяхъ, подали заявленіе о разрѣшеніи имъ *Ежемесячнаго Обзорія*. Грановскій много ждалъ отъ будущаго журнала, который, по его убѣжденію, могъ принести значительную пользу,—„болѣе, чѣмъ цѣлая библіотека ученыхъ сочиненій, которыхъ никто читать не станетъ“. Но на просьбу Грановскаго

¹⁾ Сборникъ и пр., стр. 227.

²⁾ Сочиненія Пушкина, VII, стр. 635.

долго не было отвѣта; наконецъ отвѣтъ пришелъ, и очень короткій: „не нужно“ ¹⁾).

Если редакторамъ трудно было ладить съ цензурными требованіями, если трудно было получить разрѣшеніе на изданіе журнала или газеты, то напротивъ легко было подвергнуться взысканіямъ, подпасть за прещенію. За рассматриваемый періодъ были запрещены журналы: *Литературная Газета* Дельвига, *Европеецъ* Кирѣвскаго, *Московскій Телеграфъ* Полеваго, *Телескопъ* Надеждина и др. Какъ извѣстно, *Телескопъ* былъ за прещенъ за статьи Чаадаева, — авторъ ихъ былъ признанъ сумасшедшимъ, а редакторъ Надеждинъ былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ. Эти запрещенія изданій, которыя всѣ были подцензурными, очень любопытны. Съ одной стороны, наказанія, которымъ иногда подвергались при этомъ авторы и издатели, стояли въ логическомъ и юридическомъ противорѣчій съ самымъ принципомъ предварительной цензуры, какъ на это основательно указывалъ еще Радищевъ; съ другой стороны нерѣдкіе случаи, когда направленіе и содержаніе подцензурныхъ изданій признавалось вреднымъ, должны были убѣждать правительство въ томъ, что предварительная цензура не достигаетъ своей цѣли.

Выше было уже сказано, что министр Уваровъ старался усиленіемъ цензурныхъ строгостей добиться бѣльшей независимости и самостоятельности цензуры. Кромѣ отдѣльныхъ распоряженій въ этомъ смыслѣ, онъ въ 1846 г. даже задумывалъ общій пересмотръ устава. Всѣ эти мѣры строгости, губительно отзываясь на литературѣ, не доставили однако желательной независимости цензурному вѣдомству. И подъ конецъ самъ гр. Уваровъ долженъ былъ съ очевидностью убѣдиться въ этомъ.

Какъ европейскія событія 1830 г. отозвались у насъ усиленіемъ между прочимъ и цензурныхъ строгостей,

¹⁾ А. Станкевичъ. Т. Н. Грановскій, стр. 145.

такъ еще болѣе печальное вліяніе на внутреннюю жизнь Россіи имѣли событія 1848 г. Это отразилось опять и на цензурѣ. 2-го апрѣля 1848 г. учрежденъ особый негласный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, — комитету этому былъ порученъ высшій надзоръ въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. „Комитетъ 2-го апрѣля 1848 г.“ сдѣлался высшимъ цензурнымъ учрежденіемъ, которое объявляло министру Высочайшую волю по цензурнымъ дѣламъ и само давало ему свои указанія, дѣлало отъ себя замѣчанія. Исчезла послѣдняя тѣнь независимости цензуры. Уваровъ, послѣ попытки противостать бутурлинскому комитету, оставилъ министерство.

Негласный комитетъ 2-го апрѣля 1848 г. просуществовалъ до конца 1855 г.; это время—съ 1848 г. по 1855 г.—представляетъ самое полное господство цензурной опеки, и офиціальный историкъ нашей цензуры признаетъ справедливымъ наименованіе этихъ лѣтъ „эпохою цензурнаго террора“ ¹⁾.

IV.

Европейскія событія 1848 г. окончательно опредѣлили направленіе русской политики въ концѣ Николаевского царствованія; это сейчасъ же и непосредственно отозвалось на цензурномъ вѣдомствѣ. Мы видѣли, какою цензурною строгостью отличалось время съ 1830 г.; по правительству казалось, что цензура еще слишкомъ снисходительна, что печать наша слишкомъ свободна. Въ началѣ 1848 г. былъ учрежденъ негласный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бутур-

¹⁾ Истор. свѣд. о цензурѣ, стр. 77.

лина для надзора за цензурой и за печатью ¹⁾. Бутурлинскій комитетъ просуществовалъ до 6-го декабря 1855 г. Періодъ этотъ былъ наиболѣе тягостнымъ для русской печати.

Исторія возникновенія Бутурлинскаго комитета недавно рассказана была Шильдеромъ. Въ основѣ этого дѣла лежала записка барона М. А. Корфа, желавшаго возбудить недовѣріе къ министру Уварову, чтобы самому занять его мѣсто. Когда вмѣсто смѣны Уварова дѣло кончилось учрежденіемъ комитета, съ назначеніемъ Корфа членомъ его, Корфъ не могъ быть доволенъ. „Встрѣтивъ барона Корфа въ государственномъ совѣтѣ, князь Меншиковъ нашелъ его блѣднымъ, желчнымъ и разстроеннымъ: негласнымъ доносомъ ударъ былъ направленъ противъ гр. Уварова, и Корфъ надѣялся быть министромъ народнаго просвѣщенія, и вмѣсто того назначенъ былъ въ „цензурно-фискальный комитетъ“, т.-е. уже не скрытымъ, а явнымъ доносителемъ“ ²⁾. Позднѣе самъ Корфъ называлъ Бутурлинскій комитетъ — „наростомъ на администраціи“, а своимъ близкимъ говорилъ, что дѣйствія Бутурлинскаго комитета приводятъ его въ омерзеніе ³⁾...

Шильдеръ слѣдующими словами характеризуетъ дѣятельность Бутурлинскаго комитета: „Такимъ образомъ образовалась у насъ двойная цензура въ 1848 г., предварительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ просматривавшая до печати и взыскательная или карательная, подвергавшая своему разсмотрѣнію только уже напечатанное и привлекавшая, съ утвержденія и

¹⁾ Нѣсколько раньше былъ учрежденъ подобный комитетъ подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова, съ менѣе широкими задачами; затѣмъ онъ уступилъ вскорѣ мѣсто бутурлинскому комитету.

²⁾ Шильдеръ. „Императоръ Николай I“, т. II, стр. 636. Ср. „Записки и дневникъ Никитенко“, I, стр. 493.

³⁾ Никитенко, I, стр. 518.

именемъ государя, къ отвѣтственности какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавала предосудительнымъ или противнымъ видамъ правительства. Спрашивается: какимъ образомъ могла существовать при такихъ условіяхъ какая бы то ни было печать? Кончилось тѣмъ, что даже государь получилъ, по невѣдѣнію комитета, такъ сказать, выговоръ отъ этого учрежденія¹⁾. Шильдеръ здѣсь разумѣетъ одинъ случай, когда газетная замѣтка объ уличномъ происшествіи была предварительно одобрена императоромъ, а комитетъ призналъ ее недопустимой.

Посмотримъ общія распоряженія по цензурѣ за это время.

Въ маѣ 1848 г. съ новою строгостью было подтверждено прежнее правило: по представленію шефа жандармовъ было повелѣно, „дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное въ политическомъ и въ нравственномъ отношеніи направленіе, были представляемы отъ цензоровъ негласнымъ образомъ въ III отдѣленіи собственной Е. В. канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ надзоръ“²⁾.

Такимъ же образомъ было строго подтверждено: „Не должно быть допускаемо въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія не принадлежали“; „впредь не должно быть пропускаемо ничего насчетъ нашихъ правительственныхъ учреждений, а въ случаяхъ недоумѣній должно быть испрашиваемо разрѣ-

¹⁾ „Императоръ Николай I“. т. II, стр. 635.

²⁾ „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ“, стр. 247—248. См. еще „Записку о цензурѣ коллежск. сов. Фукса“, стр. 68—72.

шеніе“; „не должно быть пропускаемо къ печатанію никакихъ разборовъ и порицаній существующаго законодательства“¹⁾. Для газетъ и журналовъ даны такія правила: „разсказывать событія просто, избѣгая, елико возможно, всякихъ разсужденій; вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ и пр.; избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ и т. д. Самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещались „критики, какъ бы благонамѣренны ни были, на иностранныя книги и сочиненія, запрещенныя и потому не должныя быть извѣстными“²⁾.

Особенное вниманіе обращали статьи по русской исторіи:

„Сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіямъ нашей исторіи, какъ-то: ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніемъ и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства, и оттого должны быть подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ“³⁾.

Усиленному гоненію подверглись изслѣдованія по народной словесности, собранія народныхъ пѣсенъ, пословицъ и пр. По этому вопросу мы встрѣчаемъ много распоряженій. Такъ, по поводу собранія „народныхъ игръ, загадокъ, анекдотовъ и присловій“, напечатан-

¹⁾ Сборникъ и пр., стр. 250, 258.

²⁾ Тамъ же, стр. 282, 285, 261.

³⁾ Тамъ же, стр. 298; ср. стр. 256.

наго въ *Курскихъ Губернск. Вѣдом.* въ 1853 году, было предписано:

„Отклонять на будущее время пропускъ цензурою такихъ народныхъ преданій, которыми нарушаются добрые нравы и можетъ-быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ и которыхъ сохранять въ народной памяти черезъ печать нѣтъ никакой пользы“.

Въ слѣдующемъ году, по поводу книги „Русскія пословицы и поговорки, собранныя и объясненныя Ѳ. Буслаевымъ“, въ которой инныя поговорки признаны неприличными, сдѣлано такое распоряженіе, „чтобы впредь не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ..., которыя... не можетъ, конечно, быть полезно оглашать и вводить какъ бы въ общее употребленіе“. Вскорѣ встрѣчаемъ еще предписаніе:

„Наговоры и волшебныя заклія, какъ остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати, не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлію и предназначенныхъ для образованнаго класса публики“.

Затѣмъ еще:

„Народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; не должны быть пропускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если они точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати“ ¹⁾.

Если памятники народнаго творчества считались

¹⁾ Сборникъ и пр., стр. 288, 289, 294, 296, 297.

опасными даже въ научныхъ изданіяхъ, то совершенно понятно, что цензура строго слѣдила за изданіями для народа и за лубочными картинками ¹⁾; строгости эти распространялись даже на *пряничныя доски*.

Приведу еще одно распоряженіе:

„Имѣя въ виду опасенія, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу, или что къ мотивамъ церковнымъ могутъ быть приспособлены слова просто-народной пѣсни и наоборотъ, главное управленіе цензуры, для предупрежденія такого злоупотребленія, предоставило цензурному комитету, въ случаяхъ сомнительныхъ, обращаться къ лицамъ, знающимъ музыку, для предварительнаго разсмотрѣнія нотъ“.

Понятно, насколько всѣ подобныя распоряженія, подобныя опасенія заставляли цензуру быть придирчивой и подозрительной; а всего подозрительнѣе былъ Бутурлинскій комитетъ, который постоянно дѣлалъ доклады Государю о вредности такой-то книги или такой-то статьи и постоянно объявлялъ Высочайшія повелѣнія по цензурѣ, дѣлалъ строгія указанія и замѣчанія по цензурному вѣдомству. Для примѣра того, какъ комитетъ относился къ дѣлу, приведу слѣдующій случай. Въ началѣ 1849 года комитетъ сдѣлалъ выговоръ за статью въ *Современникѣ* — „О значеніи русскихъ университетовъ“. Комитетъ самъ признавалъ, что статья эта, по ея изложенію, не имѣетъ ничего предосудительнаго, что, напротивъ, вездѣ говорится въ ней о нравственности и благодарности къ правительству, о любви къ Россіи и пр.; но, вникнувъ во внутренній смыслъ статьи, комитетъ призналъ въ ней неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства... Гр. Уваровъ пытался защищать статью: „Какой цензоръ или критикъ, — писалъ министръ въ своемъ объясненіи, — можетъ присвоить себѣ даръ, не-

¹⁾ Сборникъ и пр., стр. 264, 273.

доставшійся въ удѣлъ смертному, даръ всевидѣнія и проникновенія внутрь природы и человѣка, даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ, совершенно тому противный? Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, недовольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе, что это стремленіе неизбежно ведетъ къ произволу и несправедливымъ обвиненіямъ“ ¹⁾. Несмотря на объясненія Уварова, статья „Современника“ все-таки признана вредною и повелѣно: „всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати“ ²⁾.

Приведу изъ интересныхъ записокъ А. В. Никитенка нѣсколько указаній на цензурную практику при комитетѣ 2-го апрѣля. Напоминаю читателямъ, что Никитенко служилъ цензоромъ и близко зналъ ходъ дѣлъ.

Въ 1849 году „цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей — въ республикахъ Греціи и Рима, вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты. Что жъ это такое? крестовый походъ противъ науки?.. Здѣсь всѣ подъ одну шапку: вы всѣ люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли“...

Въ апрѣлѣ 1850 г. въ дневникѣ Никитенка читаемъ:

„Получена отъ министра конфиденціально бумага, по запросу верховнаго, или, какъ его называютъ, *негласнаго комитета*, слѣдующаго содержанія: „Вышла гадальная книга. Отъ цензурнаго комитета требуютъ, чтобы онъ донесъ, кто авторъ этой книги и почему

¹⁾ Сборникъ и пр., стр. 70 и 71.

²⁾ Тамъ же, стр. 258. Никитенко, Записки и дневникъ. I. стр. 514—515.

этотъ авторъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?“ На это комитетъ отвѣчалъ: „Книгу эту напечатали новымъ,—вѣроятно, сотымъ—изданіемъ такой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей — комитету это неизвѣстно“ ¹⁰⁾. Нынѣ въ негласномъ комитетѣ предсѣдательствуетъ, вмѣсто Бутурлина, ген.-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ. Кажется, наша литература въ послѣднее время ужь очень скромна такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ; однако Анненковъ въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея—разумѣется все изъ отдѣльныхъ фразъ—и приготовилъ докладъ ¹⁾.

Профессоръ Давыдовъ требовалъ, чтобы въ учебникъ исторіи Смарагова было выпущено все, что касается Магомета, такъ какъ это былъ „негодяй“ и основатель ложной религіи“.

Цензоръ Елагинъ исключилъ въ физикѣ выраженіе: „силы природы“, а въ одной географической статьѣ не пропустилъ мѣсто, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ, мотивируя послѣднее запрещеніе необходимостью, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариеметики потому, что между цифрами какой-то задачи тамъ находился рядъ точекъ: онъ подозрѣвалъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариеметики и т. д.

„Дѣйствія цензуры, говоритъ Никитенко, превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотять достигнуть? Остановитьдѣ ятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣть рѣкѣ плыть обратно“.

¹⁾ Никитенко. Записки и дневникъ. I, стр. 581.

Извѣстно, какъ Тургеневъ за статью о кончинѣ Гоголя поплатился ссылкой. Погодинъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи за то, что поставилъ на книжкѣ своего *Москвитянина* траурную рамку послѣ смерти творца „Мертвыхъ душъ.“ Подобныя мѣры произвели тогда самое удручающее впечатлѣніе на общество. Никитенко писалъ въ своемъ дневникѣ: „Да тяжело положеніе, когда, не питая никакихъ преступныхъ замысловъ, неукоризненные въ глубинѣ вашей совѣсти, потому только, что природа одарила васъ нѣкоторыми умственными силами, и общество признало въ васъ ихъ, вы чувствуете себя каждый день, каждый часъ, въ опасности погибнуть такъ, за ничто, отъ какого-нибудь тайнаго доноса, отъ клеветы, недоразумѣнія и поспѣшности, отъ дурного расположенія духа другихъ, отъ ложнаго истолкованія вашихъ поступковъ и словъ...“¹⁾

Очень характеренъ разсказъ гр. А. Д. Блудовой о предсѣдателѣ тайнаго цензурнаго комитета, Д. П. Бутурлинѣ. Послѣдній простиралъ свои цензурныя вожделѣнія до того, что хотѣлъ вырѣзать нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя ихъ очень опасными и недозволительными: „Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣроправныхъ“, и еще: „Совѣты неправедныхъ князей разори, зачинающихъ рати погуби“ и пр. Гр. Д. Н. Блудовъ замѣтилъ Бутурлину, что и въ евангеліи есть осужденіе злыхъ правителей.—„Такъ что-жъ?—возразилъ Бутурлинъ, переходя въ шуточный тонъ:—если бы евангеліе не было такая извѣстная книга, конечно, надобно бѣ было цензурѣ исправить его“²⁾.

Въ началѣ 1848 г. Высочайше было повелѣно немедленно приступить къ соотвѣтственному обстоятельствамъ времени пересмотру цензурнаго устава и допол-

¹⁾ Никитенко. Записки и дневникъ. I. стр. 534, 545—546.

²⁾ Шильдеръ. Императоръ Николай I, т. II, стр. 637.

нительныхъ къ нему постановленій; проектъ новаго цензурнаго устава былъ составленъ, но затѣмъ рѣшено ограничиться сводкой въ одно существующихъ узаконеній ¹⁾.

Такимъ образомъ, царствованіе императора Николая началось и кончилось господствомъ величайшихъ цензурныхъ строгостей,—уставомъ 1826 г. и дѣятельностью негласнаго Бутурлинскаго комитета. И въ обоихъ случаяхъ правительство вскорѣ должно было само признать, что строгая цензурная система не достигаетъ своей цѣли.

Порядки, господствовавшіе въ Россіи въ теченіе 30 лѣтъ, привели къ рѣзкому кризису. Съ новымъ царствованіемъ настала эпоха обновленія русской жизни въ разныхъ областяхъ ея. Перемена въ направленіи правительства сказалась и въ цензурной сферѣ.

Въ отзывахъ и мнѣніяхъ официальныхъ лицъ и цензоровъ мы встрѣчаемъ за это время такіе взгляды на цензуру, какихъ давно уже не высказывалось въ правительственныхъ кругахъ. Кн. Вяземскій, бывший тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, въ первую еще половину 1855 г. писалъ объ излишне-придирчивыхъ цензорахъ: „Нельзя не сожалѣть о кривомъ направленіи нѣкоторыхъ умовъ, слишкомъ щекотливыхъ, которые во всякомъ похвальномъ отзывѣ о чужомъ порядкѣ вещей ищутъ тайнаго порицанія порядка, у насъ существующаго, и во всякомъ замѣчаніи на постороннія злоупотребленія и недостатки видятъ лукавый намекъ на наши“. Другой членъ главнаго управленія цензуры писалъ въ это же время: „Я полагаю, что цензоръ долженъ ограничиться разсмотрѣніемъ статьи, не входя въ сужденія о предполагаемыхъ намѣреніяхъ автора“. Насколько измѣнилось направленіе цензуры, можно видѣть изъ дѣла 1856 г. о статьѣ К. Аксакова: „Богатыри великаго князя Владиміра“. Мнѣнія объ этой

¹⁾ Фуксъ, стр. 29 и 30.

статьѣ въ главномъ управленіи цензуры раздѣлились. Одни находили статью безполезной и бессмысленной, но все-таки опасной по чувству вольности, другіе стояли за пропускъ ея. Одинъ изъ послѣднихъ писалъ: „Я не знаю, вредно ли славянофильство или нѣтъ, но я убѣжденъ въ томъ, что излишняя строгость цензуры направленіе мыслей не измѣняетъ, а напротивъ, придастъ имъ болѣе силы. Я направленія славянофильскаго не раздѣляю и посему самому считаю напечатаніе статьи о богатыряхъ скорѣе полезнымъ... Статья эта, безъ сомнѣнія, подвергнется критикѣ, между тѣмъ какъ мысли, которыя принуждены укрываться, остаются безъ всякаго контроля, безъ всякаго обсужденія и тѣмъ самымъ гораздо легче могутъ сдѣлаться впослѣдствіи опасными“. Еще подробнѣе развитъ этотъ взглядъ въ мнѣніи кн. Вяземскаго по поводу той же статьи Аксакова. Вяземскій говоритъ:

„Руководствуясь своею опытностью и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ, которое, впрочемъ, раздѣляли со мною лучшіе писатели, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, скажу откровенно, что всѣ многочисленныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны. Наконецъ, эти притѣсненія могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая и безъ журнальныхъ статей и мимо стоковой цензуры получить въ обществѣ значеніе, вѣсь и вліяніе... Слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Въ умѣренной свободѣ излагаемыя мнѣнія, желанія, даже и тогда, когда они не буквально согласны съ общимъ порядкомъ и ходомъ дѣйствительности, уже и тѣмъ безвредны, что они са-

мымъ дѣломъ выраженія испаряются и къ тому же обезсиливаются и нейтрализуются противодѣйствіемъ другихъ мнѣній, другихъ воззрѣній, направленій. Заперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнеть и безмолвно вооружается; правительство обязано заботиться не только о текущемъ днѣ и случайныхъ явленіяхъ, съ нимъ сопряженныхъ, но еще болѣе должно пещись о будущемъ и о событіяхъ, которыя могутъ зародиться въ настоящемъ, чтобы въ послѣдствіи созрѣть и осуществиться¹⁾.

Въ 1855 г. попечитель московскаго учебнаго округа Назимовъ, поддерживая прошеніе Каткова объ изданіи *Русскаго Вѣстника* и прошеніе Кошелева объ изданіи *Русской Вѣжды*, писалъ между прочимъ: „Въ послѣднее время публичная литературная дѣятельность, вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ цензуры, у насъ замѣтно ослабѣла. Стѣсненіе мысли и умственнаго развитія неизбѣжно должно было имѣть вредныя послѣдствія, какъ для успѣховъ общественнаго просвѣщенія, такъ и вообще для нравственнаго состоянія русскаго общества... Невозможность, въ которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди, печатно высказывать свои мысли, была, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени обнаружили въ нашемъ обществѣ... Въ настоящее время необходимо дать болѣшій просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они коснѣютъ, раздражаясь только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ, къ трудамъ полезнымъ и возвышеннымъ“.

Подобные взгляды раздѣлялись министерствомъ. Во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной Норовымъ въ 1858 г., между прочимъ читаемъ:

¹⁾ Истор. свѣд. о ценз., стр. 77, 84—86.

„Для Россіи наступаетъ теперь новая эпоха, и въ дѣлѣ ея обновленія литература призвана играть немаловажную роль... Литература никогда не оставалась равнодушною и нѣмою зрительницею тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые преимущественно занимали и озабочивали современную ей эпоху. Нынѣ это участіе, это вмѣшательство развилось болѣе противу прежняго, и таковое развитіе совершенно естественно. Нынѣ эти интересы въ обществѣ сами заговорили громче... Можетъ ли (литература) молчать о томъ, что въ помышленіяхъ каждаго и у каждаго на языкѣ? Литература должна содѣйствовать и помогать обществу въ уразумѣніи и присвоеніи побѣдъ, одержанныхъ наукою и просвѣщеніемъ въ пользу правительствъ и въ пользу управляемыхъ. Въ эту среду, которою охвачено все общество, сами собою врываются вопросы промышленности, торговли, финансовъ, законодательства, всего государственнаго хозяйства. Отчужденіе общества отъ знакомства, по крайней мѣрѣ въ общихъ понятіяхъ, съ сими важными и жизненными вопросами, равнодушіе къ ихъ дѣйствіямъ и пользѣ было бы явленіемъ прискорбнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно лишило бы правительство надежнѣйшаго пособія, нравственной силы, которою оно можетъ дѣйствовать на общество, на его довѣріе, сочувствіе и единомысліе... Однакожъ эта важная общественная сила связана и затруднена въ приложеніи своего вліянія. При тѣхъ цензурныхъ требованіяхъ, которыя еще въ настоящее время существуютъ, невозможно изученіе ни всеобщей исторіи, ни законодательства, ни статистики... Вмѣшательство науки уясняетъ и провѣряетъ частныя понятія. Многіе опасаются у насъ толковъ, которые каждая печатная статья можетъ породить. Но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вынужденное молчаніе опродитъ еще болѣе толковъ... Извѣстно, что въ военное время недостатокъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи всегда порождаетъ въ массѣ самыя

нелѣпыя, неблагонамѣренныя и недоброжелательныя слухи“ ¹⁾).

Въ 1859 г. совѣтомъ министровъ было признано: „Оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ представляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ официальныхъ источниковъ и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній официальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ“. Еще въ 1857 г., по поводу двухъ статей *Русскаго Вѣстника*—„Объ устности и гласности“ и „О словесномъ дѣлопроизводствѣ въ Россіи“ было постановлено, что „благонамѣренныя и скромно написанныя сужденія о предметахъ, подобныхъ порядку судопроизводства“, могутъ быть допускаемы. Подобное разрѣшеніе извѣстной гласности распространено и на другіе вопросы ²⁾).

Многія изъ прежнихъ стѣснительныхъ постановленій по цензурѣ не были еще отмѣнены, но сама жизнь, общее направленіе и оживленіе неизбѣжно вносили смягченіе въ цензурную практику. Канцелярская рутина продолжала дѣйствовать и сохраняла свою силу, какъ сейчасъ будетъ указано, но помимо ея и на-ряду съ ней въ цензурѣ сказывались другія понятія. Мы сейчасъ видѣли отзывы главныхъ начальниковъ цензуры: министра Норова, товарища министра кн. Вяземскаго или еще московскаго попечителя Назимова, видѣли отзывы цензоровъ; дальше будетъ приведенъ примѣръ того, какія объясненія по цензурѣ могли тогда представляться отъ редакторовъ. Все это вполнѣ характеризуетъ эпоху. Мнѣнія Норова, Вяземскаго не

¹⁾ Историч. свѣдѣнія, стр. 81—83, 103—105.

²⁾ Тамъ же, стр. 108 и 104.

были чѣмъ-то случайнымъ и бесплоднымъ: при подобномъ отношеніи къ вопросу въ министерствѣ, цензурная практика не могла не поддаться вліянію жизненныхъ требованій; какъ вообще эпоха конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ представляетъ необычное, свѣтлое оживленіе для всѣхъ сторонъ русской жизни, такъ и для нашей печати это время было особенно благопріятно: оно вызвало ее къ благодарной и плодотворной дѣятельности по вопросамъ, стоявшимъ на очереди, создало для нея довольно сносныя условія. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ сохранилось и вліяніе прежнихъ началъ въ цензурномъ дѣлѣ, то всѣ льготы, полученныя печатью, отличались какъ бы случайностью, непрочною: на-ряду съ разрѣшеніемъ содержательныхъ и важныхъ статей по общественнымъ вопросамъ, каковы, напр., только-что упомянутыя статьи *Русскаго Вѣстника*, съ цензурными препятствіями по-прежнему встрѣчались иногда совершенно безобидныя книжки.

Одинъ цензоръ, напр., въ 1855 г. не позволялъ новаго изданія знаменитаго „Конька-Горбунка“, такъ какъ въ немъ „встрѣчаются выраженія, имѣющія прикосновеніе къ православной церкви, къ ея установленіямъ и къ поставленнымъ отъ правительства властямъ..., представляются земскій судъ, городничій: во многихъ шуточныхъ сценахъ приводится имя Божіе и употребляется крестное знаменіе“ и пр. Главное управленіе цензуры впрочемъ разрѣшило „перепечатать сказку Ершова“ ¹⁾.

Самымъ важнымъ вопросомъ того времени была предположенная крестьянская реформа. Къ этому вопросу, конечно, съ особеннымъ основаніемъ можно было примѣнить приведенные выше оффиціальныя отзывы о необходимости, о пользѣ печатной гласности и для общества, и для самого правительства; мы на

¹⁾ Историч. свѣдѣнія, стр. 88.

самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ въ нашихъ журналахъ такъ
времени рядъ серьезныхъ и вліятельныхъ статей (на
крестьянскому дѣлу; но съ другой стороны тутъ
также встрѣчаемъ рядъ специальныхъ цензурныхъ
стѣсненій и ограниченій ¹⁾).

Подобныя же строгости бывали примѣняемы и на
другимъ вопросамъ. Сдѣлано было въ 1858 году на
такое распоряженіе: „Впредь не допускать никакихъ
сужденій о лицахъ, назначаемыхъ къ занятію должнос-
тей государственной службы“; циркуляромъ по цен-
зурному вѣдомству въ декабрѣ 1860 г. было предла-
жено „не одобрять къ печати слуховъ по дѣламъ
государственнымъ“ ²⁾ и т. д.

Мы видѣли выше, какимъ тормазомъ для печат-
служило постоянное вмѣшательство въ цензуру раз-
личныхъ вѣдомствъ, существованіе специальныхъ цен-
зуръ. Это условіе съ нѣкоторыми измѣненіями продол-
жаетъ существовать и въ рассматриваемый періодъ.
Изъ дѣлъ главнаго цензурнаго управленія видно, что
въ 1856 г., наприм., рукопись подъ названіемъ „Хо-
зяйственное обозрѣніе Оренбургской губерніи“ прошла
слѣдующіе искусства: изъ петербургскаго цензурнаго
комитета она была передана въ главное цензурное
управленіе, а затѣмъ еще прошла черезъ цензуру ми-
нистерства внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, въ вѣдом-
ствахъ удѣловъ, государственныхъ имуществъ, почто-
вомъ, путей сообщенія, военно-учебныхъ заведеній и
наконецъ оберъ-прокурора св. синода, — итого десять
цензуръ! ³⁾.

Въ рассматриваемое время правительство, ставя на
обсужденіе вопросъ о цензурѣ, хорошо сознавало раз-
личныя неудобства, съ какими соединялась дѣйстви-

¹⁾ Сборникъ и пр., стр. 421, 422, 423, 426, 427, 428, 430, 432,
440, 443. Ср. Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 101, 105 и 106.

²⁾ Сборникъ, стр. 427 и 428, 456, 457.

³⁾ Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 96.

авшая тогда система. Такъ, напримѣръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ или еще новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. Строгановъ указывали и на то, что пока въ Россіи будетъ существовать предварительная цензура, до тѣхъ поръ статьи нашихъ газетъ или журналовъ всегда могутъ подавать иностраннымъ правительствамъ поводы къ неудовольствію къ разнымъ серьезнымъ недоразумѣніямъ и проч. ¹⁾ Министерство народного просвѣщенія согласилось также съ основательностью указаній, какія были сдѣланы въ одномъ изъ объясненій по цензурѣ *Русскаго Вѣстника*. Указывая на упадокъ религіознаго чувства объясненіе это говорило:

„Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова образованнаго русскаго общества... Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ полного религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ специальной духовной цензуры... Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустію должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею“ ²⁾.

Очень полно и справедливо все значеніе вопроса о цензурѣ оцѣнено въ слѣдующихъ словахъ А. С. Хомякова: „Можно доказать, что излишняя цензура дѣлаетъ невозможною всякую общественную критику, а общественная критика необходима для самого обще-

¹⁾ Ист. свѣд. о цензурѣ, стр. 89—95; Фуксъ, 31 и 32.

²⁾ Тамъ же, стр. 95 и 126.

ства, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Но если бы даже это было неправдою, то и тогда вредъ былъ бы неисчислимы. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемерія, въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, честное слово молчать, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости: лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія. Такіе примѣры бывали въ исторіи, и ихъ должно избѣгать“.

Сознаніе новыхъ потребностей времени, ясныя указанія со стороны предшествующаго опыта,—все приводило къ мысли о необходимости преобразовать постановленія о цензурѣ. Въ 1857 г. Высочайше повелѣно приступить къ составленію новаго цензурнаго устава. Въ 1859 г. былъ составленъ проектъ устава, представляющій въ общемъ лишь сводъ дѣйствовавшихъ правилъ ¹⁾. Но дѣло снова затянулось. Съ одной стороны запросы времени ставили дѣло шире, съ другой стороны, продолжали дѣйствовать въ цензурной сферѣ прежнія привычки, прежніе взгляды. Вопросъ не былъ еще вполне ясенъ для всѣхъ.

¹⁾ См. „Объяснительную записку къ проекту новаго цензурнаго устава 1859 г.“.

Пока готовился новый уставъ, практиковались старыя средства. Въ 1859 г. былъ учрежденъ особый негласный „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“; ему былъ порученъ „надзоръ за направленіемъ литературы“. Комитетъ впрочемъ просуществовалъ недолго: въ октябрѣ того же года комитетъ самъ представилъ о своемъ закрытіи, такъ какъ, благодаря своему неофициальному положенію, онъ „сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать“, принялъ видъ „какого-то чрезвычайнаго контролирующаго и по его уединенности устрашающаго постановленія“ ¹⁾.

Дѣло оставалось все въ неопредѣленномъ положеніи. Въ это время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія окончательно остановились на предложеніи передать цензуру вполнѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Вопросъ объ этомъ подымался и раньше, а въ 1861 г. министръ гр. Путятинъ сдѣлалъ всеподданный докладъ въ этомъ смыслѣ. Предположеніе это получило дальнѣйшій ходъ. Въ 1862 г. главное управленіе цензуры было упразднено, высшій контроль за цензурой переданъ министерству внутреннихъ дѣлъ, хотя цензурные комитеты остались въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія; тогда же были изданы временныя правила по цензурѣ. Въ началѣ слѣдующаго года цензура окончательно передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Инициатива этой передачи принадлежала, какъ сказано, самому министерству народнаго просвѣщенія. Въ докладѣ министра по этому вопросу, представленномъ Государю въ 1863 г., мотивы передачи выражены такъ: „Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ обязанность покровительствовать литературѣ, заботиться объ ея развитіи и преуспѣяніи; посему, находясь къ литературѣ въ отношеніяхъ болѣе близкихъ, чѣмъ всякое

¹⁾ Тамъ же, стр. 109 и 110.

другое вѣдомство, оно не можетъ быть ея строгимъ судьей. Сверхъ того, министерство народнаго просвѣщенія обязано содѣйствовать движенію впередъ науки, а для этого необходима свобода анализа; посему цензура, находясь въ вѣдѣніи сего министерства, принимаетъ направленіе болѣе снисходительное, стремящееся къ тому, чтобы медленно и осторожно отодвигать границы, поставляемыя свободѣ разсужденій¹⁾...

Изъ этихъ соображеній можно было бы вывести какъ разъ обратное заключеніе — о необходимости оставить цензуру въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія; отказъ самого министерства отъ цензуры для передачи ея болѣе строгому вѣдомству противорѣчитъ обязанности покровительствовать наукѣ и литературѣ. Надо еще замѣтить, что переходъ цензуры въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ не былъ одобряемъ нѣкоторыми правительственными лицами²⁾, не вызвалъ сочувствія и въ литературѣ³⁾.

Еще въ теченіе того года, пока цензура, оставаясь въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, состояла подъ контролемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, можно было убѣдиться, что дѣйствительно цензура переходитъ въ вѣдомство болѣе строгое. Между министерствами не разъ возникали пререканія, и министерству народнаго просвѣщенія приходилось отстаивать права печати. Приведу для примѣра одинъ случай.

Въ *Кіевскомъ Телеграфѣ* (1862 г., № 41) была напечатана статья „Странныя вещи“, рассказывавшая о злоупотребленіяхъ въ екатеринославскомъ мировомъ съѣздѣ; министерство внутреннихъ дѣлъ признало,

¹⁾ Обзоръ дѣятельности мин. нар. пр. за 1862, 63 и 64 гг., стр. 31 и 32.

²⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1882. Цензурная реформа въ 1862 г., статья П. С. Усова, май и іюнь (стр. 619—621).

³⁾ См. отзывъ М. Е. Салтыкова. *Вѣстникъ Европы*, 1889 г., октябрь, стр. 583—585.

что эта статья не должна бы быть пропущена, такъ какъ она возбуждаетъ ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ: „Имѣю честь увѣдомить, что я затрудняюсь подвергнуть какому-либо взысканію цензора, допустившаго къ печати эти статьи, такъ какъ (по правиламъ) дозволяются статьи о злоупотребленіяхъ администраціи... Что же касается до возбужденія ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ, то я полагаю, что не статьи *Кіевскаго Телеграфа*, который крестьянами не читается, а самые поступки помѣщиковъ, описанные въ № 41 этого изданія, поведутъ неминуемо къ возбужденію этого чувства. Обнародованіе этихъ поступковъ принесетъ, напротивъ того, пользу помѣщикамъ, ибо воздержитъ ихъ отъ повторенія ихъ въ другихъ мѣстностяхъ и тѣмъ самымъ уничтожитъ самую причину ненависти“¹⁾.

Это объясненіе министерства еще разъ указываетъ намъ на доброжелательное отношеніе къ печати, которое характеризовало въ то время въ общемъ цензурную практику и которое, какъ было уже сказано, привело къ такому благотворному оживленію книжнаго и журнальнаго дѣла въ то время.

Но если министерство народнаго просвѣщенія отказывалось отъ завѣдыванія цензурой лишь для того, чтобы избѣгнуть впредь хлопотъ и нареканій, испытанныхъ имъ за 60 лѣтъ, то оно передавало цензурное дѣло съ яснымъ опредѣленіемъ основъ для предстоящаго его переустройства; оно прямо опредѣлило цѣль: „идти къ большому простору печатнаго слова, причемъ преступленія его карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры“²⁾.

Видѣтъ съ тѣмъ министерство приготовило и всѣ

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*, 1882, май, стр. 170.

²⁾ „Обзоръ дѣятельности министерства нар. пр.“ за 1862 и 63 г. и 64 гг. стр. 29.

матеріалы для рѣшенія вопроса. Во-первыхъ, оно издало „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г.“, дополнивъ его другой книгой: „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи“; изъ этихъ историческихъ матеріаловъ и изъ историческаго обзора прямо было видно, что всѣ строгости предварительной цензуры не только не достигали цѣли—„оградить правительство“, но еще порождали затрудненія и непріятности для самого правительства, не говоря уже о бѣдственномъ положеніи литературы. Во-вторыхъ, министерство издало много матеріаловъ для изученія тогдашняго положенія цензуры: „Мнѣнія разныхъ лицъ о преобразованіи цензуры“, „Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ... за 1862 г.“, „Записка о цензурѣ коллежск. ассес. Фукса“, „Сборникъ статей, запрещенныхъ цензурою въ 1862 г.“ (два тома): эти изданія показывали потребности времени, взгляды компетентныхъ лицъ, дѣйствительное положеніе дѣла.

Съ 1863 г. цензура перешла въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое и выработало цензурныя правила 1865 года, внесшія существенныя измѣненія въ наше книгопечатное дѣло. При обсужденіи цензурнаго вопроса въ началѣ царствованія Александра II образовались два противоположныхъ взгляда: одинъ стоялъ за усиленный предупредительный характеръ цензуры, другой допускалъ начало судебного преслѣдованія за нарушеніе законоположеній о печати ¹⁾. Какъ цензурная практика за первое десятилѣтіе царствованія отличалась, — мы выше видѣли это, — двойственнымъ характеромъ, такъ эта двойственность сказалась въ цензурныхъ проектахъ и, наконецъ, въ цензурныхъ постановленіяхъ 1865 года.

6 Апрѣля 1865 г. состоялся Именной Высочайшій указъ, данный сенату—„о дарованіи нѣкоторыхъ облег-

¹⁾ „Истор. свѣд. о цензурѣ“, стр. 123.

ченій и удобствъ отечественной печати“ ¹⁾). Въ началѣ этого указа читаемъ: „Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ установленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, ни-жеслѣдующія перемѣны и дополненія“... Затѣмъ шли четыре отдѣла. Первымъ освобождались отъ предварительной цензуры: *въ обѣихъ столицахъ* всѣ существовавшія періодическія изданія, всѣ оригинальныя сочиненія не менѣе 10 печатныхъ листовъ, всѣ переводы— не менѣе 20 листовъ; *повсемѣстно*: всѣ изданія правительственныя, всѣ изданія академій, университетовъ, ученыхъ обществъ и установленій, а также всѣ изданія на древнеклассическихъ языкахъ и переводы съ этихъ языковъ, всѣ чертежи, планы, карты. Второй отдѣлъ гласилъ: „Освобожденные отъ предварительной цензуры повременныя и другія изданія, сочиненія и переводы, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются судебному преслѣдованію; повременныя же изданія, *кромя того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія*, подлежатъ и дѣйствию административныхъ взысканій, по особо установленнымъ на то правиламъ“. Третій отдѣлъ говорилъ объ организаціи главнаго управленія по дѣламъ печати, а четвертый — о сохраненіи предварительной духовной цензуры и предварительной цензуры рисунковъ, эстамповъ и пр. Того-же 6 апрѣля 1865 г. было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, излагавшее временныя правила по цензурѣ ²⁾). Не приводя здѣсь всѣхъ подробностей, укажу только, что тому пункту высочайшаго указа, въ которомъ говорится объ административныхъ взысканіяхъ съ повременныхъ изданій, соответствуетъ статья 29 отдѣла II: въ силу этой статьи

¹⁾ 2-е П. С. З. № 41.988.

²⁾ 2-е П. С. З. № 41.990.

министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право давать предостереженія періодическимъ изданіямъ за вредное направленіе, съ пріостановкой изданія по третьему предостереженію, но не свыше какъ на шесть мѣсяцевъ. Если, независимо отъ временной пріостановки изданія, министръ нашелъ бы нужнымъ вовсе прекратить его, то онъ долженъ войти съ представленіемъ о семъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго сената (ст. 30).

Такимъ образомъ, главное „облегченіе и удобство“, какое было дано печати, заключалось въ разрѣшеніи изданій безъ предварительной цензуры, въ установленіи судебной отвѣтственности. Но значеніе этихъ мѣръ для періодической печати сразу парализовалось сохраненіемъ „административныхъ взысканій“, т. е. административнаго произвола. Временныя постановленія по цензурѣ 1865 г. заключали въ себѣ двойственность. Трудно было ожидать, чтобы практика сохранила равновѣсіе между двойственными элементами этихъ постановленій; и дѣйствительно, послѣдующія распоряженія нарушили это равновѣсіе въ ущербъ основнымъ принципамъ постановленій 1865 г. За эти десятилѣтія внесенъ рядъ строгихъ мѣръ въ цензурные законы, усилившихъ еще болѣе вліяніе администраціи и стѣснившихъ нашу печать.

Цензурныя постановленія 1865 г. имѣли временный характеръ. Смыслъ ихъ заключался въ скорѣйшемъ предоставленіи печати нѣкоторыхъ „облегченій и удобствъ“; предполагалось, что затѣмъ въ ближайшемъ будущемъ временныя правила будутъ замѣнены постояннымъ закономъ, который и дастъ печати широкія облегченія и удобства, не нѣкоторыя только, а всѣ необходимыя. Только при этомъ условіи скорѣйшей замѣны постояннымъ закономъ временныя правила имѣли значеніе. Но вопреки предположеніямъ и ожиданіямъ временныя правила существуютъ уже почти сорокъ лѣтъ, а главное, они дополнены цѣлымъ рядомъ

исказившихъ ихъ постановленій. Отъ „облегченій и удобствъ“ 1865 г. осталось очень немного.

Теперь, черезъ 40 лѣтъ, рѣчь должна идти не о возстановленіи тѣхъ временныхъ и недостаточныхъ льготъ, какія даны были печати въ 1865 г., а о завершеніи начатаго тогда дѣла, объ уничтоженіи предварительной цензуры, объ отмѣнѣ административнаго воздѣйствія на печать. Теперь необходима Россіи уже свобода печати.

Пресса, цензура и общество.

I.

Горе русской печати—ея главный недугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самое тяжелое условіе ея существованія въ настоящее время—заключается въ томъ, что она, по выраженію поэта, можетъ быть „вѣрна истинѣ“, развѣ только „заднимъ числомъ“. Иначе говоря, печать въ Россіи не выполняетъ надлежащимъ образомъ своего прямого назначенія, представляя лишь тусклое и далеко не полное отраженіе общественной жизни страны и служа для идейнаго движенія въ обществѣ не широкимъ русломъ, а узенькимъ каналомъ, въ которомъ бури и волненія главнаго потока сказываются едва замѣтною рябью. Многое изъ того, что заботитъ и занимаетъ русское общество, что составляетъ для него истинную злобу дня, если и появляется въ русской печати, то не иначе, какъ потерявъ интересъ новизны и даже современности. О многихъ событіяхъ русской жизни,—не о такихъ, которыя составляютъ дипломатическую или только канцелярскую тайну, а о такихъ, которыя совершаются у всѣхъ на глазахъ, на улицахъ, въ общественныхъ собраніяхъ и другихъ доступныхъ публикѣ мѣстахъ, — русская печать обыкновенно даетъ отчетъ лишь по воспоминаніямъ современниковъ. Во многихъ случаяхъ важные факты русской жизни заносятся въ хронику русскихъ газетъ и журналовъ только потому, что правительство нашло нужнымъ довести до общаго

свѣдѣнія о дѣйствіяхъ властей по поводу этихъ фактовъ. Но правительственныя сообщенія, сами являясь событіями, подлежащими отмѣткѣ въ лѣтописяхъ русской печати, не имѣютъ задачей и не могутъ служить источникомъ для ознакомленія русскаго общества съ явленіями общественной жизни, т. е. въ сущности съ тѣмъ, что происходитъ среди самого населенія. Съ другой стороны, и общество не можетъ не интересоваться своими собственными дѣлами, не можетъ не искать путей къ ознакомленію съ ходомъ ихъ, а если прямой путь оказывается закрытымъ, оно находитъ обходную дорогу къ этой цѣли. Среди глухо-нѣмыхъ общеніе поддерживается, за отсутствіемъ членораздѣльной рѣчи, условными знаками руки; въ убогой деревушкѣ роль книги и газеты выполняетъ заходяій отставной солдатъ или странница-богомолка; общество цѣлой страны, когда молчитъ ея печать, располагаетъ болѣе богатыми средствами для того, чтобы знать то, что оно хочетъ знать. Замѣной печати, какъ органа гласности, являются другіе способы удовлетворенія этой потребности. Правда, они менѣе совершенны и менѣе удобны, а иногда и вовсе неудобны. Интересы государства и народа терпятъ, конечно, большой ущербъ отъ того, что общественное мнѣніе формируется на данныхъ, не проверенныхъ подъ перекрестнымъ огнемъ свободной критики. Но, не имѣя хлѣба, не отказываются отъ его суррогатовъ, — и русская жизнь, богатая всяческими противорѣчіями, пополняется еще однимъ, быть можетъ, самымъ прискорбнымъ.

Выходятъ газеты и журналы, печатаются книги и брошюры, въ печати на всѣ лады трактуются самыя разнообразныя темы. Но того, что жаждетъ узнать именно теперь при содѣйствіи печати русскій читатель, что представляетъ для него въ данный моментъ наибольшій жизненный интересъ, онъ всего чаще совсѣмъ не узнаетъ изъ газетъ и журналовъ, или если и узнаетъ, то больше по догадкѣ, благодаря своему

умѣнью читать между строкъ и понимать „эзоповъ языкъ“. Это занятіе однако не слишкомъ интересное, да и не слишкомъ пріятное, а главное—и оно далеко не всегда приводитъ къ цѣли.

При такихъ условіяхъ между двумя сторонами, одинаково заинтересованными въ содержаніи газетнаго листа или книжки журнала, поселяется печальное и непоправимое недоразумѣніе. Въ недавній голодный 1901 годъ, напр., русское общество, волнуясь за участь тысячъ людей, обездоленныхъ неурожаемъ, недоумѣвало, почему печать относится съ такимъ равнодушіемъ къ ходу продовольственной кампаніи, что цѣлыми недѣлями о ней не попадаетъ никакихъ свѣдѣній въ газетахъ. А между тѣмъ стоустая молва не переставала приносить тревожныя вѣсти изъ голодающихъ деревень. Та же молва, нѣсколько позже, разнесла вѣсть о крестьянскихъ безпорядкахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, но печать, къ удивленію читателя, слова не проронила о нихъ, пока не появилось правительственное сообщеніе. Не прибавивъ затѣмъ ни одной черты къ изложенію фактической стороны этого крупнаго событія русской жизни, печать даже и не пыталась подвергнуть обсужденію такой важный очередной вопросъ. Напротивъ, со столбцовъ газетъ и журналовъ на нѣкоторое время исчезли и другія темы, имѣвшія косвенное отношеніе къ тому же предмету. Быть можетъ, еще менѣе понятенъ былъ для читателей слабый откликъ печати на фактъ небывалый въ лѣтописяхъ русской жизни: рядъ городовъ на югѣ Россіи лѣтомъ 1902 г. охваченъ былъ грандіознымъ движеніемъ среди промышленныхъ рабочихъ. Впечатлѣніе, произведенное этими стачками на всѣ круги населенія, было такъ велико, что одно время, — можно съ увѣренностью сказать, — толки и споры о значеніи, послѣдствіяхъ и причинахъ этого событія заслонили всѣ другіе общественные интересы. Вліяніе столь исключительнаго факта немедленно распространилось даже на законодатель-

ство. Но печать въ минуту общаго возбужденія сохранила обычную невозмутимость и ограничилась передачей отрывочныхъ, по преимуществу официальныхъ свѣдѣній и объ этой необычайной злобѣ дня... Такихъ примѣровъ можно бы набрать десятки, не уходя въ даль протекшихъ лѣтъ, а поѣрпая ихъ изъ хроники недавняго прошлаго. Въ случаяхъ важныхъ и неважныхъ, по поводамъ мелкимъ и крупнымъ, но слишкомъ часто русская печать оказывается слабымъ проводникомъ гласности и плохимъ зеркаломъ общественной жизни. Понятно, что общество, не разъ обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, направляется къ цѣли другою дорогой... Происходитъ, словомъ, нѣчто подобное тому, что весной каждаго года наблюдается на линіяхъ нѣкоторыхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Съ сѣвера на югъ мчатся поѣзда, обгоняя партіи сельскихъ рабочихъ, шествующихъ въ томъ же направленіи по шпаламъ. Въ поѣздахъ нашлось бы мѣсто для этихъ пѣшеходовъ, и въ общей экономіи страны получился бы только выигрышъ, если бы силы ихъ не растрачивались напрасно на пѣшее хожденіе. Но поѣзда идутъ своимъ чередомъ, а пѣшеходы своимъ. Понятно, что имъ не совсѣмъ чужда мысль о возможности и другихъ порядковъ. Случается даже, что на станціяхъ высаживаютъ изъ вагоновъ непрошенныхъ гостей, и поѣздъ, совершивъ такую операцію, удаляется, напутствуемый угрожающими жестами своихъ безбилетныхъ пассажировъ... Машинистамъ и кондукторамъ поѣзда, громяющаго пустыми вагонами, приходится принимать это напутствіе, но они меньше, чѣмъ кто-либо, виноваты въ такой наглядной несообразности, меньше и уже во всякомъ случаѣ не больше.

Въ такомъ же положеніи безъ вины виноватыхъ находятся у насъ и дѣятели печати. Въ томъ, что русская пресса не выполняетъ въ настоящее время стоящей передъ нею задачи, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Дѣятели печати первые это признають. Но причина такого печальнаго положенія лежитъ не въ лицахъ, не въ настроеніи литературныхъ группъ или кружковъ, не въ какихъ-либо мѣстныхъ, частныхъ или случайныхъ обстоятельствахъ, а исключительно въ общихъ условіяхъ печати, которыя могутъ быть охарактеризованы двумя словами: неопредѣленность и неувѣренность. Русская печать не чувствуетъ подъ собою твердой почвы закона, точно и открыто для всѣхъ опредѣляющаго права и обязанности каждаго; но она хорошо знаетъ, какъ могутъ быть различны предѣлы дозволеннаго по усмотрѣнію административной власти, распоряженія которой имѣютъ принудительную силу закона, но не обладаютъ ни его постоянствомъ, ни его общеизвѣстностью. Отвѣтственность печати за нарушение измѣнчивыхъ и неопредѣленныхъ правилъ, регулирующихъ ея дѣятельность, велика. Но даже самыя тяжкія кары за проступки по дѣламъ печати,—вплоть до прекращенія періодическаго изданія и уничтоженія книги,—налагаются въ дискреціонномъ порядкѣ административною властью. За дѣятелями печати не признается даже право самозащиты противъ взводимыхъ на нихъ обвиненій,—право, предоставляемое каждому обвиняемому, какъ бы ни былъ очевиденъ его проступокъ. Словомъ, для большей части нашей печати и по настоящее время сохраняютъ полное значеніе слова комиссіи, составившей цензурный законъ 6-го апрѣля 1865 года: у насъ,—говорила эта комиссія,—административный надзоръ за печатью „выражается не только въ предварительной цензурѣ, но и во взысканіяхъ за статьи, уже и пропущенныя цензурой; административная власть имѣетъ въ настоящее время право не только произвольно цензурировать, но и произвольно останавливать или запрещать изданія“. На первый взглядъ льготнѣе условія, установленныя закономъ для такъ называемыхъ безцензурныхъ изданій. Въ дѣйствительности это названіе можетъ быть принято лишь съ

большою оговоркой, такъ какъ часть матеріала, появляющагося и въ безцензурныхъ изданіяхъ, подлежитъ предварительной цензурѣ. Но кромѣ того фактически, въ конечномъ счетѣ, и безцензурная печать находится у насъ въ тѣхъ же зависимыхъ отношеніяхъ къ цензурной власти, ибо, какъ справедливо замѣтила названная комиссія, въ законѣ не существуетъ указанія, „за чтó именно и въ какихъ случаяхъ повремениныя изданія могутъ подлежать административному взысканію. Словомъ *вредное направленіе* выражается мысль общая, не ограничивающая, конечно, *полнаго произвола* при толкованіи *вреда*“. Многолѣтняя практика показала, что эти слова были пророческими. Область дозволеннаго для русской печати колебалась въ значительныхъ границахъ, всегда однако приближаясь къ минимальному предѣлу. Терпимость власти къ свободному выраженію въ печати мнѣній имѣла свои отливы и приливы, что и отмѣчалось усиленіемъ, либо ослабленіемъ административныхъ каръ. Но политика строгости, какъ и политика относительной терпимости, — обѣ являлись плодомъ случая, личнаго взгляда, переходящихъ вліяній и настроеній. Русская печать никогда не знаетъ, чтó ей принадлежитъ по праву даже въ томъ маломъ достояніи, какимъ она пользуется въ данное время, но горькимъ опытомъ она убѣждена въ томъ, что любая часть этого достоянія можетъ быть у нея завтра же отнята. Больше того, — даже пользуясь тѣмъ, что ей принадлежитъ сегодня, она не можетъ быть увѣрена, что не совершаетъ проступка, за который завтра, при измѣнившемся взглядѣ, она понесетъ административную кару. Понятно, что при такихъ условіяхъ русская печать, къ великому ущербу для всей страны, не можетъ удовлетворительно выполнить своей важной миссіи. Но она станетъ въ уровень со своею задачей и выполнить всѣ свои обязанности передъ страной, какъ только права ея будутъ гарантированы закономъ и правильно организованнымъ судомъ.

II.

Что пишутъ въ газетахъ? Ничего не пишутъ... Эти крылатыя слова принадлежать не безсмертному сатирику нашему: они принадлежать русскому обывателю. Въ теченіе многихъ лѣтъ и читатели, почитывающіе русскія газеты и журналы, и писатели, пописывающіе въ нихъ, повторяютъ эту фразу, повторяютъ съ усмѣшкой, съ горечью, наконецъ—равнодушно, какъ-будто и впрямь Россія—мертвая страна, въ которой ничего не бываетъ, ничего не можетъ случиться, ничего такого, о чемъ стоило бы подумать, поговорить, поспорить. А между тѣмъ „книга живота“, въ которую вносятся прегрѣшенія печати, почти никогда не закрывается. Свыше 700 страницъ этого фоліанта, заведеннаго для русскихъ періодическихъ изданій въ 1865 году, заполнено описаніемъ тѣхъ лишь провинностей печати, за которыми послѣдовали административныя взысканія. 700 разъ поднималась карающая рука, чтобы поразить вольномысліе русской прессы, — но и это не все. Надо принять въ разсчетъ, что не всякая вина влечетъ за собою кару, что многія взысканія наложены, такъ сказать, по совокупности преступленій; поэтому, пожалуй, вѣрнѣе признать, что въ списокъ грѣховъ русской временной печати значатся теперь уже не сотни, а тысячи номеровъ.

Возьмемъ однако только кары, служащія для виновнаго возмездіемъ, а для всѣхъ остальныхъ—назиданіемъ. Несложный разсчетъ покажетъ, что мечъ карательной цензуры, съ тѣхъ поръ какъ она у насъ введена, опускается надъ немногочисленными русскими газетами и журналами съ неукоснительною правильностью ежемѣсячно, а то и по два раза въ мѣсяцъ. Бываютъ, конечно, временами и передышки, обусловливаемыя то ли благонаравіемъ печати, то ли снисходительностью власти; но пропущенное обыкновенно вскорѣ наверстывается, и средняя преступность русской печати, къ удо-

вольствію статистиковъ и криминалистовъ, на большомъ протяженіи времени, представляется величиной довольно постоянной.

Такимъ образомъ передъ нами стоятъ рядомъ два положенія, взаимно исключаящія другъ друга. Съ одной стороны, закоснѣлость печати въ ея преступленіяхъ, съ другой—невозмутимая тишина въ печати. Казалось бы, что на общемъ фонѣ безмолвія и безсодержательности всякое нарушеніе закона должно было бы особенно рѣзко выдѣлиться. Правильно или неправильно отграничивается у насъ закономъ запретная для печати область отъ той, гдѣ печать у себя дома, но перейти эту границу незамѣтно для читателя невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, по закону (ст. 4-я Уст. о ценз. и печ.), **произведенія словесности, наукъ и искусствъ** почитаются у насъ **запретнымъ плодомъ тогда:** „1) когда въ оныхъ содержится что-либо клонящееся къ поколебашію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ содержится что-либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти или уваженія къ Императорскому Дому и что-либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность, и 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародываніемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни. а тѣмъ болѣе клеветою“. Таковы четыре основныя цензурныя заповѣди, соблюденіе которыхъ вмѣняется въ обязанность печати подъ страхомъ взысканія. Не допуская нарушенія должнаго уваженія къ христіанской религіи, Верховной Власти, основнымъ законамъ государственнымъ, къ народной нравственности и чести частныхъ лицъ, законъ не препятствуетъ однако появленію разсужденій „о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій“, если они напи-

саны „тономъ, приличнымъ предмету“; позволяетъ цензурный уставъ разсуждать также и „о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ“, хотя на странныхъ условіяхъ,—не называя именъ виновниковъ злоупотребленій; наконецъ, цензурѣ вмѣняется въ обязанность „отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человека и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любуудрію“ (стт. 93, 94, 97, 98 Уст. ценз.). Казалось бы, что нашу смиренную печать никакъ нельзя обвинить въ нарушеніи такихъ цензурныхъ требованій. Но тѣмъ не менѣе административныя мѣры и взысканія, дѣйствию которыхъ періодическія изданія подлежатъ „въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія“ (ст. 7-я Уст. ценз.), оказываются чрезвычайно многочисленными. Если судить по количеству этихъ каръ, русскія газеты и журналы, въ которыхъ, на взглядъ читателя, ничего не пишутъ, обнаруживаютъ неискоренимую склонность къ „дерзкимъ и буйственнымъ мудрованіямъ“. По крайней мѣрѣ двѣсти восемьдесятъ разъ вредное направленіе русской прессы изобличалось при помощи спеціально на этотъ предметъ установленныхъ „предостереженій, съ указаніемъ на статьи, подавшія къ сему поводъ“ (ст. 144 Уст. ценз.). Но потребность въ такихъ предостереженіяхъ, повидимому, не насыщена, ибо до нашихъ дней они раздаются съ неоскудѣвающей щедростью. Если остановиться на фактѣ полученія тѣмъ или инымъ изданіемъ предостереженія, вреднымъ должно быть признано не направленіе какихъ-либо журнальныхъ группъ, а именно направленіе всей русской прессы: разница только въ степени вреда, — исключенію изъ общаго правила не подлежитъ даже направленіе, представленное въ нашей журналистикѣ *Гражданиномъ* или *Московскими Вѣдомостями*.

Но предостереженія, обыкновенныя, мотивированныя предостереженія,—не единственный способъ воз-

дѣйствія на печать, несмотря на то, что онъ примѣняется, какъ мы видѣли, въ широкихъ размѣрахъ. Въ двухъ случаяхъ изъ трехъ предостереженіе не влечетъ непосредственно за собою прямого матеріальнаго ущерба для изданія, хотя и является угрозой даже самому существованію его. Эта особенность разсматриваемой карательной мѣры давно уже признана ея немаловажнымъ недостаткомъ. Поэтому предостереженіе, на практикѣ нерѣдко замѣняется другимъ „средствомъ для сдерживанія печати“ — воспрещеніемъ розничной продажи. Если хотите, это — то же предостереженіе только не мотивированное: но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не служитъ предвѣстникомъ наступающей грозы, а само по себѣ наноситъ изданію кромѣ нравственнаго ущерба, заключающагося въ ограниченіи круга читателей, а слѣдовательно и вліянія, иногда весьма существенный матеріальный ущербъ. Не мѣшаетъ кстати отмѣтить, что въ 1868 году, когда вводилась эта временная мѣра, необходимость ея мотивировалась тѣмъ, „что розничная продажа, съ каждымъ днемъ увеличиваясь, часто бываетъ поводомъ къ безпорядкамъ“ (Ист. обз. дѣят. комитета мин. Т. III, ч. 2, стр. 204). Въ наши дни розничная продажа получила неизмѣримо большее развитіе, чѣмъ это было 20 лѣтъ назадъ; случаи воспрещенія ея газетамъ всѣхъ направленій,—все съ тою же цѣлью—не дать хода ихъ „вреднымъ внушеніямъ“,—не прекращаются; въ настоящее время насчитывается распоряженій такого рода не меньше 218, а вмѣстѣ со случаями наложенія другаго однороднаго взысканія—запрещенія частныхъ объявленій—можно насчитать даже 249 случаевъ примѣненія этой своеобразной системы штрафовъ, т. е. немного меньше, нежели предостереженій; но, кажется, никто еще не слышалъ объ уличныхъ безпорядкахъ по поводу продажи русскихъ газетъ въ розницу. Вѣроятно, и здѣсь немаловажную услугу порядку оказываетъ прочно установившаяся репутация русской повременной печати: ничего не пи-

шуть,—говорить публика, хотя цензура своими многочисленными воспрещеніями розничной продажи, и стремится поколебать этотъ приговоръ.

Какъ бы то ни было, но публика такъ твердо убѣждена въ справедливости своего взгляда, что ее не смущаютъ и болѣе рѣшительные способы доказательства неисправимаго свободомыслія русской печати—въ видѣ 153 случаевъ временной пріостановки газетъ и журналовъ и свыше 25-ти случаевъ окончательнаго прекращенія періодическихъ изданій по требованію административныхъ властей. Каждый годъ четыре—пять изданій становятся жертвой своего, повидимому, необузданнаго стремленія выйти за предѣлы дозволеннаго, несмотря на безчисленные предостереженія о возможности такого печальнаго конца. При малочисленности органовъ русской политической повременной печати это даетъ огромный процентъ убыли.

Можно подумать что въ области печатнаго слова у насъ кипитъ борьба, угрожающая устоямъ государственнаго порядка. Какъ иначе объяснить эту неяскающую потребность въ сооруженіи все новыхъ и новыхъ преградъ противъ бушующихъ волнъ журнальнаго моря. А между тѣмъ на всякаго сторонняго непредубѣжденнаго наблюдателя русская повременная печать производитъ впечатлѣніе не бурнаго моря, даже не соннаго озера, а безмолвной мертвой пустыни. И въ этомъ впечатлѣніи, надо признать, нѣтъ ничего обманчиваго. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть хоть какое-нибудь основаніе усматривать въ проступкахъ нашей прессы, за которыя она несетъ административныя кары, дѣйствительно нарушенія основныхъ требованій даже нашего архаическаго цензурнаго Устава? Если бы во всѣхъ 700 случаяхъ наложенія административныхъ каръ русская печать должна была держать отвѣтъ передъ судомъ, — настоящимъ судомъ, достойнымъ этого имени, — кары были бы признаны заслуженными едва ли въ семидесяти случаяхъ, если только не въ семи.

Такъ случилось бы не потому, что судъ отличается снисходительностью, тогда какъ административная расправа отмѣнно строга, и не потому, что средства суда въ дѣлѣ установленія факта преступленія печати слабѣе, нежели средства администраціи. Напротивъ, на строгость судебной репрессіи у насъ можно положиться. Нѣтъ недостатка у суда и въ надежныхъ способахъ раскрытія, гдѣ кончаются законныя предѣлы свободы слова и гдѣ начинается злоупотребленіе ею. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ судъ не нашелъ бы въ дѣяніяхъ печати вины, но только потому, что въ нихъ ея и не было. Въ самомъ дѣлѣ, какою силою воображенія нужно обладать, чтобы представить себѣ тяжкія преступленія подцензурной печати, обильно политой красными цензорскими чернилами раньше появленія на свѣтъ? А между тѣмъ изъ 153 случаевъ временной пріостановки на долю подцензурныхъ изданій приходится 66. Будущій историкъ русской печати долженъ будетъ констатировать однако, что къ наложенію административныхъ каръ и на безцензурныя изданія представлялись сплошь и рядомъ странные поводы. Такими поводами могли, напр., быть статьи и за, и противъ толстовской гимназіи, только въ разное время, смотря по тому, какого мнѣнія на этотъ счетъ придерживался министръ народнаго просвѣщенія. Историкъ печати увидить, что указать на чрезмѣрность обложенія крестьянскаго надѣла раньше, чѣмъ къ тому же заключенію пришло министерство финансовъ, значило покуситься на основы государственнаго строя; что въ извѣстные моменты небезопасно заявлять о сочувствіи земскимъ учрежденіямъ и отдавать имъ предпочтеніе передъ другими мѣстными учрежденіями; что неблагопріятный отзывъ о государственныхъ чиновникахъ сколько-нибудь значительнаго ранга считается дерзостью и неприличіемъ, недопустимымъ въ печати; онъ съ изумленіемъ откроетъ наконецъ, что въ самихъ предостереженіяхъ, составляющихъ кару за

„вредное“ направленіе, это направленіе может иногда аттестоваться какъ благонамѣренное, что выраженіемъ вреднаго направленія можетъ служить очевидная и безспорная опечатка, что поводомъ къ цензурной карѣ можетъ быть фактъ или даже невѣрный слухъ о фактѣ, не имѣющемъ никакого отношенія къ журнальной дѣятельности. Система административныхъ взысканій открываетъ цензурнымъ властямъ возможность налагать кары не за злоупотребленія печатнымъ словомъ, а за такія дѣянія, которыя, будучи вполне законными, могутъ казаться нежелательными, неприятными, неудобными лицамъ, учрежденіямъ, даже группамъ населенія, пользующимся въ данное время вліяніемъ или властью. При такомъ режимѣ на печать изливается много гнѣва, она становится объектомъ многочисленныхъ мѣропріятій устрашающаго свойства, и трепетъ передъ возможной карою дѣйствительно дѣлается первымъ закономъ ея жизни. Тѣмъ самымъ умалется и ея значеніе въ жизни страны. Но можетъ ли жить и развиваться, крѣпнуть и расти великій народъ, если его уста, которыми онъ долженъ выражать свои помыслы, свои желанія и нужды, наглухо закрыты и запечатаны семью печатями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный; поэтому необходимо оградить закономъ свободу слова, и пусть тогда за злоупотребленія ею каждый отвѣчаетъ предъ строгимъ, но нелицепріятнымъ и независимымъ судомъ присяжныхъ.

III.

Жизнь не перестаетъ давать яркія иллюстраціи жалкаго положенія нашей гласности. Земское собраніе (см. корр. изъ Саратова въ № 286 *Русск. Вѣд.* 1904 г.) ¹⁾ вы-

¹⁾ Приводимъ здѣсь эту интересную корреспонденцію:

САРАТОВЪ. Въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи состоялось постановленіе, имѣющее выдающійся интересъ и въ то

нуждено ходатайствовать о томъ, чтобы дѣйствія его, считающіяся, по закону, публичными и гласными, не искажались въ печати по произволу цензора. Желаніе самое скромное, жалоба вполне законная. Общественные дѣятели хотятъ, чтобы факты общественной жизни предъявлялись публикѣ именно такъ, какъ они происходили въ дѣйствительности,—въ подлинномъ, а не въ фальсифицированномъ видѣ. Но развѣ только въ Саратовѣ такое желаніе должно считаться неудовлетвореннымъ; развѣ въ другихъ мѣстахъ существуетъ „нормальный“, какъ выразилось саратовское собраніе, порядокъ печатанія хотя бы тѣхъ же отчетовъ объ общественныхъ собраніяхъ, безъ искаженій при помощи красныхъ чернилъ? Поставить эти вопросы значитъ отвѣтить на нихъ. Не будемъ говорить о провинціальной цензурѣ, въ которой живетъ до нашихъ дней духъ цензора сороковыхъ годовъ, уничтожавшаго „вольный духъ“ въ поваренной книгѣ. Если нужны доказательства, примѣры, можно привести ихъ въ неограниченномъ количествѣ. Будемъ говорить о столичной печати, пользующейся правомъ выхода безъ предварительной

же время весьма ярко характеризующее, положеніе провинціальной печати. Въ засѣданіи 9-го октября гласные А. М. Масленниковъ, Б. А. Араповъ, Яковлевъ и др. обратились къ предсѣдателю собранія съ заявленіемъ о томъ, что въ помѣщаемыхъ въ мѣстныхъ газетахъ отчетахъ о засѣданіяхъ собранія они замѣтили чрезвычайныя сокращенія и мѣстами совершенныя искаженія того, что происходитъ въ собраніи, и просили поэтому обратиться къ редакціямъ мѣстныхъ газетъ съ просьбой, или совершенно не печатать отчетовъ, или изображать дѣло въ томъ видѣ, какъ оно происходитъ въ дѣйствительности. Въ отвѣтъ на это представители всѣхъ трехъ мѣстныхъ газетъ (*Саратовскаго Листка, Саратовскаго Дневника и Приволжскаго Края*) подали отъ своего имени предсѣдателю собранія заявленіе, содержащее въ себѣ слѣдующее: „Въ виду обращенныхъ къ намъ, представителямъ мѣстной прессы, запросовъ гг. гласныхъ саратовскаго уѣзднаго земскаго собранія, почему въ печатанныхъ нами отчетахъ о засѣданіяхъ собранія допускаются крупныя сокращенія, а мѣстами весьма значительныя искаженія, подчасъ

цензуры подъ страхомъ кары по произволу администраціи. Но, во-первыхъ, и это право даже въ столицахъ принадлежитъ не всѣмъ. Такого разрѣшенія, такого минимальнаго „довѣрія“ не получаютъ у насъ нѣрѣдко люди, пользующіеся европейскою извѣстностью и искреннимъ уваженіемъ всего русскаго общества. Примѣръ налицо: *Русское Богатство*, журналъ, редактируемый В. Г. Короленко, находится подъ предварительной цензурой, и ни одна строка гуманнаго художника не можетъ появиться предъ публикой раньше, чѣмъ цензоръ не объявитъ своего приговора о ней. Конечно, даже Пушкину цензоръ исправлялъ слогъ. Но объ этомъ можно вспоминать только съ болью въ сердцѣ за судьбы родной литературы.

Не всегда однако и такъ-называемыя безцензурныя изданія у насъ являются дѣйствительно безцензурными, т.-е. неподлежащими предварительному просмотру цензора,—не всегда и не во всемъ. Послѣ третьяго предостереженія каждое безцензурное изданіе, выходящее не меньше одного раза въ недѣлю подлежитъ, на основаніи „временныхъ правилъ“ 1882 г. (прим. къ

совершенно уничтожающія истинный смыслъ произнесенныхъ рѣчей, мы, референты отчетовъ, обращаемся къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою довести до свѣдѣнія гг. гласныхъ, что всѣ сокращенія и всѣ искаженія ихъ рѣчей произведены не нами и не редакціями, а г. мѣстнымъ отдѣльнымъ цензоромъ, признающимъ возможнымъ не только вычеркивать цѣликомъ рѣчи ораторовъ, но даже вставлять свои собственные слова въ официальные документы, оглашаемые въ собраніи, и замѣнять своими собственными выраженіями, употребленныя гг. гласными. Такимъ образомъ мы слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность за точность воспроизведенія въ газетахъ дѣйствительнаго содержанія и истиннаго характера засѣданія собранія“. Помимо этого письменнаго заявленія, сотрудники мѣстныхъ газетъ сдѣлали и нѣкоторыя словесныя добавленія; такъ, напримѣръ, сотрудникъ *Приволжскаго Края* г. Лопуховскій выяснилъ, что къ этой газетѣ отдѣльный цензоръ примѣняетъ исключительныя мѣры: онъ вычеркиваетъ изъ нея то, что пропускаетъ цѣликомъ или частью въ двухъ дру-

ст. 144-й Уст. ценз.), особой „карательной“ цензурѣ. Каждый листъ ежедневной газеты, подпавшей подъ власть этого рокового „примѣчанія“, поздно вечеромъ наканунѣ выхода въ свѣтъ въ готовомъ видѣ представляется цензору. По закону, цензоръ въ данномъ случаѣ не имѣетъ права дѣлать какихъ-либо измѣненій въ текстѣ представленнаго ему на просмотръ нумера: онъ можетъ либо разрѣшить нумеръ во всемъ составѣ, либо, изъ опасенія „значительнаго вреда“, задержать выпускъ во всемъ же составѣ. Но вѣдь законъ также не предусматриваетъ ни „вырѣзыванія“ отдѣльныхъ статей изъ безцензурныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, ни перепечатыванія отдѣльныхъ страницъ въ книгахъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры. Однако по соглашенію заинтересованныхъ сторонъ такія изъятія совершаются сплошь и рядомъ,— совершаются потому, что другого выхода нѣтъ для литературы, да, пожалуй, и для администраціи по дѣламъ печати. На практикѣ тотъ же результатъ имѣло и примѣненіе временныхъ правилъ 1882 года о карательной цензурѣ. Послѣ того, какъ гибель ряда изда-

гихъ газетахъ. Послѣ происшедшихъ по этому поводу преній собраніе постановило ходатайствовать о томъ, чтобы въ мѣстной прессѣ оглашены были засѣданія собранія въ томъ видѣ, какъ они имѣли мѣсто въ дѣйствительности, во-вторыхъ, въ виду того, что г. отдѣльный цензоръ присваиваетъ себѣ право искажать содержаніе какъ рѣчей гласныхъ, такъ и официальныхъ документовъ, принести на него жалобу въ главное управленіе по дѣламъ печати и, въ-третьихъ, ходатайствовать передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ установленіи болѣе нормальныхъ отношеній въ дѣлѣ оглашенія въ печати отчетовъ о засѣданіяхъ земскаго собранія, а въ доказательство ненормальности существующаго въ этомъ отношеніи положенія приложить къ ходатайству какъ подлинныя журналы засѣданій, такъ и отчеты о нихъ въ мѣстныхъ газетахъ. Вопросъ же, возбужденный гл. Ничипоровичемъ о своевременности возбужденія общаго ходатайства о пересмотрѣ существующихъ законовъ о печати, — собраніе постановило оставить пока открытымъ.

ній, преимущественно въ 80-хъ годахъ, показала невозможность буквального примѣненія этого правила даже по техническимъ условіямъ газетнаго дѣла, карательной цензурѣ былъ приданъ характеръ цензуры предварительной. Всѣмъ еще, конечно, памятно, что одновременно съ объявленіемъ закона 1901 года, ограничившаго дѣйствіе предостереженій извѣстнымъ срокомъ, рядъ большихъ столичныхъ изданій былъ освобожденъ отъ карательной цензуры. Но и теперь она угрожаетъ каждому безцензурному еженедѣльному журналу и каждой ежедневной газетѣ, а въ подтвержденіе того, что это—не пустая угроза, можно назвать два петербургскихъ изданія *Хозяинъ* и *Восходъ*, которыя, возобновясь послѣ третьяго предостереженія въ 1903 и 1904 гг., подчинены были этому тяжелому цензурному режиму.

Но предварительная цензура знакома нашимъ безцензурнымъ изданіямъ не только какъ искупительная жертва, какъ послѣдствіе административной кары. Разверните листъ любой газеты и посмотрите, много ли въ ней мѣста для непросмотрѣннаго предварительною цензурой матеріала. Оставимъ въ сторонѣ цензуры спеціальныя—дворцовую, военную,—въ обыкновенное время съ ними газета имѣетъ дѣло сравнительно рѣдко. Но, напримѣръ, отчеты о засѣданіяхъ городскихъ Думъ, земскихъ, дворянскихъ и другихъ общественныхъ собраній не появляются въ рѣдкомъ выпускѣ ежедневнаго изданія. И если саратовскія газеты „слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность за точность воспроизведенія“ событій мѣстной общественной жизни, буквально то же могли бы сказать по отношенію къ данному случаю и всѣ остальные газеты. Красныя чернила не мѣняють своего цвѣта, переходя изъ рукъ обыкновеннаго цензора въ руки губернатора, а законъ (ст. 82-я Уст. ценз.) о спеціальной губернаторской цензурѣ отчетовъ этого рода примѣняется одинаково какъ къ подцензурнымъ, такъ и безцензурнымъ изданіямъ.

Нѣтъ надобности пояснять, что телеграммы телеграфныхъ агентствъ, имѣющихъ полуофициальный характеръ, проходятъ чрезъ особую цензуру, строгость которой далеко оставляетъ за собою требованія общей цензуры. Но не для одного г. Бѣлоконскаго (см. № 285-й *Русск. Вѣд.* 1904 г.) ¹⁾, а для многихъ, вѣроятно, показалось страннымъ и удивительнымъ курьезомъ лаконическое извѣщеніе о томъ, что посланная имъ телеграмма цензурой не разрѣшена. Для дѣятелей русской печати такое извѣщеніе—вещь самая обыкновенная, какъ и случаи полнаго искаженія первоначальнаго текста направленной въ редакцію для напечатанія телеграммы.

Большое мѣсто въ современной газетѣ принадлежитъ объявленіямъ. Всѣ они печатаются съ предварительнаго разрѣшенія: въ однихъ случаяхъ дѣйствуетъ специальная врачебная цензура, въ другихъ — общая

¹⁾ Г. Бѣлоконскій пишетъ:

Позвольте при посредствѣ вашей уважаемой газеты передать гласности слѣдующій странный случай. Разрѣшенный правительствомъ VIII съѣздъ врачей Харьковской губерніи постановилъ 5 октября послать министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, текстъ которой при этомъ прилагаю. Эта телеграмма была прочтена на съѣздѣ и единогласно одобрена послѣднимъ. Тогда я по телеграфу послалъ содержаніе телеграммы въ *Русскія Вѣдомости*. Каково же было мое удивленіе, когда въ тотъ же день получилъ изъ Москвы официальное, весьма лаконическое увѣдомленіе: *610. 5-го октября. Русскія Вѣдомости цензурою не разрѣшены*. Справившись съ распиской, я увидѣлъ, что цензурой не разрѣшена названная телеграмма, которая 6-го октября цѣликомъ появилась въ газетѣ *Южный Край* (№ 8,235). Телеграмма была слѣдующаго содержанія:

„Губернскій съѣздъ врачей и представителей земствъ Харьковской губерніи, собравшійся впервые послѣ раздавагося въ Россіи призыва общественныхъ учреждений къ работѣ на началахъ полнаго довѣрія со стороны правительства, горячо привѣтствуетъ ваше сіятельство, видя въ провозглашенныхъ вами началахъ единственный залогъ внутренняго успѣханія Россіи“.

(напр., объявленія о книгахъ), но въ большинствѣ — полицейская. Строги ли эти цензуры — знаютъ лучше въ конторахъ и типографіяхъ, нежели въ редакціяхъ газетъ. Но бываютъ случаи, когда и редакція узнаютъ, что и тутъ цензурное око не дремлетъ. Въ исторіи русской литературы можно отмѣтить, напр., фактъ, что корректура объявленія о паннихидѣ по знаменитомъ русскомъ писателѣ (М. Е. Салтыковѣ) была возвращена перечеркнутой и съ надписью, рекомендовавшей служить паннихиды безъ объявленій. Въ послѣдніе годы однако и слову „объявление“ былъ приданъ такой широкій смыслъ, что предварительной полицейской цензурѣ стала подлежать часть текста газеты. Короче говоря, со ссылкой на ст. 140-ю Уст. ценз., къ объявленіямъ приравнены всякаго рода воззванія и приглашенія къ пожертвованіямъ, независимо отъ формы ихъ изложенія и отъ того, предполагаются ли они къ напечатанію въ текстѣ газеты или въ отдѣлѣ объявленій. Всякая корреспонденція, указывающая на необходимость частныхъ пожертвованій, напр., въ пользу жителей деревушки, посѣщенной не урожаемъ, всякое письмо въ редакцію съ приглашеніемъ къ помощи на доброе дѣло можетъ появиться въ безцензурной газетѣ только въ томъ случаѣ, если его одобрить начальникъ мѣстной полиціи.

Но и многое и другое безцензурная газета можетъ печатать только съ предварительнаго разрѣшенія. Извѣстіе о появленіи чумы подлежитъ спеціальной цензурѣ; извѣстія о „внутренней жизни“ учебныхъ заведеній могутъ появиться лишь съ разрѣшенія другой спеціальной цензуры: начальства этихъ заведеній; сообщенія о безпорядкахъ на фабрикахъ и заводахъ, а равно и о другихъ важныхъ нарушеніяхъ скопомъ общественнаго порядка и спокойствія, требуютъ предварительнаго разрѣшенія высшей полицейской власти; циркулярныя распоряженія правительственныхъ учреждений и начальствующихъ лицъ, если эти распоря-

женія не были объявлены офіціальнымъ порядкомъ, не могутъ быть оглашены въ печати иначе, какъ съ извѣстными ограниченіями, и т. д. О нѣкоторыхъ явленіяхъ общественной жизни въ безцензурной газетѣ могутъ появляться только перепечатки изъ *Правительственнаго Вѣстника* и другихъ офіціальныхъ изданій, напр., объ арестахъ, дознаніяхъ и слѣдствіяхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Нѣкоторые другіе факты признаются вовсе неподлежащими оглашенію въ русской повременной печати. Такъ, напр., неоднократно разъяснялось, что русскимъ газетамъ и журналамъ воспрещено печатать сужденія, высказываемыя въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ по производящимся въ нихъ дѣламъ.

Понятно, что вся эта масса требованій, предъявляемыхъ къ печати многочисленными цензурными инстанціями, не можетъ быть ею выполнена. Нарушенія безчисленныхъ правилъ неизбѣжны уже по одному тому, что не всякій способенъ запомнить ихъ. Но соблюдать ихъ нужно, ибо каждый, даже невольный промахъ можетъ навлечь на изданіе не шуточную кару: пріостановку, безъ предостереженій, на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Законъ разрѣшаетъ примѣнять эту кару лишь „въ случаѣ неисполненія редакторомъ выходящаго безъ предварительной цензуры повременного изданія распоряженія о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого-либо вопроса государственной важности“. Когда издавался этотъ законъ, въ немъ видѣли „законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства“, и полагали, что примѣненіе этого привила не стѣснить печать въ обсужденіи политическихъ и общественныхъ вопросовъ. „Новое постановление,—говорилось въ мнѣніи государственнаго совѣта, опубликованномъ двадцать лѣтъ назадъ,—по своему разуму и цѣли его, *можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайно рѣдкихъ*“. Эти слова законодательнаго акта звучатъ горь-

кой ироніей. Не на стражѣ высшихъ государственныхъ интересовъ стояла въ теченіе 20-ти лѣтъ ст. 140 Уст. ценз. и ни отъ какихъ опасностей она не ограждала русское государство. Но она связала по рукамъ и по ногамъ русскую печать и, подъ предлогомъ предупрежденія „опасныхъ нескромностей“, лишила русское общество возможности разобраться въ цѣломъ рядѣ капитальныхъ, насущныхъ для него вопросовъ политической и общественной жизни. Если мы теперь стоимъ передъ гордіевымъ узломъ запутанныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ первѣйшей государственной важности, это — естественный результатъ системы зажиманія рта. И пока свобода слова не будетъ обезпечена всѣми необходимыми для нея гарантіями, невозможно сдѣлать ни шагу впередъ къ уврачеванію язвъ нашей общественной жизни, къ установленію прочнаго общественнаго порядка, основаннаго на законности и свободѣ, на сознаніи каждымъ своихъ обязанностей и на увѣренности каждаго въ незыблемости своихъ правъ.

IV.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образована комиссія для пересмотра законовъ о печати. Чтò это за комиссія и изъ кого она состоитъ, чтò это за пересмотръ, съ какими цѣлями онъ предпринимается, въ какихъ предѣлахъ задуманъ и въ какомъ порядкѣ будетъ осуществленъ, — объ всемъ этомъ пока нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Но что касается русскаго общества и русской печати, то относительно ихъ взгляда на этотъ предметъ не можетъ быть никакого спора, ни малѣйшаго заблужденія. Никогда, быть можетъ, и ни въ одномъ вопросѣ общественное мнѣніе у насъ не обнаруживало такой опредѣленности, ясности и единодушія, какъ въ вопросѣ о положеніи печати. Русское общество, сверху донизу, за ничтожными исключеніями, ничтожными численно въ такой же мѣрѣ, какъ и ка-

чественно, сходится на мысли, что въ общественномъ дѣлѣ не можетъ быть отъ него тайнъ, что открытая борьба мнѣній и интересовъ—необходимое условіе здоровой общественной жизни. Всѣ хотятъ правды безъ утайки, какъ бы порою ни была горька эта правда; всѣ убѣждены въ необходимости покончить съ общественной игрой въ жмурки, которая у насъ, подѣ опекою всѣхъ родовъ цензуры, къ общему стыду и несчастію, продолжалась слишкомъ долго: всѣ видятъ въ широкой гласности и въ полной терпимости ко всѣмъ безъ исключенія отгѣнкамъ общественной мысли залогъ возрожденія отечества къ новой жизни, неустранимое и притомъ положительное само по себѣ условіе его благоденствія, мощи и славы. Вотъ почему теперь общественное настроеніе по отношенію къ печати выражается какъ нельзя лучше словами консервативнаго журнала, который издавалъ когда-то Достоевскій. „Общество, — писалъ этотъ журналъ сорокъ лѣтъ назадъ ¹⁾, — не чувствуетъ никакой потребности ни въ какихъ законахъ о печати, кромѣ развѣ одного, именно о свободѣ печати“. Но зато въ этомъ законѣ, — скажемъ мы, — оно дѣйствительно ощущаетъ самую настоящую, самую неотложную нужду. Свобода печати, конечно, не дастъ еще рѣшенія наболѣвшихъ вопросовъ русской жизни, но она необходима Россіи такъ же, какъ воздухъ необходимъ человѣку: для поддержанія его жизни, для его благополучія и счастья нужно многое; воздухъ не можетъ замѣнить ничего въ этомъ многомъ, но тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха, всѣ богатства міра бесполезны для человѣка, гдѣ нѣтъ воздуха, — нѣтъ и жизни.

Какъ обезпечить печати необходимую для нея свободу, это — вопросъ особенно важный. Онъ тѣсно и неразрывно связанъ съ рѣшеніемъ ряда другихъ задачъ,

¹⁾ *Время*, 1862 г., VI (цит. по перепечаткѣ въ книгѣ М. Лемке. „Эпоха цензурныхъ реформъ“. Спб. 1904 г., стр. 197).

поставленныхъ силою вещей въ порядокъ дня нашей внутренней политики. Но формулировать главнѣйшія требованія, которымъ должно удовлетворять законодательство о печати, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не трудно. Право говорить въ печати, печатать и распространять свои произведенія должно принадлежать каждому и для его осуществленія не должно требоваться дозволенія какого-либо органа власти. Требованіе это имѣетъ безусловный характеръ, правило это не терпитъ никакихъ ограниченій въ пользу административнаго усмотрѣнія, такъ какъ самая благожелательная и прозорливая власть не въ состояніи удовлетворительно рѣшить вопросъ, кто изъ званныхъ долженъ быть избраннымъ. Но это отлично сдѣлаетъ сама жизнь, открытое соперничество разныхъ взглядовъ и здравый смыслъ общества, къ которому обращается печать. По той же причинѣ основаніе газеты или журнала, такъ же какъ учрежденіе типографіи или торговли произведеніями печати, не должно быть стѣсняемо никакими другими требованіями, кромѣ требованія предварительной заявки отъ лица или лицъ, принимающихъ на себя отвѣтственность за періодическое изданіе или предпріятіе. А эту отвѣтственность долженъ опредѣлить судъ и установить законъ. Взысканіе за преступленіе печати, какъ и за всякое другое преступленіе, можетъ быть наложено только въ судебномъ порядкѣ и притомъ лишь по суду присяжныхъ. Это требованіе составляетъ основу правопорядка, и отъ него нельзя отступить, не жертвуя существенными интересами какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества. Самый законъ о преступленіяхъ печати долженъ отличаться точностью и опредѣленностью, умѣренностью и гуманностью. Онъ долженъ заключить запретную для печати область въ самыя тѣсныя границы, ибо его назначеніе — защищать не только такія общественныя блага, какъ порядокъ, добрые нравы, честь каждаго члена общества и проч., но въ не меньшей мѣрѣ и самую печать, это драгоцѣн-

нѣйшее орудіе человѣческой мысли и общественной критики.

Дѣйствующее наше законодательство въ такой мѣрѣ уклоняется отъ этихъ элементарно-необходимыхъ для печати условій, что *пересмотръ*,—собственно пересмотръ разнообразныхъ постановленій, спитыхъ на живую нитку, въ хаотическомъ безпорядкѣ, и названныхъ Уставомъ о цензурѣ и печати, — представляется дѣломъ бесполезнымъ. Этотъ памятникъ законодательнаго безвременья долженъ быть зачеркнутъ отъ начала до конца: въ немъ нѣтъ ни одной здоровой мысли, изъ него нельзя извлечь ни одной строки, которая была бы достойна увѣковѣченія въ новомъ законѣ о печати. Этотъ послѣдній долженъ покоиться совсѣмъ на другихъ началахъ, ему должна быть чужда самая мысль о цензурѣ, составляющей альфу и омегу дѣйствующаго законодательства; даже по внѣшности онъ долженъ отличаться отъ стараго Устава и замѣнить три сотни его хитросплетенныхъ, казуистичныхъ, противорѣчивыхъ статей десяткомъ простыхъ, ясныхъ, принципиальныхъ постановленій. Чтобы написать проектъ такого закона, не нужно много времени; чтобы доказать его необходимость, нѣтъ надобности въ новыхъ изысканіяхъ или изслѣдованіяхъ; но нужна рѣшимость пойти до конца, но потребуются, конечно, немало усилій для того, чтобы привести корабль съ этимъ драгоценнымъ грузомъ къ желанной пристани.

Періодъ споровъ, обсужденія и разногласій по этому вопросу для Россіи давно уже миновалъ. Всѣ доводы *за* и *противъ* печати, регулируемой цензурою, и печати, регулируемой закономъ, исчерпаны: никакихъ новыхъ человѣческая мысль изобрѣсти не можетъ. Кромѣ того, режимъ цензуры извѣданъ нами до конца, во всѣхъ формахъ, на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Продолжать ли опытъ, плоды котораго у всѣхъ на глазахъ? Если не пугаетъ апатія мысли, естественный продуктъ цензурной опеки надъ нею, если не претитъ застой,

плѣсень и разложене въ общественномъ дѣлѣ, неизбежныя спутники безгласности, если не надоѣло еще бродить въ потемкахъ и тщетно искать выхода изъ тяжкаго кризиса, переживаемаго страной, то никакого пересмотра законовъ о печати не нужно. Въ такомъ случаѣ и дѣйствующій Уставъ, при всѣхъ его несообразностяхъ, можетъ быть сохраненъ въ полной неизмѣнности, ибо вѣдь при цензурномъ режимѣ въ сущности дѣло все зависитъ не отъ закона, а отъ произвола администраціи. Можетъ мѣняться лишь настроеніе власти и изъ благожелательнаго переходить въ нетерпимое или обратно — взамѣнъ дѣятельно-опекающаго становится снисходительно-покровительствующимъ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ нельзя рассчитывать на незамѣнимое ничѣмъ и благотворное воздѣйствіе печати на общественную жизнь. Для этого нужно твердо ступить на другой путь, то же испытанный, хотя и не у насъ. Нельзя однако не придавать значенія тому факту, что на этотъ путь стали культурныя страны всего міра, что почти вездѣ режимъ свободной печати пришелъ на смѣну административной опеки надъ нею, что цензурный опытъ всѣхъ государствъ и всѣхъ временъ привелъ къ отрицательнымъ результатамъ, тогда какъ законъ въ качествѣ регулятора дѣятельности прессы отлично выдержалъ продолжительный искусь повсемѣстно при при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Есть, конечно, и теперь государства, ревностно оберегающія цензуру, но вѣдь это — Турція, Персія, Китай.

Словомъ, пересмотръ законовъ о печати имѣлъ бы смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы онъ предпринимался съ цѣлью кореннаго преобразованія, о которомъ думали 40 лѣтъ назадъ, но отъ котораго отказались въ пользу полумѣръ закона 6-го апрѣля 1865 года. Судьба этого закона — лучшее доказательство того, что полумѣры здѣсь не годятся. Этотъ урокъ исторіи полезенъ, пожалуй, еще и въ томъ отношеніи, что онъ избавляетъ насъ отъ напрасныхъ исканій выхода изъ современнаго

тяжелаго положенія русской печати. Выходъ существуетъ только одинъ, — и нужны лишь искреннее желаніе воспользоваться имъ и рѣшимость побороть извѣстныя внѣшнія препятствія, заключающіяся въ инертности многихъ и въ своекорыстномъ разсчетѣ нѣкоторыхъ.

Рѣшеніе вопроса о печати въ законодательномъ порядкѣ едва ли потребовало бы много времени. Комиссія, о задачахъ которой мы говорили, могла бы закончить свой трудъ въ сравнительно короткій срокъ. При желаніи обсужденіе проекта въ высшихъ инстанціяхъ можно поставить на первую очередь. И только потому, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ улучшение условій дѣятельности печати, дорога каждая минута, а положеніе русской печати крайне неопредѣленно и неустойчиво, можно, пожалуй, принять теперь же нѣкоторыя мѣры для облегченія печати въ переходное время, т. е. на ближайшіе мѣсяцы, до изданія новаго закона. Всѣ эти мѣры могутъ быть осуществлены въ порядкѣ управленія, потому что почти всѣ онѣ сводятся къ отмѣнѣ постановленій, введенныхъ въ дѣйствіе помимо установленнаго законодательнаго пути, либо обязаны своимъ появленіемъ какой-то неразъясненной до настоящаго времени, по несчастливой случайности. Безотлагательной отмѣнѣ должны подлежать прежде всего Правила 27-го августа 1882 года, ненужная жестокость которыхъ не требуетъ доказательствъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели первый департаментъ правительствующаго сената внушаетъ правительству такъ мало довѣрія, что за нимъ нельзя было сохранить предоставленное ему закономъ право рѣшать вопросы объ окончательномъ запрещеніи повременнаго изданія? Съ другой стороны, для чего нужно завѣдомо невыполнимое требованіе тѣхъ же Правилъ 27-го августа, чтобы нумера ежедневной газеты, возобновленной послѣ временной пріостановки вслѣдствіе трехъ предостереженій, представлялись на просмотръ цензору не позже 11-ти часовъ вечера наканунѣ дня выпуска? Всѣмъ хорошо извѣстно, что

газету, т. е. такую газету, которая удовлетворяла бы современнымъ требованіямъ, отпечатать къ этому сроку невозможно. На практикѣ такое требованіе, не считающееся съ условіями дѣйствительной жизни, не можетъ получить примѣненія: оно либо ведетъ къ фактическому окончательному запрещенію изданія, либо становится орудіемъ не смертельной, но длительной и мучительной пытки, жертвой которой оказывается не только редакторъ, но, пожалуй, и цензоръ.

Двадцатилѣтнее существованіе Правилъ 27 августа 1882 года представляетъ яркій примѣръ живучести самыхъ уродливыхъ мѣропріятій, разъ только они продиктованы реакціонными стремленіями. Но это — примѣръ не единственный. Около тридцати пяти лѣтъ, напр., дѣйствуетъ правило о воспрещеніи розничной продажи поврежденныхъ изданій. ~~Оставляемъ~~ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что на практикѣ оно получило широкое толкованіе, несоотвѣтствующее буквальному смыслу положенія комитета министровъ 14 іюня 1868 года, на которомъ оно основано. Но не менѣе важно и то обстоятельство, что въ свое время, обсуждая этотъ вопросъ, „комитетъ, по свидѣтельству официального историка ¹⁾, единогласно призналъ, что предложеніе это, составляющее дополненіе къ закону 1865 года, должно бы быть разсмотрѣно въ государственномъ совѣтѣ“. Не оспаривалъ этого мнѣнія и министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ настаивалъ только на томъ, чтобы „проектъ его былъ принятъ, пока въ видѣ временной мѣры“. Большинство склонилось въ пользу этого предложенія, не допуская, вѣроятно, мысли, что „временная“ мѣра получить столь затяжной характеръ. Но меньшинство, состоявшее изъ четырехъ членовъ, находило невозможнымъ принять такую мѣру и въ видѣ временной, справедливо полагая, что „для утвержденія въ обществѣ понятія святости закона всякое дополне-

¹⁾ Ист. обоз. д. комит. мин. Т. 3-й, ч. II. Спб., 1902, стр. 203.

ніе или измѣненіе къ нему должно быть дѣлаемо не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ; исключенія изъ этого могутъ быть допускаемы лишь въ крайнихъ случаяхъ, вызываемыхъ чрезвычайными обстоятельствами, чего въ данномъ случаѣ четыре члена не видѣли“.

Эти соображенія, какъ и судьба положенія 14-го іюня 1868 г., не повліяли на измѣненіе практики комитета министровъ; напротивъ, въ послѣдующее время законы о печати неоднократно дополнялись разнообразными „временными“ постановленіями. Ограничимся здѣсь двумя примѣрами. Въ 1884 году министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено воспрещать обращеніе въ публичныхъ библіотекахъ и читальняхъ дозволенныхъ книгъ и журналовъ; иначе говоря, комитетъ министровъ подвергъ существенному ограниченію законъ 6-го апрѣля 1865 г., разрѣшающій библіотекамъ „давать въ чтеніе всѣ незапрещенныя изданія“; въ 1897 г. переходъ права на періодическое изданіе отъ одного лица къ другому обусловленъ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, т. е., другими словами, издатели ограничены въ правѣ распоряженія своею собственностью, и даже такое важное ограниченіе состоялось не въ законодательномъ порядкѣ.

Бывали случаи, что неблагопріятныя для печати постановленія воспринимали силу закона даже только вслѣдствіе кодификаціоннаго недоразумѣнія. Такъ, ст. 154 Уст. Ценз., предоставляющая министру внутреннихъ дѣлъ право срочной пріостановки подцензурныхъ изданій, основана на временныхъ Правилахъ 12-го мая 1862 г. Но съ изданіемъ закона 6-го апрѣля 1865 года это постановленіе должно было считаться и до 1878 г. считалось отмѣненнымъ. Если бы въ намѣренія законодателя входило оставить въ силѣ правило о пріостановкѣ подцензурныхъ изданій, то не подлежитъ сомнѣнію, что оно было бы согласовано со ст. 7-й закона 6-го апрѣля, устанавливающей такую же кару для безцензурныхъ изданій. Но нетрудно убѣдиться въ томъ,

что о сохраненіи стараго правила не было и рѣчи; достаточно для этого припомнить, что приостановка безцензурнаго изданія послѣ трехъ предостереженій ограничивается срокомъ до 6-ти мѣсяцевъ, а подцензурнаго — безъ всякихъ предостереженій, и за статьи, пропущенныя цензурой, можетъ быть продлена до 8-ми мѣсяцевъ. Такой наглядной несообразности законъ не могъ бы, конечно, допустить даже въ томъ случаѣ, если бы въ шестидесятихъ годахъ и была мысль удержать репрессивныя мѣры противъ подцензурной печати. Мало того, уже по изданіи закона 6-го апрѣля 1865 года министерство внутреннихъ дѣлъ, доказывая въ официальномъ сообщеніи 1867 года преимущество новаго порядка передъ прежнимъ режимомъ, подчеркивало то обстоятельство, что съ 1865 г. подчиненіе изданія административнымъ взысканіямъ есть *условіе* выхода его безъ предварительной цензуры ¹⁾. Для подцензурныхъ изданій, по мнѣнію министерства, прямо выраженному въ томъ же сообщеніи, „ограниченіе административнаго надзора одною правительственною цензурой есть уже льгота“, такъ какъ на основаніи временныхъ Правилъ 1862 г. и предшествующаго законодательства администрація могла „не только произвольно цензурировать, но и произвольно останавливать или запрещать изданія“. И все-таки, какъ только въ Продолженіе Свода Законовъ 1878 года, по очевидной ошибкѣ, было включено отмѣненное правило, оно на практикѣ получило широкое примѣненіе. По такому же недосмотру въ Уставѣ о ценз. и печ. до настоящаго времени сохраняется и ст. 155-я, предоставляющая министру внутреннихъ дѣлъ прекращать въ повременныхъ изданіяхъ печатаніе частныхъ объявленій. Это постановленіе было издано 12-го мая 1863 г. въ дополненіе къ временнымъ Правиламъ предшествующаго года. Если бы оно должно было сохранить силу и послѣ изданія

¹⁾ *Свѣд. Почта*, 1867 г. № 279.

закона 6-го апрѣля, оно, безъ сомнѣнія, было бы тогда же включено въ отдѣлъ административныхъ взысканій, налагаемыхъ на безцензурную повременную печать. Но этого не было на самомъ дѣлѣ, отмѣна же старой карательной мѣры по отношенію подцензурныхъ изданій вытекала изъ общаго принципа ограниченія административнаго надзора за ними лишь предварительною цензурой. Тѣмъ не менѣе воспрещеніе частныхъ объявленій до нашихъ дней признается однимъ изъ законныхъ административныхъ взысканій и примѣнялось, хотъ и не часто, еще въ весьма недавнее время.

Словомъ, для переходнаго времени, которое въ крайнемъ случаѣ, можетъ продолжаться развѣ только нѣскольکو мѣсяцевъ, до законодательнаго рѣшенія вопроса о печати, надлежало бы теперь же освободить ее отъ тѣхъ добавочныхъ неудобствъ и невзгодъ, которыя налагаются на печать при посредствѣ временныхъ мѣръ, принятыхъ въ порядкѣ управленія, или даже путемъ кодификаціоннаго оживленія старыхъ и, казалось бы, вымершихъ карательныхъ постановленій. Если въ переходную эпоху отъ цензурнаго режима къ режиму законности и свободы для печати необходимо создать какой-либо порядокъ, то въ цѣляхъ установленія его лучше всего правила объ отмѣнѣ предварительной цензуры распространить на всю печать и дѣла о проступкахъ печати, хотъ бы на основаніи дѣйствующихъ несовершенныхъ законовъ, предоставить вѣдѣнію суда. Но, главное, надо помнить, что это не будетъ рѣшеніемъ вопроса, что это даже вовсе не шагъ къ его рѣшенію. Рѣшеніе существуетъ только одно: свобода печати.

Въ мірѣ случайностей.

Ай да свободная пресса !

Мало вамъ было хлопотъ?...

„Пѣсни о свободномъ словѣ“.

Некрасовъ.

Что произойдетъ, если въ современной литературѣ явятся десятки новыхъ талантовъ? Ничего не произойдетъ.

Н. К. Михайловскій.

„Изъ литер. и журн. замѣтокъ“.

I.

Въ уставѣ о цензурѣ и печати есть особое „отдѣленіе“, заключающее въ себѣ пятнадцать статей, подъ общимъ заглавіемъ: о мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ. Послѣднія, какъ мы увидимъ, довольно многочисленны и разнообразны. Въ общемъ это—своего рода уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, специально предназначенное для печати. Но существенное отличіе его отъ настоящаго уложенія состоитъ въ томъ, что, предъявляя сложную, хоть и не стройную, систему возмездія за преступленія печати, наши цензурныя уза-

коненія оставляють открытымъ вопросъ, за что именно и въ какихъ случаяхъ налагаются тѣ или другія кары. На этотъ вопросъ, за единственнымъ исключеніемъ, вы получаете неизмѣнно одинъ и тотъ же отвѣтъ: временныя изданія подлежатъ административнымъ взысканіямъ за вредное направленіе. Но что разумѣется подъ вреднымъ направленіемъ — законъ не разъясняетъ, — и это не случайная недомолвка.

Извѣстно, что въ 1865 г. мы позаимствовали у наполеоновской Франціи ея систему административныхъ взысканій съ періодической печати. Не мы первые взяли за пересадку цензурныхъ порядковъ второй Имперіи на родную почву. Раньше были сдѣланы такія же попытки въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, напр., въ Пруссіи, въ Австріи. „Система эта, — говорится въ одномъ изъ министерскихъ отзывовъ на проектъ цензурныхъ правилъ, возымѣвшихъ силу закона 6 апрѣля 1865 года, — система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было *возстановить* цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе *приблизиться* къ ней, какъ можно болѣе“ ¹⁾. Однако нигдѣ на Западѣ не удалось удержать эти порядки на долгое время. Даже во Франціи они просуществовали неполныхъ шестнадцать лѣтъ и сошли со сцены вскорѣ послѣ того, какъ были позаимствованы нами..

Иная судьба ждала цензурное изобрѣтеніе второй Имперіи въ нашемъ отечествѣ. Начать съ того, что этотъ законодательный шагъ, на Западѣ безусловно реакціонный, у насъ былъ сдѣланъ и официально истолковывался въ качествѣ переходной мѣры къ освобожденію печати отъ цензурной опеки. „Желая дать отечественной печати возможные облегченія и удобства, — говорилось въ Высочайшемъ указѣ 6 апрѣля 1865 г., —

¹⁾ Джаншіевъ. „Эпоха великихъ реформъ“, стр. 237.

Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ положеніи судебной у насъ власти и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія“. Эти перемѣны и дополненія, въ главномъ и существенномъ, поскольку они касаются періодической печати, сводились къ освобожденію отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія они подлежатъ дѣйствію административныхъ взысканій по особо установленнымъ на то правиламъ. Образцомъ для послѣднихъ и послужилъ французскій законъ 17 февраля 1852 года. Слѣдуя тому же примѣру, наше законодательство о печати отказалось и отъ опредѣленной формулировки проступковъ, за которыми можетъ послѣдовать административное взысканіе. Комиссія, составлявшая проектъ закона 6 апрѣля, по ея собственнымъ словамъ, „признала болѣе приличнымъ вовсе не указывать въ законѣ, за что именно и въ какихъ случаяхъ повременныя изданія могутъ подлежать административному взысканію. Словомъ *вредное направленіе* выражается мысль общая, неограничивающая, конечно, полного произвола при толкованіи *вреда*; но такъ какъ нѣтъ никакой возможности даже приблизительно опредѣлить безспорные признаки вреднаго направленія, то приличнѣе, откровеннѣе и достойнѣе не прикрывать закона наружною формою опредѣлительности, когда внутреннее содержаніе его не подходитъ ни подъ какое положительное опредѣленіе“ ¹⁾. Остановливаясь на такомъ рѣшеніи вопроса о проступкахъ печати, вызывающихъ административную кару, составители закона 6 апрѣля, объясняли, что они предлагаютъ эту мѣру въ качествѣ чрезвычайной, которая имѣетъ извѣстныя преимущества по сравненію съ до-реформенными условіями печати, но не можетъ быть

¹⁾ „Сѣверная Почта“, 1867 г., № 279.

принята за нормальный, постоянный порядок. Тридцать девять лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ положенія комиссіи были осуществлены въ законѣ; многое въ послѣдствіи было измѣнено въ немъ, но не измѣнилось отношеніе его къ вопросу, въ какихъ случаяхъ періодическія изданія подлежатъ карѣ, что разумѣется подъ „вреднымъ направленіемъ“.

Вообще, въ мотивахъ цензурной реформы послѣдовательно развивается взглядъ на законъ 6 апрѣля, какъ на переходную мѣру къ другому порядку, вѣрнѣе обезпечивающему интересы печати. Правиламъ 1865 г. придается значеніе льготъ для печати, но именно по сравненію съ дореформеннымъ цензурнымъ режимомъ. „Въ настоящее время, — говорится, между прочимъ, въ объяснительной запискѣ комиссіи, составлявшей проектъ, — на основаніи временныхъ правилъ и предшествующаго законодательства, административный надзоръ за повременными изданіями выражается не только въ предварительной цензурѣ, но и во взысканіяхъ за статьи, уже пропущенныя цензурой; административная власть въ настоящее время имѣетъ право не только произвольно цензурировать, но и произвольно останавливать или запрещать изданія. При такомъ положеніи законодательства, ограниченіе административнаго цензора одною правительственною цензурою есть уже льгота, но на ней проектъ не останавливается. Онъ стремится открыть для повременныхъ изданій способъ выйти изъ докучливой, тяжелой и мелочной ежедневной опеки цензуры и предоставить имъ средство къ болѣе самостоятельному пользованію орудіемъ печати. Для осуществленія этого стремленія проектъ предоставляетъ всякому издателю право освободиться отъ цензуры, но при условіи, въ замѣнъ ея, подчиниться правиламъ административныхъ взысканій. Это условіе есть послѣдствіе признанія недостаточности судебныхъ средствъ преслѣдованія. Отрицать пользу или необходимость этого условія можно, только доказавъ, что

предположенія проекта о недостаточности суда — неосновательны. Скоро ли послѣдуетъ общая реформа суда, какъ она, въ особенности въ первое время, приметъ на почвѣ, еще такъ мало у насъ подготовленной, и въ какой мѣрѣ, въ особенности по дѣламъ печати, будетъ она соотвѣтствовать дѣйствительной потребности—объ этомъ можно дѣлать только болѣе или менѣе гадательныя предположенія. Но основать на этихъ предположеніяхъ законоположеніе, коего сила и значеніе проявятся въ дѣйстви въ самый день его введенія, было бы въ высшей степени неосторожно, и это повредило бы успѣху всей реформы. Сущесwующій фактъ долженъ быть принятъ за точку отправленія для начертанія правилъ, которымъ суждено измѣниться сообразно измѣненію обусловливающихъ ихъ обстоятельствъ“¹⁾. Словомъ, составители проекта закона 6 апрѣля разсматривали эту мѣру какъ временную, вынужденную неудовлетворительнымъ состояніемъ дореформеннаго суда. Мало того: они заявляли, что „принять за общую систему такой порядокъ преслѣдованія было бы несогласно съ понятіями о правильномъ законодательствѣ“. Въ пользу намѣченнаго ими рѣшенія вопроса говорило, по мнѣнію составителей закона, однако, то соображеніе, что „какъ бы строга ни была угроза административныхъ взысканій, она на дѣлѣ внесетъ несравненно большую массу свободы слова, чѣмъ самая снисходительная цензура... Поэтому, — говорила комиссія, — соглашаясь освободить повременныя изданія отъ предварительной цензуры даже подъ условіемъ административныхъ взысканій, правительство дѣлаетъ шагъ впередъ къ освобожденію слова. Въ виду крайнихъ и нетерпѣливыхъ требованій современной литературы, быть можетъ, осторожныя мѣры, предложенныя проектомъ,—замѣчали авторы послѣдняго—покажутся, съ перваго взгляда, неудовлетворительными, но нѣтъ

¹⁾ „Сѣверная почта“, № 280.

сомнѣнія, что опытъ убѣдитъ истинныхъ друзей свободы слова, что избранный комиссіей путь вѣрнѣе приведетъ къ желанной цѣли, чѣмъ смѣлыя попытки нарушить постепенный ходъ полезныхъ преобразованій“¹⁾).

Дѣйствительно, часть современной составителямъ проекта литературы не признавала путь, предложенный ими, вѣрнымъ путемъ къ желанной цѣли. Но было бы несправедливо сказать это обо всей литературѣ того времени. Какъ всегда, и въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ нашлось немало людей, въ сердцахъ которыхъ легко и быстро расцвѣтають надежды. Общее настроеніе литературной среды превосходно отразилось въ извѣстномъ коротенькомъ стихотвореніи Некрасова „Литераторы“, вылившемся на бумагу подъ первымъ впечатленіемъ цензурной реформы:

Три друга обнялись при встрѣчѣ,
Входя въ какой-то магазинъ.
— Теперь пойдутъ инныя рѣчи, —
Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперь насъ ждуть просторъ и слава!—
Другой восторженно сказалъ.
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ!

Во всякомъ случаѣ недостатка въ восторгахъ на первыхъ порахъ не было, и если среди нихъ звучала все-таки и скептическая нотка некрасовскаго третьяго, то ужъ совсѣмъ не такъ громко, чтобы повліять на общій ликующій тонъ печати. Посмотрите, сколько надеждъ выражено въ первыхъ статьяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ безъ предварительнаго просмотра цензоромъ. Литераторы привѣтствовали „освобожденіе слова отъ крѣпостной зависимости“, объявляя, что чувствуютъ подъ собою и своимъ дѣломъ „твердую почву закона“, восхи-

¹⁾ Тамъ же, 1870 г., №№ 279 и 280. Было перепечатано въ 1878 г. въ „Сборникъ Узаконеній и распоряженій правительства по дѣламъ печати“. Спб.

щались „неслыханнымъ, невиданнымъ правомъ: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ“¹⁾). И не лукавый взглядъ некрасовскаго третьяго умѣрилъ пылъ этихъ восторговъ, отрезвила отъ нихъ подлинная русская дѣйствительность—и очень скоро отрезвила.

Законъ 6 апрѣля 1865 года былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 сентября того же года, и уже менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли, 20 сентября, послѣдовало первое, по времени объявленія, предостереженіе русскому періодическому изданію. Оно было дано Коршевскимъ „Спб. Вѣд.“ по такому поводу и при такихъ обстоятельствахъ, что могло бы навести на раздумье самыхъ искреннихъ энтузіастовъ. А послѣдующая практика примѣненія закона 6 апрѣля въ первые же годы послѣ его изданія не оставила и слѣда былого увлеченія. Уже въ 1867 году органъ министерства внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ опровергнуть слухи о предстоявшей будто бы отмѣнѣ системы предостереженій по дѣламъ печати и, полемизируя съ газетами и журналами, высказывавшимися въ пользу такой мѣры, выступилъ съ длиннымъ разсужденіемъ въ защиту этой системы. „Никто — говорилось въ „Сѣверной Почтѣ“ — не могъ сомнѣваться въ существенной важности или значеніи этой части закона. Никто не могъ или, по крайней мѣрѣ, не былъ въ правѣ предполагать, что эта именно часть закона останется мертвою буквою, и никто въ настоящее время не можетъ утверждать, что издатели журналовъ и газетъ, подвергшихся предостереженіямъ, не были достаточно и въ полной мѣрѣ предупреждены. Ни одно изданіе не было пріостановлено, на основаніи закона 6 апрѣля, безъ собственной и очевидной настой-

¹⁾ См. Джаншіевъ. „Эпоха великихъ реформъ“. Въ главѣ, посвященной „первымъ шагамъ безцензурной печати“, приведены выписки изъ первыхъ статей „Дня“, „Голоса“, „Спб. Вѣд.“, „Москов. Вѣд.“ Тамъ же подробности о первыхъ предостереженіяхъ.

чивой на то рѣшимости издателей. Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ и непринятіемъ его къ соображенію и къ руководству на послѣдующее время. Въ первомъ случаѣ предостереженіе не повторяется, въ послѣднемъ оно не можетъ не повториться. Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели“ ¹⁾. Но въ то время, когда оффиціальный журналъ печаталъ эти строки, литература уже на опытѣ успѣла убѣдиться въ томъ, что система административныхъ каръ не можетъ служить твердой почвой для независимой печати. Теперь, дѣйствительно, по этому вопросу въ литературной средѣ не могло быть разныхъ мнѣній. „Безспорно—отвѣчалъ тогда же на это заявленіе оффиціальной газеты К. К. Арсеньевъ, — безспорно бываютъ случаи, когда редакторъ журнала, глубоко убѣжденный въ справедливости извѣстнаго мнѣнія, въ необходимости его высказать прямо и открыто, помѣщаетъ статью, за которою *неизбѣжно* должно слѣдовать предостереженіе; но это случаи рѣдкіе, исключительные, несовмѣстимые съ тою осторожностью, къ которой издавна привыкли наши редакціи. *Возможность* предостереженія существуетъ для cadaго журнала въ каждую данную минуту; *вѣроятность* же его не поддается никакимъ опредѣленіямъ и расчетамъ. Къ произволу, господствующему при раздачѣ предостереженій, нельзя примѣниться; изъ прежнихъ примѣровъ нельзя вывести никакого положительнаго правила, п. ч. въ нихъ нѣтъ логической связи“ ²⁾. Подъ этой оцѣнкой пракческаго значенія системы предостереженій въ то время (въ 1869 г.) подписались бы, вѣроятно, люди, радикально расходившіеся въ своихъ взглядахъ на вещи, представители всѣхъ

¹⁾ „Сѣверная Почта“, 1867, №№ 279 и 280.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1869, кн. 4.

литературныхъ лагерей. Но „основныя начала“ цензурной реформы считались тогда неприкосновенными: органъ министерства внутреннихъ дѣлъ закончилъ свое разъясненіе категорическимъ заявленіямъ: „ни отмѣны, ни существеннаго измѣненія этихъ началъ теперь не предвидится“.

Но трудно быть пророкомъ въ отечествѣ. Если составители законопроекта, санкціонированнаго 6 апрѣля 1865 г., ошибались, полагая, что они создаютъ временную мѣру; если цензурному изобрѣтенію Наполеона III, думавшаго при помощи предостереженій сломить „вредное направленіе“ вольнолюбивой французской прессы, не повезло во Франціи, но сужденъ былъ долгій вѣкъ въ Россіи, вопреки ожиданіямъ сторонниковъ этой реформы, то и „Сѣверная Почта“ обманулась на счетъ ближайшаго будущаго нашихъ цензурныхъ порядковъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, пробѣжавъ названное выше „отдѣленіе“ устава о цензурѣ и печати.

Законъ 6 апрѣля ввелъ въ нашу цензурную практику систему предостереженій и пріостановокъ, на срокъ и навсегда, допустивъ существованіе изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Указанныя мѣры воздѣйствія предназначались только для безцензурныхъ изданій. Никакихъ другихъ административныхъ взысканій, по правиламъ 6 апрѣля, не налагается на печать, а что касается подцензурныхъ изданій, то для нихъ, по ~~вполнѣ~~ понятнымъ соображеніямъ, никакихъ каръ и не должно было существовать при этой системѣ. Недаромъ въ мотивахъ къ проекту, ставшему закономъ 6 апрѣля 1865 года, упоминалось о томъ, что новыя правила не останавливаются лишь на „ограниченіи административнаго надзора одною правительственною цензурою“, т. е. только на отмѣнѣ существовавшаго ранѣе у администраціи права налагать „взысканія за статьи, уже пропущенныя цензурою“ и пріостанавливать подцензурныя изданія. Разрѣшить журналамъ и газетамъ выходъ безъ предварительной цензу-

ры, подчинить изданія административнымъ взысканіямъ, по системѣ предостереженій, т. е. предупрежденій о могущей послѣдовать карѣ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить правила о приостановкѣ подцензурныхъ изданій или установить для періодической прессы какія-либо другія взысканія, которыя могутъ налагаться безъ предостереженій,—у составителей закона 6 апрѣля не было и мысли о возможности совмѣстнаго существованія такихъ, казалось бы, взаимноисключающихъ порядковъ. Но дѣйствующій уставъ о цензурѣ и печати можетъ служить лучшимъ доказательствомъ ошибочности мнѣнія творцовъ цензурной реформы.

Все то, что придумали или, лучше, заимствовали они изъ французскаго закона для противодѣйствія „вредному направленію“ повременныхъ изданій, остается на мѣстѣ, такъ что у насъ можно говорить о долговѣчности системы предостереженій. Но рядомъ съ ней и даже тѣсно переплетаясь съ нею, выросла и другая система административныхъ взысканій съ печати.

Въ самомъ дѣлѣ, обратясь къ **помянутому** „отдѣленію“ устава о цензурѣ, вы увидите, что **на основаніи** ст. 144, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право дѣлать повременнымъ изданіямъ, выходящимъ безъ предварительной цензуры, предостереженія съ указаніемъ статей, подавшихъ къ тому поводъ. Изданіе, подвергшееся предостереженію, обязано напечатать его во главѣ ближайшаго нумера, безъ всякихъ измѣненій и возраженій (ст. 145). Третье предостереженіе влечетъ за собою для всѣхъ изданій временную пріостановку на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Это все было въ правилахъ 6 апрѣля, но рядомъ вы найдете кое-что новое. Газеты и еженедѣльные журналы, пріостановленные по третьему предостереженію, согласно прим. къ ст. 144, подчиняются затѣмъ предварительной цензурѣ на особыхъ основаніяхъ. Отъ нихъ не требуютъ, какъ отъ обыкновенныхъ подцензурныхъ изданій, представленія

цензору каждой статьи въ отдѣльности до напечатанія. Но редакціи газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока приостановки и по возобновленіи этихъ изданій, представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже одиннадцати часовъ вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ. При этомъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, приостанавливать выходъ его, не возбуждая судебного преслѣдованія противъ виновныхъ. Предѣльнаго срока для такого цензурнаго просмотра газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ не установлено: эта мѣра принимается, по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, на назначенный имъ самимъ срокъ, или даже безсрочно.

Временной приостановкѣ всякое періодическое изданіе, какъ выходящее безъ предварительной цензуры, такъ и подцензурное, можетъ, однако, по дѣйствующему уставу, подвергнуться и безъ предостереженія. По ст. 156, въ случаѣ неисполненія редакторомъ безцензурнаго изданія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какаго-либо вопроса государственной важности, такое изданіе можетъ быть приостановлено на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Для подцензурной періодической печати правило (ст. 154), по которому министръ внутреннихъ дѣлъ уполномочивается, въ случаѣ вреднаго направленія какаго-либо изъ изданій, подлежащихъ предварительной цензурѣ, приостанавливать такое изданіе на срокъ не свыше восьми мѣсяцевъ. Затѣмъ вся періодическая печать подлежитъ еще двойного рода взысканіямъ: повременному изданію можетъ быть воспрещено (ст. 155), на время отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ, печатаніе частныхъ объявленій и на неопредѣленный срокъ (ст. 178)—розничная продажа нумеровъ. Послѣдняя кара примѣняется, какъ извѣстно, довольно

часто, но даже въ дѣйствующемъ уставѣ она не отнесена къ числу мѣръ воздѣйствія на органы „вреднаго направленія“. Наконецъ, уставъ о цензурѣ и печати предусматриваетъ и случаи окончательнаго прекращенія повременнаго изданія за вредное направленіе. Если послѣ третьяго предостереженія — гласить ст. 148 — министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ предварительнаго пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ правительствующаго сената. Но этотъ порядокъ прекращенія періодическаго изданія въ настоящее время фактически отмѣненъ, такъ какъ съ 1882 года введено въ дѣйствіе слѣдующее правило, изложенное въ примѣчаніи къ той же 148 статьѣ: вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія ея, срока, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, при участіи тѣхъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, коими возбуждаются подобные вопросы. Это правило распространяется не только на безцензурныя изданія, о которыхъ шла рѣчь въ ст. 148, но и на изданія, подлежащія предварительной цензурѣ. Редакторы и издатели прекращенныхъ такимъ порядкомъ навсегда или безсрочно газетъ и журналовъ лишаются также навсегда права быть редакторами и издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій.

Такимъ образомъ, постановленіе позднѣйшаго времени не только перенесло рѣшеніе вопроса о закрытіи періодическихъ изданій изъ перваго департамента сената въ особое совѣщаніе четырехъ министровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширило сферу примѣненія этой мѣры и усилило тяжелыя послѣдствія ея для редакторовъ и издателей. Мы видѣли, что это не единственное

а лишь самое яркое отличіе дѣйствующихъ узаконеній объ административныхъ карахъ отъ закона 6 апрѣля. Прежде, чѣмъ принять настоящій свой видъ, этотъ отдѣлъ нашего законодательства о печати подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ.

Къ числу первыхъ по времени и важнѣйшихъ по значенію наслоеній на карательной части закона 6 апрѣля нужно отнести нынѣшнюю статью 178 уст. о ценз. и печ., на которую постоянно съ 1870 года и до нашихъ дней дѣлаются ссылки въ распоряженіяхъ о прекращеніи розничной продажи періодическихъ изданій. Она основана на положеніи комитета министровъ, Высочайше утвержденномъ 14 іюня 1868 года и обнародованномъ въ іюлѣ того же года. Комитетъ министровъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ ими дозволеній на розничную торговлю произведеніями печати, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ. Такимъ образомъ, основываясь на текстѣ этого положенія, слѣдовало бы заключить, что указаннымъ порядкомъ можетъ быть воспрещена розничная продажа періодическихъ изданій не вообще, а только лицамъ, производящимъ уличную и разносную торговлю произведеніями печати. Полицейскія дозволенія, о которыхъ идетъ рѣчь въ положеніи 14 іюня, требуются только для лицъ, занимающихся этимъ промысломъ (ст. 177). Ни редакціи газетъ, ни книжные магазины не должны испрашивать подобныхъ дозволеній, такъ какъ выдача разрѣшеній на періодическое изданіе и книжные магазины производится особымъ порядкомъ и на мѣстное полицейское начальство не возлагается. Повидимому, именно такъ понималось это узаконеніе въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ по его обнародованіи. Но съ 1870 года оно получило болѣе широкое толкованіе: 28 сентября этого года впервые было объявлено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ

о воспрещеніи розничной продажи одной газеты (старыхъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, позднѣе переименованныхъ въ „Молву“).

Въ 1873 году положено начало другому административному взысканію. 14 іюня этого года Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о взысканіяхъ съ періодическихъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, за оглашеніе вопросовъ, не подлежащихъ въ теченіе извѣстнаго времени опубликованію. Государственный совѣтъ,—говорится въ этомъ важномъ законодательномъ актѣ, распубликованномъ въ томъ же году,—„принялъ во вниманіе, что въ существующихъ законоположеніяхъ о печати не предвидѣны случаи, когда, по высшимъ правительственнымъ соображеніямъ, представляется необходимымъ, чтобы періодическая печать въ теченіе нѣкотораго времени не касалась какого-либо вопроса внѣшней или внутренней политики, гласное обсужденіе котораго могло бы быть сопряжено со вредомъ для государства. Между тѣмъ, опытъ, и весьма еще недавняго времени, доказалъ, что подобные случаи встрѣчаются и за неимѣніемъ закона, въ силу коего обсужденіе государственнаго вопроса могло бы быть возбранено, оказалось необходимымъ испрашивать каждый разъ особыя по этому предмету Высочайшія повелѣнія. Въ виду очевиднаго неудобства облекать Именемъ Его Императорскаго Величества распоряженія, непредуказанныя въ законѣ, государственный совѣтъ призналъ нужнымъ пополнить вышеозначенный пробѣлъ законодательства, опредѣливъ въ особомъ постановленіи порядокъ извѣщенія редакторовъ періодическихъ изданій о неоглашеніи того или другого вопроса государственной важности. Изданіемъ этого постановленія, созидающаго законную основу для распоряженій, неизбѣжно вызываемыхъ иногда высшими интересами государства, нисколько не стѣсняются тѣ предѣлы, въ которыхъ доннѣ предоставлялось печати обсуждать политическіе и обще-

ственные вопросы. Новое постановление, по своему разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайно рѣдкихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго понужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства. Посему особое о семь правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ совершенно исключительнымъ, однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности“. Таковы были основанія къ изданію нынѣшнихъ ст. 140 уст. о цензурѣ и печати, получившей, какъ извѣстно, широкое примѣненіе, и ст. 156, карающей за нарушеніе распоряженій о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого-либо вопроса государственной важности пріостановкою изданія на срокъ не выше трехъ мѣсяцевъ. Впервые это взысканіе было наложено на „Московскія Вѣдомости“ въ августѣ 1874 года.

До 1879 года послѣ цензурной реформы не было случаевъ запрещенія періодическому изданію печатанія частныхъ объявленій, не было и пріостановокъ подцензурныхъ изданій. Въ 1879 году въ первыхъ числахъ мая была пріостановлена газета „Sakala“ (на эстонскомъ языкѣ), въ концѣ октября та же мѣра принята по отношенію къ „Смоленскому Вѣстнику“, а 23 ноября послѣдовало первое запрещеніе частныхъ объявленій—„Молвѣ“. Взысканія того и другого рода основываются на временныхъ правилахъ, изданныхъ до цензурной реформы въ 1862 и 1863 гг. Затѣмъ съ введеніемъ въ дѣйствіе закона 6 апрѣля 1865 года, въ теченіе многихъ лѣтъ, правила объ этихъ взысканіяхъ не только не примѣнялись, но. и не значились въ числѣ дѣйствующихъ законовъ. При самомъ изданіи ихъ было объявлено цензурнымъ комитетамъ, что „правила сіи

изданы на время до окончанія работъ комиссіи по дѣламъ книгопечатанія“. Съ этимъ постановленіемъ первое время сообразовалась и кондификаціонная практика, но въ сводномъ продолженіи свода законовъ 1876 года появились нѣкоторыя статьи этихъ старыхъ временныхъ правилъ, и сила дѣйствующаго закона была присвоена, между прочимъ, постановленіямъ о пріостановкѣ подцензурныхъ изданій и о воспрещеніи частныхъ объявленій.

Чтобы закончить обзоръ нововведеній, послѣдовавшихъ въ законѣ объ административныхъ карахъ послѣ 1865 года, намъ остается указать еще на положеніе комитета министровъ 27 августа 1882 г. На этомъ положеніи основано, во-первыхъ, примѣчаніе къ ст. 148, которымъ кореннымъ образомъ, какъ мы видѣли, измѣненъ порядокъ прекращенія періодическихъ изданій навсегда. Тѣмъ же закономъ установлена и та особая цензура, которой отнынѣ подлежатъ, послѣ третьяго предостереженія, газеты и еженедѣльные журналы. Первый случай примѣненія этого послѣдняго правила относится къ январю 1883 г. („Страна“); въ томъ же году впервые состоялось постановленіе особаго совѣщанія о прекращеніи періодическаго изданія навсегда („Московскій Телеграфъ“).

II.

Мы видѣли, что ни одна изъ приведенныхъ карательныхъ статей дѣйствующаго устава о цензурѣ и печати не оставалась безъ примѣненія на практикѣ. „Сѣверная Почта“, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, еще въ 1867 году основательно замѣтила, что „никто не могъ или, по крайней мѣрѣ, не былъ въправѣ предполагать, что эта именно часть закона останется мертвою буквою“. Но и не оставаясь мертвой буквой, законъ можетъ примѣняться чаще и рѣже, и эта количественная сторона дѣла не лишена практическаго зна-

ченія. Правда, какъ замѣтилъ К. К. Арсеньевъ еще въ 1869 году, „о силѣ гнета, тяготящаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій, ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, о массѣ труда, потраченного напрасну, о всемъ томъ, что могла бы сдѣлать журналистика на пользу общества и чего она не сдѣлала изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ административной власти“¹⁾. И тѣмъ не менѣе цифры административныхъ взысканій, послѣдовавшихъ почти за сорокалѣтній періодъ, на нашъ взглядъ, могутъ оказаться небезполезными для выясненія положенія русской журналистики въ настоящее время.

Общее число административныхъ взысканій, наложенныхъ на періодическія изданія съ сентября 1865 г. по 1 декабря 1904 года, по нашимъ, къ сожалѣнію, неполнымъ даннымъ, равняется 715, въ томъ числѣ 710 по распоряженіямъ центральныхъ властей²⁾. Карамъ подверглось 173 изданія. Быть можетъ, здѣсь небезполезно напомнить, что отъ начала нашей образованности до 1894 года въ разное время возникло у насъ всего 641 періодическихъ изданій того типа (литературные и политическіе журналы и газеты), на долю котораго выпали почти всѣ эти взысканія³⁾. Добрая половина

¹⁾ „Вѣст. Европы“ 1869 г., кн. 4.

²⁾ Свѣдѣнія объ административныхъ взысканіяхъ почерпнуты въ „Сѣверной Почтѣ“ за 1865—68 гг. и „Правительственномъ Вѣстникѣ“ за 1869—1904 гг. Пособіемъ для пополненія пробѣловъ въ нашихъ записяхъ служили также „Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства по дѣламъ печати“, Спб. 1878 г., и статья г. Богучарскаго о цензурныхъ взысканіяхъ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ И. Е. Андреевскаго и К. К. Арсеньева (т. 75).

³⁾ „Энциклопедическій Словарь“, И. Е. Андреевскаго и К. К. Арсеньева, ст. „Россія“; свѣдѣнія о періодической печати сообщены въ этой статьѣ „Словаря“ Н. М. Лисовскимъ.

этихъ изданій прекратила свое существованіе до 1865 г. По словамъ г. Лисовскаго, число изданій общаго характера съ 1855 по 1859 г. возросло съ 18 до 55, причемъ въ 1855 г. литературно-политическія изданія составляли 13% всѣхъ періодическихъ изданій, въ 1859—25%. Въ теченіе шестидесятихъ годовъ и въ первой половинѣ семидесятихъ число общихъ газетъ и журналовъ увеличивалось, но незначительно. Въ 1875 г. ихъ насчитывалось 72, тогда какъ общее число всѣхъ періодическихъ изданій достигло въ то время 406. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ усиленнаго роста общей прессы: по подсчету того же автора, въ 1881 году у насъ было 153 общихъ газетъ и журналовъ, число же всѣхъ періодическихъ изданій опредѣлялось въ 531. Но въ восьмидесятихъ годахъ число общихъ газетъ и журналовъ снова падаетъ не только абсолютно, но и относительно. Въ 1890 году общую прессу составляло 149 изданій, а всѣхъ періодическихъ изданій въ Россіи насчитывалось въ это время 697. Въ 1895 г. численность ихъ увеличилась до 841, въ томъ числѣ общихъ газетъ и журналовъ было 171. На 1900 годъ г. Лисовскій даетъ слѣдующее распредѣленіе органовъ нашей періодической печати на три большія группы: политическіе и литературные газеты и журналы 212, официальные и справочныя періодическія изданія 282, спеціальныя и научныя—508, всего—1002 ¹⁾). Словомъ, и въ наши дни, несмотря на большой приростъ провинціальныхъ газетъ, русская общая пресса не можетъ похвалиться многочисленностью своихъ органовъ. Раньше ихъ было значительно меньше; но число каръ, павшихъ на нихъ, представляется громаднымъ даже по сравненію съ вышею изъ приведенныхъ цифръ. Очевидно, что процентъ изданій, подвергнутыхъ карѣ, всегда былъ для этой группы газетъ и журналовъ весьма великъ, хоть и неодинаковъ въ разное время

¹⁾ „Литературный Вѣстникъ“, 1903 г., кн. I.

По пятилѣтіямъ всѣхъ взысканій распределяются слѣдующимъ образомъ:

Годы:	Число взысканій:
1865— 69	60
1870— 74	103
1875— 79	164
1880— 84	94
1885— 89	60 ¹⁾
1890— 94	48
1895— 99	101
1900—904	82

Съ 1865 по 1880 г. число административныхъ взысканій прогрессивно и довольно быстро возрастало; въ слѣдующіе затѣмъ пятнадцать лѣтъ происходитъ такое же постепенное уменьшеніе; наконецъ, послѣдніи два пятилѣтія ознаменовались новымъ крупнымъ приростомъ взысканій. При разсмотрѣніи этихъ цифръ нужно имѣть въ виду два немаловажныхъ факта. Болѣе многочисленныя кары перваго 15-лѣтія были относительно легче, такъ какъ усиленіе репрессіи по отношенію къ безцензурнымъ изданіямъ послѣдовало въ 1882 году, а правило о запрещеніи подцензурныхъ изданій стало примѣняться лишь съ 1879 г. Затѣмъ, въ теченіе первыхъ 15-ти лѣтъ дѣйствія системы административныхъ взысканій, трижды (въ 1866, 1872 и 1877 гг.), по Высочайшему повелѣнію, слагались съ повременныхъ изданій предостереженія. Поэтому, съ одной стороны, для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изданій создавались болѣе льготныя условія существованія: приостановкѣ предшествовало не два, а три, четыре предостереженія;

¹⁾ Число взысканій, наложенныхъ въ это пятилѣтіе центральными властями, равняется 58; но, кромѣ того, 2 изданія были окончательно прекращены по распоряженіямъ мѣстной администраціи. Три менѣе важныхъ кары, наложенныхъ мѣстными властями и отмѣченныхъ въ приложеніи, въ эту таблицу не занесены.

съ другой стороны, замѣчается также увеличеніе числа предостереженій вслѣдъ за снятіемъ прежнихъ. Такъ, въ теченіе 1878 и 1879 года, непосредственно за обнародованіемъ Высочайшаго повелѣнія 16 декабря 1876 года, почти всѣ важнѣйшія изданія обѣихъ столицъ получили по одному, по два предостереженія. Общее число послѣднихъ достигло въ эти два года 31, больше, чѣмъ когда-либо раньше или послѣ того въ такой же промежутокъ времени. Наконецъ, свою долю вліянія должны были оказать и перемѣны въ общихъ условіяхъ нашей общественной жизни, замѣтно отразившіяся на настроеніи печати во вторую половину разсматриваемаго сорокалѣтія. Въ эти годы безмолвіе нашей печати походило на безмолвіе могилъ, такъ что даже карающая цензурная власть была обречена на относительное бездѣйствіе. Но измѣнилось общественное настроеніе, волей неволей измѣнилось и поведеніе печати—и цензурная работа снова закипѣла...

Изъ административныхъ каръ, послѣдовавшихъ въ теченіе этого періода самыми многочисленными оказываются предостереженія: они были объявлены въ 280 случаяхъ 70 повременнымъ изданіямъ. По пятилѣтіямъ предостереженія распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Годы:	Число предостер.:
1865— 69	46
1870— 74	54
1875— 79	71
1880— 84	41
1885— 89	13
1890— 94	8
1895— 99	27
1900—904	20

Колебанія въ числѣ предостереженій, по пятилѣтіямъ, соотвѣтствуютъ колебаніямъ общаго числа административныхъ взысканій. Только движеніе на убыль

во второмъ 15-лѣтіи шло тутъ нѣсколько быстрѣе. Это объясняется, съ одной стороны, особенной серьезностью, какую приобрѣлъ, съ изданіемъ Положенія 27-го августа 1882 года, этотъ разрядъ взысканій, съ другой стороны—въ описываемое время замѣтно сократилось число безцензурныхъ изданій, такъ какъ убыль за прекращеніемъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ весьма медленно пополнялась открытіемъ новыхъ. Наибольшее число предостереженій за все время своего существованія получили: „Голосъ“ (20 пред.), „Недѣля“ (16), „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (12), „Русское Обозрѣніе“ (11), „Гражданинъ“ (10), „Новое Время“ (9), „Москва“ (9), „Русскій Міръ“ (9), „Московскія Вѣдомости“ (8) „Русская Правда“ и „Восходъ“ (по 7), „Современныя Извѣстія“, „Русскій Курьеръ“, „Дѣятельность“ и „Хозяинъ“ (по 6), „Судебный Вѣстникъ“, „Сынъ Отечества“ и „Московскій Телеграфъ“ (по 5), „Вѣстникъ Европы“, „Русскія Вѣдомости“, „Знаніе“, „Наблюдатель“ „Петербургская Газета“ и „Право“ (по 4). Затѣмъ 22 изданія имѣли по 3 предостереженія, 9 изданій - по 2 и 15 изданій по 1 предостереженію.

Второе мѣсто въ количественномъ отношеніи среди административныхъ взысканій, наложенныхъ на печать, занимаетъ воспрещеніе розничной продажи. Съ 1870 г. эта мѣра была принята въ 218 случаяхъ по отношенію къ 71 изданіямъ. Распредѣлимъ и эти данныя по пяти-лѣтіямъ:

Годы:	Число запрещеній розничной продажи.
1870— 74	34
1875— 79	58
1880— 84	26
1885— 89	21
1890— 94	22
1895— 99	31
1900—904	26

Наибольшее число запрещеній розничной продажи было объявлено: „Голосу“—18 разъ, „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ — 15 разъ, „Новому времени“—13 разъ, „Русскимъ Вѣдомостямъ“ — 12 разъ, „Современнымъ Извѣстіямъ“ — 11, „Новостямъ“ и „Петербургской Газетѣ“—по 10 разъ. Обыкновенно такая кара налагалась безсрочно, но бывали случаи и срочнаго воспрещенія розничной продажи. Нерѣдко запрещеніе лежало на газетѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, случалось, что оно не снималось по году и болѣе, въ одномъ случаѣ взысканіе длилось слишкомъ пять лѣтъ: „Петербургскій Листокъ“ былъ запрещенъ въ розничной продажѣ съ 4 апрѣля 1871 г. по 21 апрѣля 1876 года.

Временная пріостановка періодическихъ изданій, по распоряженіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, была объявлена въ 153 случаяхъ ¹⁾. Этой мѣрѣ взысканій подверглись 100 изданій, изъ нихъ были пріостановлены:

по 1 разу . . .	66 изданія	
„ 2 раза . . .	23	„
„ 3 „ . . .	6	„
„ 4 „ . . .	3	„
„ 5 разъ . . .	1	„ („Гражданинъ“)
„ 6 „ . . .	1	„ („Голосъ“).

Всѣ эти пріостановки можно распредѣлить на три группы: послѣдствіемъ предостереженій временная пріостановка явилась въ 64 случаяхъ, карою за нарушенія циркуляровъ, сообщенныхъ редакторамъ безцензурныхъ повременныхъ изданій, она была въ 23 случаяхъ, и въ 66 случаяхъ пріостановкѣ подверглись подцензурныя изданія.

Распредѣленіе временныхъ пріостановокъ періоди-

¹⁾ Въ приложеніи отмѣчены, кромѣ того, нѣкоторые случаи пріостановки періодическихъ изданій по распоряженіямъ мѣстной власти. Въ дѣйствительности такихъ пріостановокъ было много больше.

ческихъ изданій по пятилѣтіямъ представляетъ большой интересъ:

Г О Д Ы.	Приостановка послѣ предос.	Приостановка по ст. 156.	Приостановка подп. изд.	Общее число приостанов.
1865— 69	10	—	—	10
1870— 74	13	1	—	14
1875— 79	18	9	3	30
1880— 84	8	6	5	19
1885— 89	4	4	7	15
1890— 94	1	—	9	10
1895— 99	7	—	22	29
1900—904	3	3	20	26

Изъ послѣдняго столбца этой таблички видно, что колебанія общаго числа приостановокъ совпадаютъ съ колебаніями въ численности всѣхъ вообще административныхъ взысканій. Такое же соотвѣтствіе наблюдается и между данными о приостановкахъ безцензурныхъ изданій послѣ предостереженій и другими изложенными выше данными о цензурныхъ карахъ. Въ общемъ за весь сорокалѣтній періодъ послѣ предостереженій приостановкѣ разновременно подверглось 43 изданія. Приостановка за нарушеніе циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати практиковалась, какъ оказывается, въ теченіе пятнадцати лѣтъ послѣ изданія закона 16 іюня 1873 года, затѣмъ, въ послѣдующее десятилѣтіе, эта мѣра вышла изъ употребленія. Но съ 1900 г. къ ней вернулись; въ послѣднее 5-лѣтіе она была принята по отношенію трехъ изданій. За весь разсматриваемый періодъ этой карѣ было подвергнуто 19 изданій. Данные о приостановкахъ подцензурныхъ изданій указываютъ на то, что роль этой мѣры въ общей системѣ неизмѣнно возрастаетъ съ годами. Этому взысканію подверглось 53 изданія, изъ нихъ только 3 столичныхъ.

Нѣкоторые изъ провинціальныхъ изданій приостанавливались по 2 („Волынскій“, „Донская Рѣчь“, „Нижегородскій Листокъ“, „Саратовскій Дневникъ“, „Смоленскій Вѣстникъ“, „Сибирскій Вѣстникъ“, „Сибирская Газета“ и „Уралецъ“), по 3 (Одесскій Листокъ) и даже по 4 раза („Курскій Листокъ“).

Запрещеніе частныхъ объявленій, какъ мѣра взысканія, налагалось на періодическія изданія въ 31 случаѣхъ. Ему подвергались 25 изданій, въ томъ числѣ „Русская Жизнь“ — 3 раза, „Биржевыя Вѣдомости“, „Голосъ“, „Гражданинъ“ и „Народъ“ по 2 раза.

По пятилѣтіямъ случаи взысканій этого рода распредѣляются такъ:

Годы:	Запрещеніе частныхъ объявленій.
1875— 79 . . .	1
1880— 84 . . .	3
1885— 89 . . .	6
1890— 94 . . .	6
1895— 99 . . .	10
1900—904 . . .	5

Такимъ образомъ, случаи запрещенія частныхъ объявленій въ повременныхъ изданіяхъ съ теченіемъ времени, какъ и случаи запрещенія подцензурныхъ газетъ и журналовъ, учащаются.

Теперь отмѣтимъ, что изъ 27 періодическихъ изданій, закрытыхъ навсегда въ теченіе 1865—1904 гг., шесть (въ 1866—78 гг.) подверглись этой карѣ въ особомъ порядкѣ, два (1868 — 88 гг.) по рѣшенію Правительствующаго Сената, на основаніи ст. 148 уст. ценз., семнадцать (1883 — 1904 гг.)—по постановленіямъ особаго совѣщанія министровъ и два — по распоряженіямъ генераль-губернаторовъ. Приводимъ здѣсь списокъ этихъ изданій, съ обозначеніемъ года прекращенія ихъ.

Годы изданія:

1. „Жизнь“, изд. въ Петербургѣ. . . . 1901
2. „Заря“, изд. въ Кіевѣ. 1886
3. „Здоровье“ 1885
4. „Кіевскій Телеграфъ“, изд. въ Кіевѣ 1877
5. „Москва“, изд. въ Москвѣ 1868
6. „Москвичъ“, изд. въ Москвѣ . . . 1868
7. „Москов. Телеграфъ“, изд. въ Москвѣ. 1883
8. „Начало“, изд. въ С.-Петербургѣ . . 1899
9. „Новое Слово“, изд. въ С.-Петерб. . 1897
10. „Отеч. Записки“, изд. въ С.-Петерб. 1884
11. „Россія“, издав. въ С.-Петербургѣ . 1902
12. „Русская Жизнь“, изд. въ С.-Пет. . 1895
13. „Русская Земля“, изд. въ С.-Пет. . 1904
14. „Русскій Трудъ“, изд. въ С.-Петерб. 1899
15. „Русское Обозр.“, издав. въ С.-Пет. 1878
16. „Русское Слово“, изд. въ С.-Петерб. 1866
17. „Свѣточъ“, изд. въ Москвѣ . . . 1885
18. „Собесѣдникъ“, изд. въ С.-Петерб. . 1877
19. „Современникъ“, изд. въ С.-Петерб. 1866
20. „Сибирская Газета“ 1889
21. „Сѣверный Вѣстникъ“, изд. въ С.-Пет. 1878
22. „Сѣверн. Курьеръ“, изд. въ С.-Пет. 1900

-
23. „Ардзагангъ“ (на армянск. языкѣ). 1898
 24. „Дроэба“ (на грузинскомъ языкѣ) . 1885
 25. „Квали“ (на грузинскомъ языкѣ). . 1904

-
26. „Правда“, изд. въ Одессѣ 1880
 27. „Фаланга“, изд. въ Тифлисѣ . . . 1881

Въ дополненіе къ этому списку небезполезно указать еще на слѣдующія свѣдѣнія. Изъ 17 періодическихъ изданій, временно приостановленныхъ съ 1883 г.,

послѣ предостереженій, 16 подлежали, на основаніи прим. къ ст. 144 уст. ценз., особому порядку цензурованія. Въ настоящее время существуетъ семь изъ этихъ газетъ („Рускія Вѣдомости“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Сынъ Отечества“, „Хозяинъ“, „Гражданинъ“. „Восходъ“ и „Восточное Обозрѣніе“). По Высочайшему повелѣнію, къ „Гражданину“ означенная мѣра не примѣнялась. Съ изданіемъ закона о предѣльныхъ срокахъ предостереженій отъ карательной цензуры были освобождены, распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 іюня 1901 года, газеты: „Биржевыя Вѣдомости“, „Восходъ“, „Рускія Вѣдомости“ и журналъ „Хозяинъ“. Въ 1903 году „Хозяинъ“ и въ 1904 г. „Восходъ“ снова послѣ пріостановки подчинены той же цензурѣ. „Восточное Обозрѣніе“ перенесено изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ и тамъ выходитъ съ разрѣшенія обыкновенной предварительной цензуры. Семь изданій, пріостановленныхъ на этихъ условіяхъ, сколько извѣстно, не возобновлялись или, точнѣе говоря, не могли возобновиться по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ („Голосъ“, „Страна“, „Востокъ“, „Русское Дѣло“, „Русскій Курьеръ“, „Русь“ и „Сибирь“). „Газета Гатцука“ возобновлялась, но прекратилась. „Русскій Трудъ“, какъ мы видѣли, подпалъ, послѣ временной пріостановки, подъ дѣйствіе примѣч. къ ст. 148 уст. ценз. Для „Сына Отечества“ въ концѣ 1904 года не истекъ еще срокъ пріостановки.

Наконецъ, три взысканія, наложенныя на повременныя изданія, не могутъ быть включены ни въ одну изъ указанныхъ группъ. Въ 1893 г. редакціямъ „Гражданина“ и „Новаго Времени“ было сдѣлано за помѣщенныя въ этихъ изданіяхъ статьи „строгое внушеніе“, о чемъ другія изданія были постановлены въ извѣстность, чрезъ опубликованіе объ этой мѣрѣ въ „Прав. Вѣстн.“, „въ предотвращеніе чего-либо подобнаго“. Въ 1870 году редакторъ одного officialнаго

изданія былъ уволенъ отъ должности за напечатаніе статьи, пропущенной цензурой. Объ этомъ взысканіи была то же сдѣлана публикація въ „Прав. Вѣстникъ“.

Нѣкоторые интересъ представляютъ и относительныя цифры административныхъ каръ, наложенныхъ на наши газеты и журналы въ теченіе разсматриваемаго періода. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о томъ, какъ колебалась цензурная практика въ выборѣ мѣръ для обузданія печати.

ПРОЦЕНТЫ

къ общему числу каръ, принятыхъ въ пятилѣтіе.

Пятилѣтія.	Предостер.	Воспр. розн. продажи.	Временная пріостановка.	Воспрещен. частныхъ объявленій.	Особ. кары вмѣсто предостер.	Окончат. прекращен.	Всѣ кары.
1865—1869	76,6%	—	16,7%	—	—	6,7%	100%
1870—1874	52,4—	33,0%	13,6—	—	1,0%	—	100—
1875—1879	43,3—	35,3—	18,3—	0,6%	—	2,5—	100—
1880—1884	43,6—	27,7—	20,2—	3,2—	—	5,3—	100—
1885—1889	21,6—	35,0—	25,0—	10,0—	—	8,4—	100—
1890—1894	16,6—	45,8—	20,8—	12,5—	4,3—	—	100—
1895—1899	26,7—	30,7—	28,7—	9,9—	—	4,0—	100—
1900—1904	24,1—	31,3—	31,3—	6,6—	—	6,7—	100—

Роль предостереженій въ общей массѣ административныхъ взысканій въ теченіе первыхъ тридцати лѣтъ послѣдовательно и неуклонно падаетъ. Къ срединѣ девяностыхъ годовъ система предостереженій, если и не была забыта, то отошла на второй планъ въ нашей цензурной политикѣ, уступивъ мѣсто такимъ мѣрамъ воздѣйствія на печать, какъ запрещеніе розничной продажи и частныхъ объявленій и пріостановка безъ предо-

стереженій. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ дѣлались попытки возстановить значеніе предостереженій. Съ этой цѣлью, конечно, изданъ и законъ о срочности предостереженій, о которомъ мы говоримъ подробнѣе въ другомъ отдѣлѣ этой книги. Результатъ этихъ стремленій обозначился въ нѣкоторомъ подъемѣ процента предостереженій за два послѣднія пятилѣтія. Но все-таки преобладающее мѣсто среди взысканій, налагаемыхъ на печать цензурнымъ вѣдомствомъ, осталось за другими карами, наносящими изданію непосредственный матеріальный ущербъ. и особенно за пріостановками, временными и окончательными. Запрещеніе розничной продажи заняло съ начала семидесятыхъ годовъ видное мѣсто въ ряду другихъ цензурныхъ каръ и сохраняетъ его за собою до настоящаго времени. Послѣдовательно и быстро возрастаетъ значеніе временныхъ пріостановокъ: процентъ ихъ къ общему числу взысканій въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ неизмѣнно выше процента предостереженій. Что же касается крайней мѣры карательнаго воздѣйствія на печать — окончательнаго прекращенія періодическихъ изданій, — то вслѣдъ за передачей дѣлъ этого рода изъ сената въ особое совѣщаніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода процентъ такихъ взысканій поднялся; затѣмъ нѣкоторое время замѣчалось относительное паденіе его, смѣнившееся въ наши дни новымъ и значительнымъ подъемомъ.

На основаніи нашихъ данныхъ можно выяснитъ также, какъ измѣнялась въ теченіе сорока лѣтъ волна административной репрессіи, повышаясь и понижаясь по отдѣльнымъ пятилѣтіямъ. Если принять общее число каръ той или иной категоріи, наложенныхъ на печать въ теченіе 40 лѣтъ, за 100, то кары каждаго изъ восьми пятилѣтій представится въ слѣдующемъ видѣ:

ПРОЦЕНТЫ

къ общему числу каръ, принятыхъ въ течение сорока
лѣтъ.

Пятилѣтія.	Предост.	Воспр. розн. продажа.	Временная пріостановка.	Воспрещен. частныхъ объявленій.	Окончат. запрещеніе.	Всѣ кары.
1865—1869	16,4%	— %	6,5%	— %	14,9%	8,4%
1870—1874	19,3—	15,6—	9,2—	— —	— —	14,4—
1875—1879	25,3—	26,6—	19,6—	3,2—	14,3—	23,0—
1880—1884	14,7—	11,9—	12,4—	9,7—	18,2—	13,2—
1885—1889	4,7—	9,7—	9,8—	18,2—	18,5—	8,4—
1890—1894	2,8—	10,1—	6,5—	18,2—	— —	6,8—
1895—1899	9,7—	14,2—	19,6—	32,2—	14,3—	14,3—
1900—1904	7,1—	11,9—	17,0—	18,2—	18,5—	11,4—
	100%	100%	100%	100%	100%	100%

Если бы изобразить графически колебанія въ силѣ репрессіи на печать, выражаемыя этими цифрами, то на кривой всѣхъ взысканій явственно обозначились бы два максимума: одинъ, болѣе высокій, къ 1879 году, другой—къ 1899, и оба они совпали бы съ моментами броженія общественной мысли, обыкновенно предшествующими и отчасти совпадающими съ эпохами общественнаго движенія и борьбы. Слѣдующее пятилѣтіе и въ томъ и другомъ случаѣ даетъ пониженныя цифры цензурныхъ взысканій; сходство между этими періодами увеличивается еще и тѣмъ, что и тогда, какъ и теперь, паденіе цифры цензурныхъ каръ зависѣло отчасти отъ временной пріостановки въ дѣятельности карательной административной машины. Сравненіе данныхъ по отдѣльнымъ категоріямъ каръ приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Нѣкоторую поправку къ нимъ вносить, впрочемъ, кривая болѣе суровыхъ каръ (пріостановокъ на срокъ): по этимъ даннымъ въ обоихъ слу-

чаяхъ максимумъ оказывается равной высоты, а паденіе его, въ ближайшемъ затѣмъ пятилѣтіи, во второй разъ не такъ значительно, какъ въ первый. Это значитъ, что, если волна цензурной репрессіи въ эпоху вторичнаго ея подъема въ общемъ и не достигла прежняго уровня, то сила ея удара была все-таки не меньше, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ.

III.

„Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность“, опытные издатели не могутъ отговариваться. „Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ или непринятіемъ его къ соображенію и руководству на послѣдующее время“. Такъ поучала „Сѣверная Почта“ въ 1867 г. Съ развитіемъ системы воспрещенія розничной продажи и частныхъ объявленій, это замѣчаніе стало анахронизмомъ. Распоряженія этого рода, по общему правилу, не сопровождаются ни разъясненіемъ поводовъ къ наложенію кары, ни указаніемъ на статьи, вызвавшія ее. Только въ видѣ рѣдкаго исключенія (за все время въ какомъ-нибудь десяткѣ случаевъ) бывали отступленія отъ этого правила. Такъ, „Петербургская Газета“ была лишена розничной продажи въ 1874 году „за сообщеніе слуха, лишеннаго основанія“; въ 1877 году „Голось“ подвергся той же карѣ за статью „Земская школа — Система недоувѣрія“ и „Русскій Міръ“ — „за сообщеніе совершенно ложнаго слуха о высадкѣ турокъ въ Евпаторіи“; въ 1878 году прекращеніе розничной продажи номеровъ „Новаго Времени“ и „Сѣвернаго Вѣстника“ мотивировалось такъ: „за распространеніе ложныхъ извѣстій“. Было нѣсколько случаевъ назначенія той же кары за нарушеніе циркуляровъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Такъ, „Биржевымъ Вѣдомостямъ“, „Новому

Времени“ и „Русскому Міру“ въ 1876 г. была запрещена розничная продажа „за нарушение циркуляровъ 2 и 18 ноября 1876 г.“. Еще нѣсколько разъ бывало, что розничная продажа воспрещалась одновременно съ предостереженіемъ и, такимъ образомъ, служила дополнительнымъ взысканіемъ за „вредное направленіе“. Не далѣе, какъ въ 1904 году, первое предостереженіе „Сыну Отечества“ и „Русской Правдѣ“ сопровождалось запрещеніемъ розничной продажи этихъ газетъ. Понятно, что ни умолчаніе о мотивахъ кары, ни указанные исключительные случаи, когда она сопровождалась отмѣткою повода къ ней, не могли служить надежнымъ „руководствомъ на послѣдующее время“. Сообщение неосновательныхъ слуховъ нежелательно, но никакія кары не могутъ убѣдить въ этомъ издателя больше, нежели собственный интересъ, нежели забота о томъ, чтобы изданіе пользовалось довѣріемъ публики. О томъ, что нарушение цензурныхъ циркуляровъ влечетъ за собою кару, по закону даже не воспрещеніе розничной продажи, а временную пріостановку, редакціи газетъ и журналовъ знаютъ. Но если нарушенія такого рода бываютъ, всегда ли это обусловливается отсутствіемъ у журналистовъ „чувства долга и нравственной отвѣтственности“ передъ „опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромностью“? На этотъ вопросъ трудно, конечно, отвѣтить, основываясь лишь на официальныхъ опубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе данныхъ, которыми мы пользуемся въ настоящей статьѣ. Но кое-какія указанія можно все-таки найти и тутъ.

Устанавливая правила о взысканіяхъ за нарушение циркуляровъ, государственный совѣтъ, какъ значится въ Высочайше утвержденномъ 16 іюня 1873 г. мнѣніи его, полагалъ, что „новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ, чрезвычайно рѣдкихъ“. На практикѣ же взысканія этого рода налагались на поврежденные изданія довольно часто въ срединѣ семидеся-

тыхъ годовъ. Въ то время въ распоряженіяхъ, основанныхъ на ст. 156 уст. ценз., отмѣчались иногда даты нарушенныхъ циркуляровъ, и вотъ оказывается, что, напр., въ теченіе 2 лѣтъ (1876—77 гг.) рядъ изданій подвергся карамъ (пріостановкѣ и воспрещенію розничной продажи) за статьи по вопросамъ, обсужденіе которыхъ было возбранено шестью циркулярами (15 октября 1875 г., 23 августа, 11 октября, 2 и 18 ноября 1876 г. и 3 апрѣля 1877 г.). Трудно предположить, чтобы газетами въ то время систематически нарушались всѣ распоряженія этого рода. Съ другой стороны, едва ли вѣроятно, чтобы руководители значительнаго числа изданій (среди подвергшихся взысканіямъ по ст. 156 уст. ценз. въ тѣ два года находятся: „Гражданинъ“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Новое Время“, „Русскій Міръ“, „Современныя Извѣстія“, „Нашъ Вѣкъ“, „Спб. Вѣд.“, „Судебный Вѣстникъ“, „Петербургская Газета“), едва ли вѣроятно, говоримъ мы, чтобы редакціи всѣхъ этихъ изданій отличались неосторожностью или чрезмѣрной нескромностью. Если нарушенія повторялись и повторялись, несмотря на взысканія, если виновными въ нихъ оказывались органы разныхъ направленій, при томъ нерѣдко въ нарушеніи однихъ и тѣхъ же циркуляровъ, то, очевидно, что побудительною причиною къ тому являлось не отсутствіе „чувства долга и нравственной отвѣтственности“, а что-то другое. Ключъ къ разгадкѣ даетъ, быть можетъ, одно изъ тѣхъ распоряженій, о которыхъ мы теперь говоримъ. Въ немъ было помѣщено нѣсколько строкъ, дающихъ понятіе о содержаніи нарушеннаго циркуляра: 15 октября 1875 года редакціямъ повременныхъ безцензурныхъ изданій было объявлено распоряженіе „касательно отношеній печати къ дѣйствіямъ и видамъ правительства по Герцоговинскому возстанію“. Мудрено ли, что въ 1876—77 гг. русской печати было трудно воздержаться отъ обсужденія подобныхъ вопросовъ, несмотря на цензурныя угрозы административными карами?

Еще меньше, конечно, предупредительное значеніе немотивированныхъ каръ. Бывали случаи, что „Правительственный Вѣстникъ“ считалъ себя вынужденнымъ печатать оффиціальныя сообщенія, чтобы только разсѣять недоумѣнія, возбужденныя подобными взысканіями безъ объясненія причинъ. Такъ, въ № 196-мъ „Прав. Вѣстника“ за 1881 годъ появилась оффиціальная замѣтка слѣдующаго содержанія: „Въ передовой статьѣ № 222 „Биржевыхъ Вѣдомостей“, по поводу воспрещенія розничной продажи журнала „Шутъ“, выражено недоумѣніе, какимъ образомъ подцензурное изданіе можетъ быть караемо въ административномъ порядкѣ за то, что одобрено цензоромъ, на котораго, казалось бы, и можетъ падать отвѣтственность за все напечатанное съ его разрѣшенія“. Оффиціальная газета такъ разъяснила этотъ вопросъ: „Воспрещеніе розничной продажи отдѣльныхъ нумеровъ журнала „Шутъ“, — говорилось въ „Прав. Вѣстникѣ“, — послѣдовало не за статьи, дозволенныя въ печати цензоромъ, а за печатаніе мѣстъ, вовсе не представленныхъ на разсмотрѣніе предварительной цензуры“. Къ сожалѣнію, ни одно изъ многочисленныхъ взысканій, павшихъ на подцензурныя изданія въ послѣдующіе годы, не сопровождалось даже такого рода разъясненіями чисто формальной стороны дѣла. Поэтому и эти кары не могли быть приняты печатью къ „соображенію и руководству“.

Можно ли, однако, признать такую руководящую роль за предостереженіями? И они не всегда бывали подробно мотивированы. Часто за указаніемъ статьи слѣдовала только глухая ссылка на „вредное“ или „предосудительное“ направленіе подвергаемаго взысканію органа печати. Но прежде всего, какъ справедливо, съ оффиціальной стороны, было отмѣчено еще при составленіи проекта закона 6 апрѣля, „безспорныхъ признаковъ вреднаго направленія“ не существуетъ. И если отъ задачи опредѣленія ихъ отказывается законодатель, то можно ли ожидать, что ихъ выяснить для

себя издатель газеты или журнала? Правда, ему указывают на конкретные случаи „вреднаго направленія“; но на бѣду и этотъ путь оказывается ненадежнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, направленіе „Московскихъ Вѣдомостей“ при Катковѣ, при томъ даже въ 1871 г., признавалось вреднымъ, вредно и предосудительно направленіе антисемитскаго „Наблюдателя“, вреденъ и еврейскій „Восходъ“, вредна и даже „несомнѣнно вредна“ „Газета Гатцука“, по содержанію родная сестра „Крестнаго Календаря“ того же издателя. Кажется, за всѣ сорокъ лѣтъ, только объ одномъ изданіи, подвергшемся карѣ, было сказано, что оно не вредно по направленію. „Гражданинъ“, — читаемъ мы въ предостереженіи, объявленномъ ему въ 1888 году, — при благонамѣренномъ вообще направленіи позволяетъ себѣ постоянно крайне неприличные отзывы о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, внушая такимъ образомъ неуваженіе къ нимъ“.

Вообще, если судить русскую прессу по тѣмъ отзывамъ, которые о ней даны въ предостереженіяхъ, трудно будетъ придти къ иному заключенію, чѣмъ высказанное „Сѣверной Почтой“ еще въ 1869 г.: пожалуй, и впрямь, издатели русскихъ газетъ и журналовъ постоянно обнаруживаютъ „настойчивую рѣшимость“ звать на свои органы кары.

Все пошатнулось... О, гдѣ ты, —

говорить публика въ некрасовскихъ „Пѣсняхъ о свободномъ словѣ“, —

Время безъ бурь и тревогъ?
Въ Бога не вѣрятъ газеты,
И отрицаютъ поэты
Пользу желѣзныхъ дорогъ!
Дыбомъ становится волосъ,
Чѣмъ наводнилась печать, —
Даже умѣренный „Голосъ“

Началь не въ мѣру кричать
 Ни одного элемента
 Не пропустилъ, не задѣвъ,
 Онъ положеньемъ Ташкента
 Разволновался какъ левъ;
 Бдитъ онъ надъ западнымъ краемъ,
 Онъ о Россіи болитъ,
 Съ ожесточеньемъ и лаемъ
 Онъ обо всемъ говорить...
 Но отъ чиновниковъ быстро
 Дѣло дошло до тузовъ,
 Даже коснулся министра
 Неустрашимый Катковъ
 Тронута тамъ у него же
 Много забористыхъ темъ...
 Чѣмъ это кончится, Боже!
 Чѣмъ это кончится, чѣмъ?

Вы улыбаетесь, читая объ этихъ прегрѣшеніяхъ „свободной прессы“, такъ напугавшихъ некрасовскаго добродушнаго обывателя. Но обратитесь къ предостереженіямъ 1865—67 гг., и вы увидите, что, напр., некрасовская „Желѣзная дорога“ вызвала кару на „Современникъ“, что „умѣренному „Голосу“ не прошли даромъ ни его волненія по поводу Ташкента, ни его отзывы объ остзейскихъ баронахъ, ни даже статьи о Наполеонѣ III. Въ то время во всемъ этомъ усматривались то „рѣзкія порицанія и неприличныя сужденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ“, то „оскорбленіе всего дворянскаго сословія и лицъ, служащихъ правительству“, то „безусловное сочувствіе къ лицамъ противодѣйствующимъ правительству“ и даже „нарушеніе всѣхъ приличій“. Столь же умѣренныя, какъ „Голосъ“, и чрезвычайно осторожныя коршевскія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ оказывались виновными въ „систематическомъ порицаніи администраціи вообще и враждебномъ сопоставленіи оной съ земскими учрежденіями“. Въ Бога не вѣрятъ газеты!—воскликаетъ некрасовскій обыватель. Да, и газеты, и журналы оказывались причастными „дерзкимъ и буйственнымъ мудрованіямъ, равно про-

тивнымъ истинной вѣрѣ истинному любомудрію“ (ст. 94 уст. о ценз. и печ.). Въ списокъ преступившихъ эту цензурную заповѣдь находится не только „Современникъ“, высказывавшій „неприличныя сужденія о значеніи православія“, или „Русское Слово“, обвиненное въ стремленіи поколебать авторитетъ христіанской религіи“, но и „Москва“ И. С. Аксакова, и „Современныя Извѣстія“ Н. П. Гилярова-Платонова, и „Новое Время“. „Москва“, напр., въ 1867 году, получила одно изъ своихъ предостереженій за рѣзкія сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, а въ другомъ предостереженіи уличалась въ „желаніи обоюдной свободы борьбы между православіемъ и протестантизмомъ, хотя это желаніе не соотвѣтствуетъ всѣмъ дѣйствующимъ, относительно православной церкви въ имперіи, узаконеніямъ и противорѣчитъ всему содержанію статей газеты“. Гиляровъ-Платоновъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ 1870 г., какъ оказывается, помѣщалъ, „крайне неприличные отзывы о такихъ предметахъ всенароднаго почитанія, какъ обряды православнаго богослуженія, высшія духовныя учрежденія и т. п.“ Но если таковы проступки противъ вѣры и церковныхъ властей Аксакова и Гилярова-Платонова, что невѣроятнаго въ обвиненіи „Новаго Времени“ (1872 г.) „въ явномъ сочувствіи антирелигіозной пропагандѣ“. Перестаешь удивляться и тому, что „Московскія Вѣдомости“ въ 1892 году навлекли на себя кару (второе предостереженіе) статью „по поводу архипастырскаго посланія“.

Но что всего замѣчательнѣе, это необыкновенное пристрастіе русской журналистики къ распространенію „вредныхъ ученій социализма и коммунизма, клонящихся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи“ (ст. 95). Изъ журналовъ въ этомъ неповиненъ, кажется, только одинъ „Русскій Вѣстникъ“; даже „Наблюдатель“ еще сравнительно недавно „продолжалъ упорствовать въ

своемъ предосудительномъ направленіи, доказательствомъ чего служить статья „Новыя умственные движенія въ Германіи“, явно проникнутая сочувствіемъ къ социалистическимъ теоріямъ“. Понятно, что и въ газетахъ обнаруживалось подобное же сочувствіе социализму, примѣромъ чему можетъ служить, судя по предостереженіямъ, „Новое Время“ (1872) или „Петербургская Газета“, „сужденія“ которой, по крайней мѣрѣ, въ 1873 г. „были основаны на началахъ социализма“. Въ 1870 году такое же обвиненіе было направлено даже противъ одного казеннаго изданія. „Въ № 3 журнала „Архивъ Судебной Медицины“, издаваемого медицинскимъ департаментомъ, напечатана была статья подъ заглавіемъ „О положеніи рабочихъ въ Западной Европѣ въ гигиеническомъ отношеніи“, въ которой настойчиво проводились крайнія социалистическія идеи“. Вслѣдствіе сего, говорится въ сообщеніи „Правительств. Вѣстника“ (№ 243), статья была уничтожена, редакторъ уволенъ отъ должности, а цензору сдѣлано внушеніе.

Нетрудно показать, что въ дѣйствительности дѣло не заходило такъ далеко. Едва ли кому придетъ на мысль серьезно утверждать, что Гиляровъ-Платоновъ способенъ оскорблять православную святыню, что Аксакову не достаесть „истиннаго патріотизма“, что статья объ Огюстѣ Контѣ можетъ поколебать „авторитетъ христіанской религіи“ или что изложеніе данныхъ о рабочихъ ассоціаціяхъ на Западѣ обнаруживаетъ „косвенное намѣреніе дать приложеніе коммунизму“. По временнымъ, иногда скоропреходящимъ соображеніямъ, та или иная статья могла казаться неумѣстной или неудобной; рѣзкость тона, за что такъ часто приходилось платиться Аксакову, могла раздражить; могли быть и другія причины для недовольства со стороны того или другого лица, учрежденія, вѣдомства, даже группы населенія. При системѣ административныхъ взысканій за такимъ недовольствомъ или раздраженіемъ легко можетъ послѣдовать кара. Но если въ мотивахъ ея по

адресу подвергающихся взысканію журнала или газеты посылаются столь грозныя обвиненія, то это объясняется, съ одной стороны, неопредѣленностью понятія „вредное направленіе“, а съ другой — существованіемъ въ законѣ небольшого числа готовыхъ общихъ формулъ для проступковъ печати. „Правила въ руководство цензурѣ“ (ст. 93—113 уст. о ценз. и печ.) воспрещаютъ „дерзкія и буйственныя мудрованія, равно противныя истинной вѣрѣ и истинному любуудрію“, не допускаютъ „вредныхъ ученій соціализма и коммунизма“, осуждаютъ статьи, „возбуждающія непріязнь и ненависть одного сословія къ другому“ и т. д. И вотъ, глядя по темъ статьи, давшей поводъ къ предостереженію, въ мотивахъ его „вредное направленіе“ повременнаго изданія приурочивается къ одной изъ готовыхъ формулъ. Но послѣднія весьма нерѣдко совпадаютъ съ опредѣленіями преступныхъ дѣяній, обложенныхъ по закону тяжкими уголовными карами. Можно-ли допустить, чтобы власти систематически оставляли безнаказанными, полагаясь на однѣ лишь цензурныя мѣры, подобныя дѣянія, если бы они дѣйствительно совершались русской періодической печатью? Конечно, нѣтъ. Поэтому, если вы, просматривая поводы къ предостереженіямъ за много лѣтъ, видите, напр., что органы всѣхъ направленій, какъ „Голосъ“, такъ и „Гражданинъ“, какъ „Московскія Вѣдомости“, такъ и „Русскія Вѣдомости“, какъ „Новое Время“, такъ и аксаковская „Русь“ или „Москва“, всѣ и неоднократно считались виновными въ „возбужденіи недовѣрія къ правительству“, или въ „враждебномъ сопоставленіи различныхъ классовъ и сословій“, или въ „изображеніи положенія дѣлъ нашего отечества въ превратномъ видѣ“, — вы знаете, что дѣянія какъ названныхъ, такъ и многихъ другихъ органовъ печати, дѣлившихъ съ ними участь, подверглись въ свое время, такъ сказать, переоцѣнкѣ. Были, конечно, статьи, нежелательныя для кого-нибудь въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ. Но

мѣняются обстоятельства, мѣняется и отношеніе къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ этихъ статьяхъ, и то, что считалось проявленіемъ „вреднаго направленія“, оказывается лишь признакомъ критическаго отношенія къ тому или другому факту государственной или общественной жизни. Конечно, и критика не всегда пріятна, но она можетъ быть полезной и во всякомъ случаѣ законна и позволена. Яркимъ примѣромъ того, какъ мѣняется оцѣнка вредоносности тѣхъ или иныхъ сужденій печати, можетъ служить хотя бы полемика по вопросу о гимназіяхъ. Сколько предостереженій было дано въ началѣ семидесятыхъ годовъ изданіямъ, относившимся критически къ принятой нами системѣ средняго образованія: „превратныя толкованія о происходящихъ будто бы отъ введенія оной вредныхъ послѣдствіяхъ“, взгляды на нее какъ на „совершенно несостоятельную“—вотъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ признаковъ „вреднаго направленія“ повременныхъ изданій семидесятыхъ годовъ. Но не только въ то время, а и гораздо позже, быть можетъ, еще семь-восемь лѣтъ назадъ къ этому вопросу періодическая печать у насъ не рѣшалась приступать безъ крайнихъ опасеній. Теперь система гимназическаго образованія переживаетъ кризисъ, и хотя рамки дозволеннаго для нашей печати съ того времени отнюдь не расширились, рѣчи о вредныхъ послѣдствіяхъ и несостоятельности принятой у насъ системы общаго средняго образованія, кажется, считаются не такъ уже опасными. Подобная же метаморфоза наблюдалась и наблюдается во многихъ другихъ случаяхъ. Для того, чтобы признакъ „вреднаго направленія“ превратился, если не въ свидѣтельство о благонамѣренности, то хоть въ безобидную, терпимую рѣчь, часто не нужно даже много времени. Зато никогда нельзя съ увѣренностью сказать: все то, что было позволительно вчера, будетъ считаться безвреднымъ и завтра. Многое зависитъ отъ случая, отъ проходящихъ вліяній и настроеній.

Но въ мірѣ случайностей трудно быть въ достаточной мѣрѣ предусмотрительнымъ и осторожнымъ, такъ трудно, что и „опытные издатели“, о которыхъ говорила „Сѣверная Почта“, имѣютъ право „отговариваться“ незнаніемъ предѣловъ риска.

Цензурныя мелочи.

I.

Какой цензурный уставъ у насъ дѣйствуетъ?

Въ текущемъ году исполнилось столѣтіе перваго русскаго Цензурнаго Устава, изданнаго 9-го іюля 1804 года. Этотъ законодательный актъ сохранялъ силу закона сравнительно недолго. Кратковременно было существованіе и смѣнившаго его Устава 10-го іюня 1826 года, прозваннаго за крайнюю стѣснительность для литературы—чугуннымъ. Не такова судьба третьяго по счету и пока послѣдняго Цензурнаго Устава: онъ опредѣлилъ главнѣйшія условія печатнаго слова въ Россіи на долгій срокъ до нашихъ дней. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни странно, въ началѣ двадцатаго вѣка у насъ дѣйствуетъ почти во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ Цензурный Уставъ 22-го апрѣля 1828 года.

Одинъ этотъ фактъ, кажется, долженъ бы служить достаточнымъ доводомъ въ пользу необходимости кореннаго и всесторонняго пересмотра нашихъ законовъ о печати. Ибо, если даже допустить, что они годились для своего времени (чего на самомъ дѣлѣ не было), то черезъ три четверти вѣка, можно сказать а priori, эти постановленія должны были стать неудовлетворительными. Достаточно взглянуть на количественный ростъ русской печати, чтобы найти фактическое под-

твержденіе этому взгляду. Система, возможная при существованіи двухъ - трехъ десятковъ литературныхъ и политическихъ изданій, при выходѣ какихъ - нибудь пяти - шести сотенъ книжекъ въ годъ, становится неудобной даже только по чисто-техническимъ соображеніямъ, когда число періодическихъ изданій опредѣляется сотнями и на книжный рынокъ ежегодно выбрасываются многія тысячи новыхъ томовъ. Но помимо количественной стороны дѣла нельзя отвергать значенія того важнаго обстоятельства, что книга, газета и журналъ стали въ наше время потребностью широкихъ слоевъ населенія, что ихъ содержаніе тысячами нитей связано съ интересами общественной жизни и что послѣдняя настойчиво стремится найти себѣ полное выраженіе въ печати. При подобныхъ обстоятельствахъ настоятельная необходимость законодательнаго пересмотра всѣхъ дѣйствующихъ законоположеній о печати не можетъ составлять вопроса.

Можно сказать, пожалуй, что, признавая за Уставомъ 1828 года значеніе дѣйствующаго закона, мы забываемъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ немъ за послѣднія сорокъ лѣтъ. Дѣйствительно, за это время въ немъ сдѣлано такъ много измѣненій, что, какъ-будто, не осталось и слѣда первоначальнаго текста, но стоитъ вчитаться въ него, чтобы убѣдиться, что въ результатѣ разновременныхъ поправокъ содержаніе Устава мало въ чемъ измѣнилось.

Исторія нашего законодательства о печати за послѣднія четыре десятилѣтія, какъ нетрудно убѣдиться, просмотрѣвъ, напримѣръ, новую интересную книгу по этому предмету К. К. Арсеньева ¹⁾, подтверждаетъ

¹⁾ К. К. Арсеньевъ. *Законодательство о печати*. Спб. 1903.

Эта книга дѣйствительно составляетъ выдающееся явленіе въ нашей литературѣ. Надо ли говорить, какой животрепещущій интересъ имѣетъ въ настоящее время самая тема ея. Трудъ, посвященный юридическому положенію нашей печати и

наше заключеніе, можно сказать, на каждомъ шагѣ. Но для нашей цѣли достаточно одного примѣра. Важнѣйшая изъ перемѣнъ, внесенныхъ въ Уставъ 1828 года, обязана своимъ происхожденіемъ закону 6-го апрѣля 1865 года и заключается въ освобожденіи отъ предварительной цензуры въ столицахъ, во первыхъ, книгъ значительнаго объема, съ подчиненіемъ ихъ исключительно судебной отвѣтственности, и, вторыхъ, нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, съ установленіемъ для нихъ отвѣтственности какъ судебной, такъ и административной, въ формѣ предостереженій, пріостановокъ и совершеннаго прекращенія изданія. Важная подробность закона 1865 года заключалось въ томъ, что только въ чрезвычайныхъ, исключительныхъ случаяхъ онъ разрѣшалъ цензурному вѣдомству под-

исторіи примѣненія цензурныхъ законовъ, заслуживалъ бы глубочайшаго вниманія и въ томъ случаѣ, если бы этотъ предметъ подвергался у насъ изслѣдованію гораздо чаще нежели это было на самомъ дѣлѣ. Г. Арсеньевъ въ одномъ мѣстѣ своей книги справедливо замѣчаетъ, что „степень исключительно административнаго давленія, тяготящаго надъ печатью, это—настоящій политическій барометръ, весьма чувствительный къ атмосферическимъ перемѣнамъ“. За колебаніями этого барометра авторъ разсматриваемаго труда слѣдитъ на протяженіи почти полувѣка, какъ журналистъ, которому близки интересы печати, и какъ юристъ, для котораго ясны смыслъ и значеніе каждой перемѣны въ ея правовомъ положеніи. Понятно поэтому, что въ книгѣ г. Арсеньева интересная тема и обработана дѣльно и интересно. Новымъ въ полномъ смыслѣ этого слова разсматриваемый трудъ назвать быть не можетъ. Объ юридическомъ положеніи нашей печати г. Арсеньевъ много писалъ, и его статьи, появлявшіяся болшею частью въ *Вѣстникѣ Европы*, были въ свое время цѣннымъ вкладомъ въ скудную литературу вопроса. Теперь онѣ объединены въ одно цѣлое, во многомъ дополнены, сведены къ заключительнымъ выводамъ и въ этомъ новомъ видѣ представляютъ, конечно, еще болѣе значительный и—вслѣдствіе малой измѣнчивости условій нашей печати—не менѣе современный интересъ, нежели при первомъ появленіи въ журналѣ.

вергать предварительному аресту не подлежащую цензурѣ книжку или нумеръ журнала, но и въ этихъ случаяхъ администрація обязана была немедленно же возбудить судебное преслѣдованіе, и только по судебному приговору напечатанная книга могла быть изъята изъ обращенія. На практикѣ исключеніе скоро превратилось въ общее правило: предварительному аресту заподозрѣнныя изданія, также какъ и изыятію изъ обращенія по особымъ распоряженіямъ, подвергались сплошь и рядомъ. Но насъ въ настоящее время интересуетъ не практика, а законъ. Поэтому важнѣе отмѣтить тотъ фактъ, что и самъ законъ просуществовалъ въ этомъ видѣ сравнительно недолго. Не далѣе какъ 7-го іюня 1872 года изложенныя постановленія были замѣнены новыми, дѣйствующими по настоящее время. Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или номера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ на основаніи дополнительнаго узаконенія 1872 года сдѣлать распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, не обращаясь въ судъ, и представить докладъ о воспрещеніи выпуска книги въ свѣтъ на разрѣшеніе комитета министровъ. Притомъ мѣры, принимаемыя на основаніи закона 1872 года, не требуютъ огласки, неизбѣжной при предостереженіи или пріостановкѣ изданія. „Книга или нумеръ журнала исчезаетъ, съ помощью ихъ, — говоритъ г. Арсеньевъ, — такъ же безслѣдно, какъ корабль, идущій ко дну въ самомъ уединенномъ мѣстѣ океана, или какъ осужденный венеціанскимъ совѣтомъ десяти. О гибели журнальной книжки могутъ еще, пожалуй, узнать подписчики журнала, если редакція не найдетъ возможнымъ замѣнить погибшую книжку другою: но судьба уничтоженнаго непериодическаго изданія въ большинствѣ случаевъ остается тайной для всѣхъ, кромѣ лицъ, близко въ ней

заинтересованных*. Еще важнѣе то, что на практикѣ, подъ угрозой примѣненія закона 1872 года, возникъ средній путь: книжка не погибаетъ цѣликомъ, но теряетъ часть своего состава. „Для печати, — пишетъ тотъ же авторъ, — такой исходъ дѣла, прямо не предусмотрѣнный закономъ, несомнѣнно, представляетъ, если сравнить его съ послѣдствіями буквальнаго примѣненія закона, значительную выгоду; но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что подъ покровомъ негласности здѣсь восстанавливается *de facto* гласно уничтоженная предварительная цензура“. Какъ извѣстно, на этомъ поправки къ закону 1865 г. не остановились. Не будемъ перечислять ихъ здѣсь и лишь напомнимъ, что свыше 20-ти лѣтъ дѣйствующими правилами 27 августа 1882 г. открыта возможность превращенія каждаго безцензурнаго изданія, выходящаго не рѣже одного раза въ недѣлю, въ подцензурное, при томъ въ короткій срокъ. отъ трехъ недѣль до—для ежедневныхъ газетъ—трехъ дней. Если сказать затѣмъ, что только однажды, при самомъ введеніи закона 6 апрѣля 1865 г., редакціямъ столичныхъ изданій былъ предоставленъ выборъ между безцензурностью и предварительной цензурой, а все остальное время освобожденіе отъ нея газеты или журнала зависѣло исключительно отъ цензурнаго вѣдомства, которое почти всегда было скупно на эту льготу,—то не станетъ ли ясно, какъ мало измѣнилось къ нашему времени первоначальное содержаніе Устава 1828 года. Его альфа и омега—предварительная цензура—остается до нашихъ дней общимъ правиломъ. Изъятія изъ этого правила не идутъ дальше облегченія медлительной и потому при современныхъ условіяхъ печатнаго дѣла особенно неудобной процедуры предварительнаго просмотра каждой отпечатанной строчки, дальше устраненія мелочныхъ и докучныхъ препирательствъ съ цензоромъ изъ-за отдѣльныхъ словъ или фразъ. Предѣловъ доступнаго свободному обсужденію въ печати эти изъятія, при полномъ просторѣ административнаго усмот-

рѣнія по дѣламъ литературы и при крайней суровости административныхъ взысканій за проступки печати, разумѣется, отнюдь не раздвигаютъ, но и на такихъ условіяхъ изыятія отъ предварительной цензуры сравнительно рѣдки и немногочисленны.

Словомъ, наслоенія позднѣйшаго времени на дѣйствующемъ цензурномъ Уставѣ нисколько не уменьшили потребности въ общемъ его пересмотрѣ. „Его необходимость,—замѣчаетъ авторъ помянутой книги о нашемъ цензурномъ законодательствѣ,—была признана при самомъ изданіи закона 6 апрѣля, имѣвшаго въ глазахъ его составителей, только значеніе переходной мѣры. Съ тѣхъ поръ вопросъ о пересмотрѣ почти никогда не сходилъ со сцены и нѣсколько разъ казался близкимъ къ разрѣшенію. Даже усиленіе гнета надъ печатью (въ 1872, 1882 и 1897 гг.) всегда сопровождалось указаніемъ на предстоящее возобновленіе законодательной работы“. Въ наше время необходимость ея чувствуется, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде: „Законодательство о печати, — говоря словами того же автора, — должно получить не только большую цѣльность, но и большую приспособленность къ степени развитія, достигнутой русскимъ обществомъ“. И чѣмъ скорѣе эта назрѣвшая потребность будетъ удовлетворена, тѣмъ легче и успѣшнѣе будутъ разрѣшены многія другія насущныя задачи русской общественной жизни.

II.

Срочность предостереженій.

Ст. 144 устава о цензурѣ и печати предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изыатымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія съ указаніемъ на статьи,

подавшія къ сему поводъ. Третье предостереженіе приостанавливаетъ продолженіе изданія на срокъ, который министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначается при объявленіи предостереженія, но не свыше шести мѣсяцевъ. Въ такомъ видѣ эта статья закона существовала съ 1865 года, когда у насъ возникла безцензурная печать, хотя практика скоро обнаружила одинъ недостатокъ закона, легко устранимый даже при сохраненіи системы административныхъ взысканій съ періодическихъ изданій. Изъ текста ст. 144 видно, что предостереженія не погашались у насъ давностью. Могли пройти года, даже десятки лѣтъ между первымъ и вторымъ или вторымъ и третьимъ предостереженіемъ, и все-таки третье по счету предостереженіе влекло за собою, какъ необходимое слѣдствіе, временную приостановку изданія. Неудовлетворительность такого порядка и даже противорѣчіе его, если не буквѣ, то основной идеѣ системы предостереженій очевидны. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основана эта система? Несомнѣнно, на предположеніи, что изданіе можетъ при желаніи оградить себя отъ болѣе тяжелой кары, временной приостановки или совершеннаго прекращенія, принявъ полученныя имъ предостереженія, какъ сказано въ одномъ изъ официальныхъ разъясненій закона 6 апрѣля 1865 года, „къ соображенію и руководству на послѣдующее время“. Если въ дѣйствительности это предположеніе не оправдывается и практика системы предостереженій не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, гдѣ она въ прежнее время дѣйствовала, доказываетъ нѣчто иное, то въ принципѣ предостереженія даются безспорно съ цѣлью предупрежденія объ угрожающей опасности. Съ тою же цѣлью въ законъ включено и требованіе, чтобы непременно была указана статья, давшая поводъ къ предостереженію. Однако, такого рода указанія не могутъ имѣть обязательной силы безусловно навсегда. Время налагаетъ свою руку на все; область дозволеннаго и недозволен-

наго въ печати, на взглядъ не только дѣятелей литературы, но и цензуры, тоже не остается неизмѣнной. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ можно оправдать безсрочность предостереженія?

Предостереженіе, сила котораго неограничена никакимъ срокомъ, безцѣльно. На повременную печать такія предостереженія ложатся тяжелымъ бременемъ. Но и для цензурнаго вѣдомства безсрочность предостереженій нерѣдко представляетъ неудобства: администрація, контролирующая дѣятельность печати, лишается возможности пользоваться системой предостереженій. Приведемъ примѣры, какихъ встрѣчалось немало на практикѣ. Десять-пятнадцать лѣтъ назадъ изданіе получило два предостереженія за такія статьи, которыя въ настоящее время не считаются ни „предосудительными“, ни „вредными“. Подобные случаи бывали; примѣры такой перемѣны во взглядахъ на извѣстные вопросы нерѣдки. Если бы въ данный моментъ, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и по совершенно другимъ поводамъ, явилась мысль дать этому изданію предостереженіе, цензурное вѣдомство должно было бы признать, вопреки очевидности, что изданіе „упорствуетъ во *вредномъ* направленіи“, и подвергнуть его временной остановкѣ, по существу дѣла, безъ предваренія объ этой карѣ, либо отказаться отъ предостереженія и прибѣгнуть къ другимъ способамъ воздѣйствія, несовмѣстимымъ съ системой предостереженія. Словомъ, срочность предостереженія—необходимое условіе дѣйствія этой системы. Французскій законъ 1852 года, послужившій образцомъ для нашихъ правилъ о безцензурной печати, оставлялъ за предостереженіями силу лишь на извѣстный срокъ. И въ проектѣ Валуева содержалось правило, указывавшее на то, что предостереженія и у насъ предполагалось считать погашенными давностью по истеченіи нѣкотораго времени. По этому проекту, повременное изданіе, подвергшееся въ *теченіе одного года* двумъ предосте-

реженіямъ, считается по третьему предостереженію окончательно прекращеннымъ, если это послѣднее предостереженіе состоитъ въ томъ же году или въ продолженіи слѣдующихъ за нимъ трехъ мѣсяцевъ. При обсужденіи этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, проектъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что право окончательнаго прекращенія изданія должно принадлежать правительствующему сенату; министру же внутреннихъ дѣлъ дано лишь право подвергать періодическія изданія собственной властью лишь временной пріостановкѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ. Такое ограниченіе — несомнѣнное преимущество закона 6-го апрѣля 1865 года по сравненію съ валуевскимъ проектомъ. Но законъ обошелъ молчаніемъ вопросъ о срокѣ, на который предостереженіе остается въ силѣ, — и этотъ очевидный пробѣлъ закона оставался невосполненнымъ до изданія закона 4 іюня 1901 года.

Въ законѣ 4 іюня говорится о срокахъ, на которые распространяется сила первыхъ двухъ предостереженій, объявленныхъ повременному изданію—годъ для перваго и два для втораго,—но умалчивается о третьемъ. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что отъ третьяго предостереженія журналы и газеты никогда не освобождаются, развѣ по амнистіи. Это значитъ только, что закономъ 4-го іюня оставлены безъ перемѣнъ условія, на которыхъ, по правиламъ цензурнаго устава, третье предостереженіе теряло свою силу. Собственно о срочности и безсрочности его въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти понятія приложимы къ первымъ двумъ предостереженіямъ, не можетъ быть рѣчи. Какъ первое, такъ и второе предостереженіе не влекутъ *непосредственно* за собою другихъ карательныхъ мѣръ. Они составляютъ лишь угрозу, что изданіе можетъ подвергнуться извѣстной административной карѣ или даже карамъ. Но третье предостереженіе, пожалуй, даже и не предостереженіе, такъ какъ оно не предупреждаетъ

о возможной карѣ, а лишь возвѣщаетъ, за что журналу или газетѣ временно воспрещенъ выходъ въ свѣтъ. Эта кара можетъ быть болѣе или менѣе, но важно то, что законъ не отдѣляетъ ея отъ третьяго предостереженія. Послѣдствія его наступаютъ немедленно вслѣдъ за нимъ и потому не могутъ быть ни отсрочены, ни погашены какою-либо давностью. Но какъ скоро изданіе отбыло наложенную на него кару, не только третье предостереженіе, но всѣ три предостереженія обязательно теряютъ свою силу и считаются навсегда погашенными.

Въ самомъ дѣлѣ, законъ опредѣляетъ послѣдствія третьяго предостереженія слѣдующимъ образомъ. По буквальному выраженію ст. 144 уст. о ценз. и печ., оно „пріостанавливаетъ продолженіе изданія“ на извѣстный срокъ. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется лишь опредѣлить продолжительность временной остановки, въ извѣстныхъ предѣлахъ,—не свыше шести мѣсяцевъ. Эта кара постигаетъ безусловно всѣ временныя изданія, вызвавшія третье предостереженіе. Затѣмъ послѣдствія его могутъ быть неодинаковы для разныхъ изданій. Въ силу временной мѣры, принятой въ 1882 году, „впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ постановленій о печати“, ежедневныя и еженедѣльные изданія подвергаются особому порядку цензурнаго просмотра, дающему администраціи возможность задерживать каждый выпускъ такого изданія до разсылки его подписчикамъ (прим. къ ст. 144). Это второе послѣдствіе третьяго предостереженія наступаетъ для названныхъ періодическихъ изданій тотчасъ же по возобновленіи ихъ послѣ пріостановки. Продолжительность примѣненія такой тяжелой, особенно для ежедневныхъ газетъ, кары зависитъ также отъ ближайшаго усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, притомъ безъ всякаго ограниченія какимъ-либо максимальнымъ срокомъ. Само собою разумѣется однако, что, опредѣливъ извѣстный срокъ, по наступ-

леніи котораго эта мѣра отмѣняется, или, какъ это чаще бываетъ, освободивъ изданіе отъ карательной предварительной цензуры по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, министръ внутреннихъ дѣлъ уже не въ правѣ снова подвергнуть изданіе тому же особенному порядку цензурнаго просмотра до новой пріостановки послѣ трехъ предостереженій. Онъ примѣняется только къ изданіямъ, *возобновляемымъ* послѣ пріостановки.

Если изданіе возобновилось послѣ третьяго предостереженія и освободилось отъ обязательства налагаемаго на газеты и еженедѣльные журналы примѣчаніемъ къ ст. 144-й, оно уже тѣмъ самымъ подверглось всѣмъ послѣдствіямъ третьяго предостереженія или, даже правильнѣе, трехъ предостереженій. Никакихъ другихъ каръ для *возобновленнаго* послѣ пріостановки изданія законъ не знаетъ. Правда, повременное изданіе послѣ третьяго предостереженія можетъ быть прекращено и навсегда, но распоряженіе объ этомъ должно послѣдовать, по закону, до возобновленія изданія. Ст. 148 уст. о ценз. и печ. гласитъ: „Если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ *предварительнаго* пріостановленія повременнаго изданія на извѣстный срокъ, вовсе прекратить это изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ первый департаментъ правительствующаго сената“. Съ 1882 года власть окончательно прекращать повременныя изданія послѣ третьяго предостереженія, въ видѣ временной мѣры до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о печати, перешла къ другому учрежденію, — къ особому совѣщанію четырехъ министровъ (примѣч. къ ст. 148-й). Но какъ ни важна эта перемѣна, несомнѣнно, что и теперь окончательное закрытіе журнала или газеты можетъ быть слѣдствіемъ третьяго предостереженія только *до возобновленія* изданія, на законномъ основаніи, послѣ временной остановки.

Въ подобныхъ случаяхъ эта пріостановка, какъ видно изъ текста закона, имѣть значеніе *предварительной* мѣры: временная пріостановка должна непосредственно перейти въ совершенное прекращеніе. Законъ, какъ мы видимъ, допускаетъ, что за проступкомъ, навлекающимъ третье предостереженіе, можетъ послѣдовать невременная только пріостановка изданія, а совершенное закрытіе его. Но по смыслу и даже по буквѣ закона немыслимо, чтобы возобновленное послѣ третьяго предостереженія изданіе могло подвергнуться запрещенію навсегда за новые проступки безъ предостереженій.

Быть можетъ, не лишнимъ будетъ отмѣтить, что справедливость такого толкованія подтверждается мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля 1869 года, по дѣлу о закрытіи аксаковской „Москвы“. Дѣло это перешло въ государственный совѣтъ за разногласіемъ въ общемъ собраніи правительствующаго сената, гдѣ оно разсматривалось на основаніи ст. 148 уст. о ценз. и печ. Какъ извѣстно, закрытію „Москвы“ предшествовали три временныхъ пріостановки, а каждой изъ нихъ—по три предостереженія, но министръ внутреннихъ дѣлъ,—замѣчаетъ государственный совѣтъ въ своемъ мнѣніи,—„не входилъ съ представленіемъ объ ея (газеты) прекращеніи ни *при* первомъ, ни *при* второмъ пріостановленіи“. Ясно, что государственный совѣтъ признаетъ, во-первыхъ, что вопросъ о закрытіи повременнаго изданія можетъ быть возбужденъ только въ теченіе временной пріостановки, даже только *при пріостановленіи*, а не во всякое другое время послѣ объявленія третьяго предостереженія. Во-вторыхъ, изъ того же мнѣнія государственнаго совѣта видно, что, возобновляясь послѣ временной пріостановки, изданіе снова можетъ получить, при томъ въ короткій срокъ, *первое* предостереженіе, что было бы невозможно, еслибы старое третье предостереженіе сохраняло свою силу.

Заслуживаетъ вниманія, что и цензурная практика въ этомъ вопросѣ не уклонялась отъ правильнаго толкованія этого закона до 1882 года, когда начались случаи окончательнаго прекращенія изданій, не получившихъ трехъ предостереженій. Но можно привести множество примѣровъ полученія изданіемъ послѣ третьяго предостереженія и временной пріостановки снова перваго и дальнѣйшихъ предостереженій. Въ этомъ отношеніи практика не измѣнилась и послѣ изданія временныхъ правилъ 1882 г. И въ новѣйшее время, какъ и въ болѣе раннее, не мало изданій подвергалось неоднократнымъ пріостановкамъ по третьему, каждый разъ, конечно, новому предостереженію. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій существуютъ и въ настоящее время. При этомъ надо замѣтить, что во многихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи о погашеніи силы третьяго предостереженія амнистіями. Какъ извѣстно, предостереженія слагались со всѣхъ органовъ повременной печати по Высочайшему повелѣнію только три раза—въ 1866, 1872 и 1877 годахъ,—но многія изданія, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, подверглись новымъ предостереженіямъ послѣ пріостановки въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ. Единственный фактъ, какъ бы указывающій на то, что одно время въ цензурномъ вѣдомствѣ склонны были толковать законъ иначе, представляетъ распоряженіе 26 февраля 1901 г. о сложеніи *трехъ* предостереженій съ „Гражданина“. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ очевиднымъ недоразумѣніемъ. Дѣйствительно, позднѣйшее изъ объявленныхъ „Гражданину“ къ 1901 году предостереженій, отъ 5 октября 1896 года, считалось третьимъ и влекло за собою, какъ и было опубликовано въ „Прав. Вѣстникѣ“ (№ 219, отъ 6 октября 1896 г.), пріостановку на одинъ мѣсяць и примѣненіе къ изданію, по окончаніи срока пріостановки, примѣчанія къ ст. 144 уст. о ценз. и печ. Но въ сложеніи съ газеты предостереженія не было надобности потому, что еще до истеченія срока прі-

остановки, въ № 234 „Прав. Вѣстн.“, отъ 26 октября того же года, появилось сообщеніе слѣдующаго содержанія: „Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, разрѣшилъ редактору-издателю газеты-журнала „Гражданинъ“ кн. Владиміру Мещерскому возобновить изданіе означенной газеты-журнала, не подчиняя его дѣйствію къ ст. 144 уст. о ценз. и печ.“. Такимъ образомъ еще въ 1896 г. „Гражданинъ“ освобожденъ былъ отъ двухъ въ то время дѣйствительно существовавшихъ для него послѣдствій предостереженія: газета возобновилась ранѣе срока пріостановки и не подверглась режиму особой цензуры. Въ 1896 г. было отъ чего освобождать „Гражданинъ“, такъ какъ онъ еще не отбылъ наложенныхъ на него каръ. Но въ 1901 году, если бы даже въ свое время не послѣдовало Высочайшаго повелѣнія, опубликованнаго 26 октября 1896 года, могла бы быть рѣчь лишь объ освобожденіи газеты отъ карательной предварительной цензуры (по прим. къ ст. 144). Однако, хотя особый порядокъ цензурнаго просмотра на основаніи этого „примѣчанія“, можетъ быть установленъ безсрочно, на неопредѣленное время, нельзя отождествлять безсрочность этой мѣры съ безсрочностью третьяго предостереженія,—съ безсрочностью въ томъ смыслѣ, въ какомъ были безсрочны первыя два предостереженія до изданія закона 4 іюня 1901 г. Въ первомъ случаѣ безсрочность значитъ только, что власть, налагающая взысканіе, оставляетъ за собою право позднѣе, когда найдетъ нужнымъ, опредѣлить срокъ прекращенія кары. Во второмъ случаѣ такого права у власти, дающей предостереженія, не существуетъ и не существовало, предостереженія сохраняли свою силу впредь до наложенія на изданіе новой, болѣе суровой кары.

Словомъ, въ заключеніе приходится повторить, что, согласно истинному смыслу закона, согласно толкованію его, данному государственнымъ совѣтомъ, послѣ

наложенія на изданіе опредѣленнаго взысканія, третье предостереженіе теряетъ свою силу навсегда.

III.

„Отдѣльный“ цензоръ и нужды провинціальной печати.

Наше законодательство о печати въ такой мѣрѣ, по общему признанію, не удовлетворяетъ требованіямъ жизни, что каждый шагъ законодателя въ эту забытую область возбуждаетъ нѣкоторыя ожиданія. Въ свое время, года два назадъ, заставилъ говорить о себѣ и проектъ недавно обнародованнаго закона 8 іюня 1903 г., согласно которому въ семи городахъ: Владивостокѣ, Екатеринославлѣ, Нижнемъ - Новгородѣ, Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ, Томскѣ и Харьковѣ, — учреждаются должности отдѣльных цензоровъ. На этотъ разъ дѣло противъ обыкновенія не ограничилось обсужденіемъ вопроса о предположенномъ преобразованіи провинціальной цензуры на столбцахъ газетъ и журналовъ. Какъ только разнеслась вѣсть о проектѣ, начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати, посѣтившему въ то время нѣсколько провинціальныхъ городовъ, были представлены памятные записки, въ которыхъ излагались насущныя нужды областной прессы. Указывая на тяжелыя условія дѣйствующей цензурной системы, редакторы и издатели провинціальныхъ газетъ въ своихъ ходатайствахъ передъ властью ограничивались весьма умѣренными пожеланіями. Предоставленіе провинціальнымъ изданіямъ наравнѣ со столичными права выхода въ свѣтъ безъ предварительной цензуры и замѣна административныхъ каръ, налагаемыхъ на печать, отвѣтственностью по суду, — эти два наиболѣе важныхъ для прессы условія существованія занимали, конечно, свое мѣсто въ перечнѣ нуждъ провинціальной печати, составленномъ ея дѣятелями. Но на-ряду съ такими

мѣрами для улучшенія положенія провинціальныхъ газетъ намѣчались ихъ руководителями и другія, свѣдѣтельствующія о томъ, что авторы записокъ далеки были отъ мысли о возможности сравнительно широкой реформы цензурнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ. Такъ, указывалось, напр., на настоятельную необходимость раньше наложенія административнаго взысканія на газету выслушивать объясненія редакціи; возбуждалось ходатайство о пересмотрѣ массы цензурныхъ ограничительныхъ циркуляровъ, остававшихся въ силѣ въ теченіе многихъ лѣтъ; испрашивалось для подцензурныхъ газетъ право перепечатывать безъ предварительнаго просмотра мѣстной цензуры статьи и замѣтки изъ официальныхъ органовъ, — „Правительственнаго Вѣстника“, журналовъ министерствъ и т. п. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, дѣятелей мѣстной печати нельзя упрекнуть въ томъ, что они не считались съ обстоятельствами и проявили не по времени широкой размахъ въ своихъ преобразовательныхъ планахъ. И тѣмъ не менѣе рѣже всего они возлагали какія-либо надежды именно на замѣну цензоровъ изъ обыкновенныхъ губернскихъ чиновниковъ цензорами-спеціалистами.

Понять причину такого отношенія мѣстной печати къ проекту, получившему въ настоящее время силу закона, нетрудно. Дѣло въ томъ, что онъ вноситъ въ условія провинціальной цензуры чисто внѣшнюю перемѣну, по существу же въ журнальномъ дѣлѣ и въ тѣхъ семи городахъ, въ которыхъ учреждены новыя должности, все остается по старому. Такіе же цензора, какъ тѣ, о которыхъ говорится въ законѣ 8 іюня, не одинъ десятокъ лѣтъ существуютъ въ восьми другихъ городахъ, а именно въ Ригѣ, Ревелѣ, Дерптѣ, Митавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, Одессѣ и Казани. Но до настоящаго времени не было слышно, чтобы въ нихъ цензура, — главнымъ образомъ цензура повременной печати, -- была строже или снисходительнѣе, нежели

въ другихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ нѣтъ цензурныхъ учрежденій, гдѣ обязанности цензоровъ по по отношенію къ газетамъ исполняютъ вице-губернаторы или вообще чины общей администраціи. Извѣстно, что между дѣятельностью отдѣльныхъ цензоровъ и прочихъ цензурующихъ чиновниковъ не было замѣтной разницы ни въ степени независимости ихъ отъ мѣстныхъ вліяній, ни даже въ отношеніи устойчивости и опредѣленности предъявляемыхъ ими къ печати требованій. Въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ въ столичныхъ газетахъ неоднократно приводились фактическія данныя изъ провинціальной цензурной практики, бросающія свѣтъ на условія публицистической работы въ провинціи. И если въ сообщеніяхъ по этому предмету довольно часто упоминались нѣкоторые изъ тѣхъ семи городовъ, въ которыхъ цензурное дѣло еще только подлежитъ преобразованію въ силу закона 8 іюня, то не рѣже встрѣчались имена и городовъ, гдѣ цензоры-спеціалисты давно уже дѣйствуютъ. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что въ условіяхъ провинціальной временной печати, даже только въ тѣхъ семи городахъ, о которыхъ говорится въ новомъ законѣ, подъ его вліяніемъ не произойдетъ замѣтныхъ перемѣнъ. Конечно, не исключена возможность ихъ въ зависимости отъ того, что съ введеніемъ новаго закона можетъ измѣниться личный составъ провинціальныхъ цензурныхъ органовъ. Но результаты подобныхъ личныхъ вліяній такъ же невозможно отнести на счетъ закона 8 іюня, какъ и предвидѣть, въ какихъ размѣрахъ и даже въ какомъ направленіи они скажутся. Впрочемъ, жалоба саратовскаго уѣзднаго собранія на мѣстнаго представителя этого новаго для Саратова института (см. выше ст. „Пресса, цензура и общество“) можетъ служить лишнимъ доказательствомъ того, что направленіе цензурной дѣятельности всегда и всюду остается неизмѣннымъ.

IV.

Изъ практики примѣненія законовъ о печати.

Закономъ 7 января 1902 г. измѣнены нѣкоторыя постановленія Устава о цензурѣ и печати. Пересмотру подверглись на этотъ разъ статьи, касающіяся надзора за типографіями и книжною торговлей, и измѣненія ограничились по преимуществу исправленіемъ текста закона въ редакціонномъ отношеніи. Въ числѣ статей, потребовавшихъ новаго изложенія, находится и ст. 158, примѣненіе которой мѣстною администраціей въ послѣдніе годы вызвало по жалобамъ заинтересованныхъ частныхъ лицъ рядъ важныхъ сенатскихъ разъясненій. Эта статья, обусловливая открытіе типографій полученіемъ дозволенія отъ мѣстныхъ губернаторовъ или градоначальниковъ, не опредѣляла, чѣмъ мѣстное начальство должно руководствоваться при выдачѣ такихъ разрѣшеній. На практикѣ въ теченіе долгаго времени это постановленіе закона понималось въ томъ смыслѣ, что выдача разрѣшенія или отказъ въ немъ вполнѣ предоставлены на волю губернатора. Поэтому были случаи отказа въ виду, напр., недостаточности средствъ надзора за типографіями или только потому, что, по мнѣнію губернатора, въ городѣ существуетъ уже достаточное число типографій. Въ 1897 г. сенатомъ было разъяснено, что „губернское начальство соображается при примѣненіи ст. 158 Уст. ценз. съ имѣющимися свѣдѣніями о благонадежности просителей. Но, съ другой стороны, если соображенія, по коимъ разрѣшается или не разрѣшается открытіе типографій и литографій, идутъ далѣе формальныхъ требованій, то изъ сего не слѣдуетъ, чтобы губернскому начальству принадлежало по сему предмету право вполнѣ дискреціонное, не подлежащее повѣркѣ. Въ за-

конѣ не постановлено, чтобы выдача дозволеній по 158 статьѣ зависѣла отъ „усмотрѣнія“ губернаторовъ. Но даже въ предположеніи, что такова мысль закона, нельзя не замѣтить, что, какъ разъяснялось правительствующимъ сенатомъ, мѣра, принятая правительственнымъ установленіемъ или лицомъ, хотя бы и въ предѣлахъ предоставленнаго ему усмотрѣнія, можетъ тѣмъ не менѣе быть признана незаконною и подлежить отмѣнѣ, если она исходитъ изъ основанія, противорѣчащаго закону“ ¹⁾. Изъ этого общаго положенія былъ сдѣланъ выводъ, что если губернскимъ властямъ и предоставлено „сообразоваться со свѣдѣніями о благонадежности“ просителей, то, съ другой стороны, „огражденіе существующихъ типографій отъ конкуренціи вовсе не лежитъ на обязанности губернаторовъ“. Затѣмъ и недостаточность средствъ надзора не можетъ считаться основаніемъ для отказа въ открытіи новой типографіи, такъ какъ „при отсутствіи на то прямого указанія въ законѣ нельзя допустить, чтобы и въ типографскомъ дѣлѣ промышленная предпримчивость частныхъ лицъ стѣснялась подобнымъ обстоятельствомъ, находящимся внѣ всякой отъ нихъ, частныхъ лицъ, зависимости“.

Случалось не разъ, что послѣ сенатскихъ разъясненій такого рода въ текстъ закона вносились, большею частью въ видѣ „временной“ мѣры, до пересмотра дѣйствующаго постановленія въ законодательномъ порядкѣ, поправки, санкціонировавшія на будущее время ту именно практику, которая отвергнута сенатомъ. На этотъ разъ пересмотръ совершился въ законодательномъ порядкѣ. Въ результатѣ 158 ст. Уст. ценз. измѣнена, но только въ редакціонномъ отношеніи. Въ законѣ и теперь „не установлено“, говоря словами сенатскаго разъясненія, чтобы выдача дозволеній на от-

¹⁾ „Разъясненія перваго общаго собранія правительствующаго сената“, изд. „Журн. Мин. Юст.“, стр. 589.

крытіе типографій „зависѣла отъ „усмотрѣнія“ губернаторовъ“. Такимъ образомъ въ этомъ вопросѣ законъ остается на прежней точкѣ зрѣнія, которую должна усвоить и административная практика. Можно только пожалѣть, что во избѣжаніе недоразумѣній ст. 158-я при пересмотрѣ не была пояснена въ смыслѣ сенатскаго толкованія. Затѣмъ, конечно, одно отсутствіе попятнаго шага здѣсь не будетъ особенно много значить, такъ какъ фактически „усмотрѣнію“ открывается широкій просторъ при растяжимости и неопредѣленности понятія „благонадежность просителей“.

Не безынтересно, что новый частичный пересмотръ Устава о цензурѣ не удовлетворилъ и другого домогательства административной практики, неправильность котораго уже разъяснена сенатомъ. Еще въ 1862 году министерство внутреннихъ дѣлъ циркулярно увѣдомило губернское начальство о томъ, что оно признаетъ необходимымъ подчинить фотографическія заведенія дѣйствію правилъ о типографіяхъ. Доказательствомъ того, что распоряженіе это примѣнялось до недавняго времени, можетъ служить сенатскій указъ 1898 года, которымъ по жалобѣ заинтересованнаго лица разъяснена неправильность такого распространительнаго толкованія ст. 158-й. Въ этой статьѣ „типографіямъ и литографіямъ приравняются, — разъясняетъ сенатъ, — лишь подобныя имъ заведенія, занимающіяся *тисненіемъ* буквъ и изображеній, т. е. воспроизведеніемъ ихъ механическими способами, подъ каковое опредѣленіе фотографическія заведенія подведены быть не могутъ“. Правда, мѣстная администрація ссылается на указанный старый министерскій циркуляръ, подчинившій фотографіи дѣйствію правилъ о типографіяхъ. Но, — говорится въ разъясненіи сената, — „одно лишь административное распоряженіе министра, по нашему законодательству (стт. 51, 65, 81 Зак. Осн. т. I ч. 1, стт. 153, 154, 156 Учрежд. мин., т. I ч. 2, изд. 1892 г.), не могло установить подобнаго подчиненія, въ законѣ не преду-

смотрѣннаго“ (см. „Разъясн. перв. общ. собр. прав. сен.“, изд. „Журн. Мин. Юст.“, стр. 159). Нѣтъ надобности доказывать, что въ наше время далеко не излишне авторитетное со стороны сената напоминаніе о существованіи этихъ важныхъ постановленій закона. Можно только прибавить, что состоявшійся два года назадъ пересмотръ ст. 158-й Уст. ценз. указываетъ на то, что административная практика по отношенію къ фотографіямъ не оправдывалась ни дѣйствующими постановленіями закона, ни соображеніями цѣлесообразности: въ разсчитываемомъ отношеніи новая редакція статьи является буквальнымъ воспроизведеніемъ старой. Такимъ образомъ и здѣсь, при пересмотрѣ закона въ законодательномъ порядкѣ, не оказалось надобности идти навстрѣчу распространительному толкованію, принятому на практикѣ администраціей.

V.

Печать и почта.

Почта, имѣя своей задачей содѣйствіе письменнымъ сношеніямъ, стала съ развитіемъ періодической печати главнымъ орудіемъ для распространенія ея произведеній. Какое мѣсто въ операціяхъ почты занимаетъ въ настоящее время пересылка и доставка абонентамъ повременныхъ изданій, можно видѣть изъ того, что на 849 милліоновъ почтовыхъ отправленій, прошедшихъ черезъ русскую почту въ послѣдній годъ минувшаго столѣтія, приходится 226 милліоновъ экземпляровъ журналовъ и газетъ. Въ это число вошли лишь тѣ произведенія повременной печати, которыя направляются адресатамъ непосредственно отъ редакцій, но кромѣ того въ видѣ бандерольныхъ отправленій по почтѣ идутъ десятки милліоновъ печатныхъ произведеній (въ 1896 г., напр., ихъ насчитывалось 55 милл.),

значительная доля которых опять-таки должна быть отнесена къ разряду газетъ и журналовъ. Такимъ образомъ можно сказать, что изъ пяти почтовыхъ отправленій, приходящихся въ настоящее время по расчету почтоваго вѣдомства на каждого жителя Россіи въ годъ, два заключаютъ въ себѣ произведенія печати и главнымъ образомъ — повременной. Этотъ родъ почтовой корреспонденціи вдобавокъ довольно быстро возрастаетъ въ числѣ. За послѣднюю четверть минувшаго вѣка количество газетъ и журналовъ, пересланныхъ по почтѣ, увеличилось почти въ шесть разъ (съ 38 милл. экземпляровъ въ 1874 г. до 226 милл. въ 1900 г.).

Словомъ, несмотря на развитіе почтовыхъ операцій вообще, такъ-называемая газетная операція, имѣющая задачей доставку періодическихъ изданій подписчикамъ, занимаетъ видное мѣсто въ дѣятельности современной почты, уступая по размѣрамъ лишь обмѣну простой письменной корреспонденціи. Но нельзя сказать, чтобы параллельно количественному росту шло и усовершенствованіе этой важной отрасли почтоваго дѣла. Для примѣра можно указать на интересный эпизодъ съ неудачной попыткой ввести у насъ систему открытой пересылки періодическихъ изданій взамѣнъ пересылки ихъ въ пакетахъ съ адресами подписчиковъ. Попытка эта была сдѣлана въ 1868 году, но, по словамъ составителей юбилейной исторіи нашей почты, „на практикѣ почтовыми учрежденіями были допущены столь важные беспорядки по этой операціи, что правильная разсылка газетъ и журналовъ вскорѣ сдѣлалась невозможной. Опасаясь повторенія подобныхъ беспорядковъ и въ будущемъ, почтовое вѣдомство въ слѣдующемъ же 1869 г. признало необходимымъ отказаться отъ пріема подписки на періодическія изданія во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ (эта мѣра была принята одновременно съ введеніемъ открытой пересылки) и отъ продолженія опыта разсылки ихъ къ иногороднимъ подписчикамъ открыто“. Съ тѣхъ поръ

новыхъ попытокъ введенія системы открытой пересылки газетъ и журналовъ не дѣлалось, несмотря на то, что она представляетъ несомнѣнные удобства для редакцій, да и для почты, если судить по распространенности ея на Западѣ.

Почтовая такса за пересылку періодическихъ изданій подвергалась у насъ неоднократно пересмотру, но и въ этомъ отношеніи остается сдѣлать еще много. До половины минувшаго столѣтія газетная операція (какъ пріемъ подписки на газеты и журналы, такъ и рассылка ихъ подписчикамъ) составляла частный промыселъ почтъ-директоровъ и почтмейстеровъ, доставляя имъ довольно значительный доходъ. Въ 1852 г. государство выкупило эту операцію у восьми лицъ, въ пользу которыхъ поступалъ газетный доходъ, и установило первую казенную таксу за пересылку по почтѣ періодическихъ изданій. Такса эта отличалась крайней несложностью: изданіе, выходящее не чаще одного раза въ недѣлю, платило съ экземпляра 1 р. 50 к., съ газетъ, выходящихъ до трехъ разъ въ недѣлю, взымалось по 2 руб. и съ ежедневныхъ — 3 рубля. Но и тогда уже, по словамъ составителей юбилейнаго обзора дѣятельности русской печати, неудобство этой таксы сознавалось, и главному почтовому начальству было предоставлено право допускать нѣкоторое пониженіе для полезныхъ изданій, предпринимаемыхъ съ благотворительной цѣлью, либо для распространенія какихъ-нибудь специальныхъ свѣдѣній. Эта такса номинально просуществовала до конца шестидесятыхъ годовъ, хотя фактически уже задолго до пересмотра строгое примѣненіе ея стало невозможнымъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ на русскомъ журнальномъ рынкѣ появляются дешевыя изданія, и съ расширеніемъ круга читателей вообще обнаруживается стремленіе понизить подписныя платы на газеты и журналы. Понятно, что если трехрублевый накладной расходъ по пересылкѣ можетъ еще вынести газета стоимостью

въ 15—17 рублей за годовой экземпляръ, то для изданія въ 10 или даже въ 4—6 рублей такая почтовая такса представляетъ непосильное бремя. Поэтому съ развитіемъ болѣе дешевой прессы главное почтовое начальство, какъ свидѣтельствуется тотъ же оффиціаль- ный историческій очеркъ, постоянно „вынуждалось“ къ пониженію платы за пересылку. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ насчитывалось уже до 150-ти періодическихъ изданій, т.-е. больше половины общаго числа журналовъ и газетъ того времени, пользовавшихся льготами по пересылкѣ, такъ что „то, что допускалось ранѣе какъ исключеніе, обратилось въ правило, а нормальная такса примѣнялась лишь въ видѣ изыятія“. Въ 1868 году установлена была по этой причинѣ новая такса — въ размѣрѣ 20% съ подписной цѣны изданія. Такимъ способомъ для изданій, годовой экземпляръ которыхъ стоилъ меньше 15-ти рублей, плата за пересылку была понижена противъ прежней нормы. Въ слѣдующемъ году такса была еще уменьшена для еженедѣльныхъ изданій до 15%, и для ежемѣсячныхъ до 10% съ подписной цѣны. Это были первые шаги къ установленію нынѣ дѣйствующей системы. Вопросъ еще разъ былъ пересмотрѣнъ въ 1871 году, и такса установлена въ 8% для ежемѣсячныхъ журналовъ, въ 12%—для еженедѣльныхъ и въ 16%—для ежедневныхъ изданій, съ тѣмъ однако, чтобы плата за пересылку взималась не съ подписной цѣны за самое изданіе, а съ объявленной цѣны его съ пересылкой, считая въ этой цѣнѣ всѣ расходы по изданію и отправленію газеты или журнала.

Сравнительно съ тѣмъ, во что обходилась почтовая пересылка раньше, такса 1871 года могла быть названа умѣренной. Для ежедневной печати пониженіе оказалось однако не особенно значительнымъ: большія газеты стараго типа стали платить вмѣсто 3 руб., примѣрно, 2 р. 40 коп. за экземпляръ, а дешевая ежедневная пресса выиграла относительно даже меньше.

При установленномъ въ 1871 году минимумѣ платы за пересылку ежедневныхъ изданій въ 1 р. 20 коп. за годовой экземпляръ газета съ подписною цѣной въ 6 руб. должна была платить уже не 16%, а 20%, а маленькая четырехрублевая газета даже 30%. Къ сожалѣнію, въ позднѣйшее время стоимость пересылки періодическихъ изданій не только не удешевилась, но еще увеличилась. Въ 1886 году „вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на укупорочный матеріалъ и перевозку почты“, какъ объясняютъ составители историческаго очерка нашей почты, такса была увеличена для каждой изъ указанныхъ категорій еще на 2% (т.-е. до 10% для ежемѣсячныхъ изданій, до 14%—для еженедѣльныхъ и до 18%—для ежедневныхъ). Въ обременительности этой таксы для дешевыхъ изданій убѣдилось изъ десятилѣтней практики и почтовое вѣдомство. Но тѣмъ не менѣе нормальнаго размѣра ея на этотъ разъ не измѣнили, а возвратились къ порядку 1852 года: въ 1895 году было признано „соотвѣтственнымъ понижать, въ уважительныхъ случаяхъ, минимальную плату установленной процентной таксы съ подписной цѣны съ пересылкой“, т.-е., напр., для четырехрублевой газеты—до 72 к., для трехрублевой—до 54 к. вмѣсто 1 р. 20 к.

Эта льгота, конечно, имѣетъ существенное значеніе для маленькихъ газетъ, и разъ она допущена почтовымъ вѣдомствомъ, очевидно, что почта, при современныхъ ея средствахъ и условіяхъ, можетъ безубыточно для себя взимать съ изданій извѣстнаго типа новую уменьшенную плату. Но облегченіе дѣлается, какъ мы видѣли, не по общему правилу, не всѣмъ изданіямъ одного рода, а только „въ уважительныхъ случаяхъ“, нѣкоторымъ. Послѣдствіемъ такого рѣшенія вопроса можетъ быть одно изъ двухъ: либо, какъ въ старые годы, почтовое управленіе будетъ постоянно „вынуждаться“ къ разрѣшенію льготной таксы и превратитъ исключеніе въ норму, либо эта льгота обратится въ дополнительное средство административнаго воздѣй-

ствія на печать. Но ни въ томъ, ни въ другомъ, казалось бы, нѣтъ ни малѣйшей надобности.

VI.

Почтовая цензура.

Отношенія почты къ повременной печати не ограничиваются распространеніемъ ея произведеній. Кромѣ роли посредника между публикой и печатью на нашу почту возлагается также роль таможи, которая, по выраженію государственнаго совѣта въ его мнѣніи о цензурномъ Уставѣ 22-го апрѣля 1828 года, „не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, но лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволено тарифомъ“ *). Почтовое вѣдомство въ своемъ юбилейномъ очеркѣ признаетъ, что эти цензурные обязанности,—собственно цензура иностранныхъ журналовъ и газетъ, — „не имѣютъ прямого отношенія къ почтовымъ операціямъ въ собственномъ смыслѣ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно отмѣчаетъ, что предположеніе слить почтовую цензуру съ общей цензурой (въ царствованіе Александра II) было отклонено по двумъ соображеніямъ: во-1-хъ, потому, что цензура иностранныхъ газетъ и журналовъ „близко соприкасается съ вопросами иностранной политики и должна руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ ближайшими указаніями министра иностранныхъ дѣлъ“, а во-2-хъ, потому, что почтовое вѣдомство „можетъ успѣшно вести операцію разсылки и доставки иностранныхъ періодическихъ изданій лишь при совмѣстномъ производствѣ этой операціи съ цензурнымъ

*) См. „Историч. обзоръ дѣятельн. мин. нар. просв.“. Спб. 1902, стр. 217.

разсмотрѣніемъ тѣхъ же изданій“. Трудно сказать, какое значеніе имѣлъ въ данномъ случаѣ первый мотивъ. Послѣ того какъ министерство иностранныхъ дѣлъ Высочайшимъ указомъ 2-го марта 1862 года было освобождено „отъ всякаго участія“ въ цензурѣ статей и извѣстій политическаго содержанія въ русскихъ изданіяхъ, казалось бы, послѣдовательнѣе было бы снять съ него эту обязанность и по отношенію къ иностраннымъ газетамъ и журналамъ, доставляемымъ въ Россію. Къ сожалѣнію, въ юбилейномъ очеркѣ почтоваго вѣдомства не сообщено, приходится ли ему на самомъ дѣлѣ пользоваться въ своей цензурной дѣятельности „ближайшими указаніями“ министерства иностранныхъ дѣлъ, или подобныя указанія только считаются возможными. Что же касается другого мотива къ сохраненію отдѣльной почтовой цензуры, то, кажется, нѣтъ основаній сомнѣваться, что ему придавалась и придается наибольшая важность. Могли, дѣйствительно, возникнуть опасенія, что съ передачей въ другое вѣдомство цензуры иностранныхъ изданій рассылка и доставка ихъ замедлятся. Можно сказать однако, что и „совмѣстное производство этой операціи съ цензурнымъ разсмотрѣніемъ“ не увѣнчалось пока слишкомъ большими успѣхами собственно почтовой дѣятельности.

Столѣтняя исторія нашей почты показываетъ, что для печатнаго слова, идущаго изъ-за границы, она всегда была скорѣе таможней, нежели средствомъ сообщенія. „Насколько строги были цензурныя условія по отношенію къ иностраннымъ изданіямъ въ началѣ минувшаго столѣтія, можно видѣть изъ того, что выдача дипломатическому корпусу въ Петербургѣ получаемыхъ имъ изъ-за границы газетъ и журналовъ безъ предварительной цензуры была разрѣшена лишь въ 1823 году, причемъ даже и въ это время было сдѣлано изъятіе для изданій, вовсе запрещенныхъ къ ввозу въ Россію“. Для всѣхъ другихъ читателей иностранныхъ изданій съ учрежденіемъ почтовой цензуры

рѣшено было ежегодно составлять передъ подпиской списокъ дозволенныхъ къ полученію изъ-за границы газетъ и журналовъ. Въ 20-хъ годахъ черезъ петербургскій почтамтъ по этому списку выписывалось всего 66 различныхъ газетъ и журналовъ, въ 1839 г.—150, въ 1865 г.—480, въ 1882 г.—лишь 490. Если вспомнить, что иностранная повременная печать насчитываетъ десятки тысячъ изданій, можно было бы подивиться ограниченности спроса на нихъ со стороны русской публики даже въ концѣ XIX вѣка. Но скромность требованій русскаго читателя на иностранные газеты и журналы станетъ совершенно понятной, когда мы узнаемъ нѣкоторыя подробности о порядкахъ совмѣстнаго производства почтовой и цензурной операціи.

Почтовая цензура была очень строга, какъ замѣчаютъ составители оффиціального очерка, но въ не меньшей мѣрѣ она была и медлительна. Изъ 66-ти газетъ и журналовъ, доставлявшихся нашей почтой изъ-за границы петербургскому читателю 20-хъ годовъ, только „десять цензуровались и раздавались публикѣ въ день полученія почты, прочіе же разсматривались до прибытія слѣдующей почты“. Въ 30-хъ годахъ „крайняя медленность въ разсмотрѣніи иностранныхъ газетъ и журналовъ“ побудила усилить личный составъ почтовой цензуры; та же мѣра и по той же причинѣ повторялась затѣмъ неоднократно, вплоть до конца прошлаго столѣтія. Однако еще въ 40-хъ годахъ, напр., только ежедневныя изданія выдавались подписчикамъ въ день полученія ихъ въ Петербургѣ. Измѣнился ли этотъ порядокъ позже,—прямыхъ указаній на это въ историческомъ очеркѣ нашей почты не имѣется. Но въ томъ, что стремленіе облегчить задачу почтовыхъ цензоровъ въ прямой ущербъ интересамъ публики оказывалось сильнымъ до сравнительно недавняго времени, убѣждаетъ слѣдующій любопытный фактъ. Въ второй половинѣ вѣка, съ развитіемъ журнальной дѣятельности за границей и расширеніемъ

культурнаго слоя русскаго общества, недостаточность списка иностранных повременныхъ изданій, на которыя можно подписываться черезъ почтамты, становилась все ощутительнѣе. Поэтому естественно должны были явиться попытки полученія газетъ и журналовъ, не вошедшихъ въ этотъ списокъ, по почтѣ подъ бандеролью. Но,—разсказываетъ почтовое вѣдомство, — „изъ опасенія слишкомъ большаго наплыва такихъ иностранныхъ изданій они сначала возвращались обратно за границу безъ предварительнаго цензурнаго просмотра. Порядокъ этотъ, представлявшій собою значительныя неудобства и стѣсненія для публики, былъ окончательно отмѣненъ съ 1883 г., когда было установлено повсемѣстное цензуrowаніе всѣхъ иностранныхъ періодическихъ изданій, получаемыхъ подъ бандеролью, за исключеніемъ ежедневныхъ, на просмотръ которыхъ не доставало наличныхъ цензурныхъ силъ. вмѣстѣ съ тѣмъ было разрѣшено выдавать безъ цензурнаго просмотра всѣ получаемыя изъ-за границы спеціальныя и чисто научныя изданія, изданія на малораспространенныхъ языкахъ, а также адресованныя редакціямъ русскихъ газетъ и журналовъ“. Какое значеніе имѣло распоряженіе 1882 года и какъ великъ былъ ущербъ для публики отъ обратной отсылки иностранныхъ изданій, можно судить по тому, что за послѣднія 18 лѣтъ минувшаго вѣка число иностранныхъ газетъ и журналовъ, проходившихъ черезъ почтовую цензуру, возросло съ 490 до 5,000. Но и распоряженіе 1882 года, какъ мы видѣли, не совсѣмъ покончило съ прежнимъ порядкомъ, допустивъ нѣкоторое и весьма существенное изъятіе изъ общаго правила по причинѣ недостатка въ „цензурныхъ силахъ“.

Съ теченіемъ времени однако наплывъ иностранныхъ повременныхъ изданій въ Россію, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ увеличиваться. Какихъ же мѣръ слѣдуетъ ожидать для того, чтобы доставка иностранныхъ газетъ и журналовъ русскимъ подписчикамъ не пришла

въ полное разстройство вслѣдствіе медленности почтовой цензуры. Будутъ ли снова и снова усиливаться штаты почтовыхъ цензоровъ, но до какого же предѣла? Есть, разумѣется, и другой путь, въ сущности совершенно безопасный, но по этому пути пока сдѣлано лишь нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ. Какъ отмѣчено выше, редакціямъ газетъ и журналовъ почта можетъ доставлять періодическія изданія безъ цензурнаго просмотра. Кромѣ того въ 1896 году законъ предоставилъ начальнику главнаго управленія почтъ и телеграфовъ разрѣшать отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ безцензурное полученіе періодическихъ изданій изъ-за границы... Находясь въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, связавъ себя многочисленными и неразрывными нитями полтики, культуры и промышленности съ цивилизованнымъ міромъ, мы не можемъ отгородиться ни отъ наплыва его идей, ни отъ вторженія главнаго орудія распространенія ихъ—его повременной печати.

VII.

Ошибка печати.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (1904 г. № 255) появилось коротенькое сообщеніе слѣдующаго содержанія: „министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178 Уст. о ценз. и печ., опредѣлилъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Наша Жизнь“. Случай не новый, настолько примелькавшійся, что русскій читатель пересталъ уже реагировать на впечатлѣнія этого рода. Подходитъ онъ къ газетному кіоску и спрашиваетъ: „Нашу Жизнь“.—Нѣтъ ея. Запрещена.—Какъ, совсѣмъ?...—Въ розницу... Не возьмете ли „Новое Время?“—Только и всего. Но если бы и нашелся настойчивый читатель, готовый повторить свое требованіе въ книж-

номъ магазинѣ или въ конторѣ газеты, то вездѣ онъ встрѣтилъ бы тотъ же отказъ. Не больше разговоровъ вызываютъ эти случаи и въ писательской средѣ. Здѣсь спрашиваютъ: за что? — Неизвѣстно еще. Вѣдь это не предостереженіе, безъ мотивовъ... Редакторъ, говорятъ, поѣхалъ справиться.—Фельетонъ тамъ былъ...—Нѣтъ, скорѣе за передовую...—Да?.. Ну, не первые они, да и не послѣдніе, должно быть... И „инцидентъ“ считается исчерпаннымъ.

Но, какъ часто бываетъ, эта обыкновенная въ газетномъ дѣлѣ напасть, всѣми извѣданная, всѣмъ, казалось бы, хорошо, до мельчайшихъ подробностей, извѣстная, остается на повѣрку, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, порядкомъ неразобранной, пребываетъ въ положеніи знакомой незнакомки. Легкомысленное или небрежное отношеніе къ фактамъ, затрагивающимъ жизненные интересы общества, никогда и нигдѣ не проходитъ даромъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ оно оплачивается дорогою цѣною...

Что такое воспрещеніе розничной продажи поврежденнаго изданія? Отвѣтъ ясенъ: административная кара, налагаемая на газету или на журналъ за такъ называемое „вредное направленіе“. Фактически, пожалуй, эта мѣра имѣетъ именно такое значеніе. Но напрасно вы стали бы искать подтвержденія этого взгляда въ законѣ. Глава цензурнаго устава „о мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ вредное направленіе, и объ административныхъ взысканіяхъ“ умалчиваетъ о воспрещеніи розничной продажи газетъ и журналовъ, какъ карательной или даже предупредительной мѣрѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ и подчиненные ему цензурные органы, пользуется широкими полномочіями для огражденія публики отъ „вреда“, причиняемаго поврежденною печатью. Изданіямъ дѣлаются предостереженія; отдѣльные выпуски ихъ могутъ быть задержаны по распоряженію администраціи и уничтожены; самое изданіе мо-

жетъ быть прекращено на срокъ, безсрочно или навсегда. Существуют даже такіе способы воздѣйствія на періодическую печать вреднаго направленія, какъ педозволеніе печатать разсужденія „о несовершенствахъ существующихъ у насъ постановленій“ и „о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ“. Легко понять, что значитъ подобное распоряженіе, если оно обращено къ органу, имѣющему, по утвержденной правительствомъ программѣ, характеръ общаго политико-литературнаго изданія. Мало того: русской газетѣ можно запретить печатаніе даже частныхъ объявленій. Но все же пока она существуетъ, ея редакторы и издатели не могутъ быть, согласно дѣйствующему уставу о цензурѣ и печати, лишены права распространять свое изданіе въ розницу, отдѣльными номерами, такъ же, какъ и по предварительной подпискѣ. И ни одно изданіе никогда еще не было *объявлено* лишеннымъ этого права, хотя на практикѣ многія изданія, иногда подолгу, не пользовались имъ, какъ бы слѣдовало. Но это уже плодъ недоразумѣнія и нашей непривычки или неумѣнья бережно хранить прибрѣтенныя права.

Ст. 178 Уст. о ценз. и печ. дѣйствительно предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать розничную продажу какъ газетъ и журналовъ, такъ и отдѣльныхъ брошюръ, но не редакторамъ и издателямъ этихъ изданій, а разносчикамъ газетъ и содержателямъ газетныхъ кіосковъ и книжныхъ ларей, т.е. лицамъ, по опредѣленію закона (ст. 177 Уст. о ценз. и печ.), продающимъ книги и повременныя изданія „не въ лавкахъ, а на улицахъ и площадяхъ, равно какъ и въ разность“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть текстъ этой статьи. „Министру внутреннихъ дѣлъ — гласитъ ст. 178 — предоставляется право указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ оными дозволеній на розничную продажу на улицахъ,

площадяхъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ и торговыхъ заведеніяхъ разнаго рода дозволенныхъ книгъ и повременныхъ изданій, отдѣльными нумерами, тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ“. Но конторы и редакціи газетъ и журналовъ не нуждаются въ подобныхъ полицейскихъ разрѣшеніяхъ. Право распространять свои изданія въ публикѣ они получаютъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ изданія, а не на основаніи дозволенія со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства. Даже книжные магазины и лавки, учрежденіе которыхъ разрѣшается тоже въ особомъ порядкѣ (ст. 158, 159 и 175 Уст. ценз.), не сходномъ съ порядкомъ разрѣшенія уличнаго торгога газетами и книгами, не теряютъ права продавать отдѣльные номера газеты, когда она, на основаніи ст. 178 Уст. ценз., воспрещена въ розничной продажѣ у разносчиковъ и уличныхъ торговцевъ произведеніями печати. Законъ разрѣшаетъ книжнымъ лавкамъ и магазинамъ „держать у себя и продавать“, какъ гласитъ ст. 179 Уст. о ценз. и печ., „еще не запрещенныя изданія, напечатанныя въ Россіи“. Но очевидно, что повременное изданіе, относительно котораго принята мѣра, предусмотрѣнная въ ст. 178, не можетъ считаться запрещеннымъ. Напротивъ, это изданіе дозволенное, иногда даже — предварительною цензурою. Въ какой мѣрѣ неосновательно смѣшиваются эти два понятія, видно изъ того, что дѣйствіе ст. 178 распространяется не только на повременныя изданія, но и на брошюры. Повременное изданіе даже въ томъ случаѣ, если оно подверглось безусловному воспрещенію въ розничной продажѣ, можетъ быть распространяемо по подпискѣ на тотъ или иной срокъ. Но если придавать распоряженіямъ, основаннымъ на ст. 178, широкій смыслъ, то для отдѣльныхъ брошюръ такое воспрещеніе было бы равносильно полному запрещенію. Между тѣмъ, для запрещенія напечатанныхъ съ дозволенія

цензуры книгъ (а всѣ брошюры безъ исключенія подлежатъ у насъ даже предварительной цензурѣ) существуетъ другой порядокъ, и самое запрещеніе обставлено, по закону, нѣкоторыми важными и для власти, и для издателя условіями. Въ ст. 180 Уст. о ценз. говорится: „если правительство признаетъ за нужное запретить напечатанную съ дозволенія цензуры книгу, то книгопродавцы обязываются, чрезъ полицію, подпiscoю, не имѣть и не продавать оной, подвергаясь за нарушеніе сего взысканію по законамъ. Напечатавшій же дозволенную и потомъ запрещенную книгу получаетъ отъ правительства удовлетвореніе за понесенный чрезъ то убытокъ“. Слѣдовательно, будь воспрещеніе розничной продажи на основаніи ст. 178 равнозначительно полному воспрещенію продажи отдѣльных экземпляровъ изданія, издатели брошюръ, подвергшихся дѣйствію такого распоряженія, имѣли бы право иска къ министерству внутреннихъ дѣлъ о возмѣщеніи убытковъ. Отъ такого смѣшенія понятія частичнаго ограниченія съ изъятіемъ изъ обращенія, вѣроятно, откажется прежде всего министерство. Но это одно изъ необходимыхъ послѣдствій широкаго толкованія права, предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ ст. 178.

На самомъ дѣлѣ, однако, воспрещеніе розничной продажи какого-либо изданія есть лишь воспрещеніе, на точномъ основаніи ст. 178, продажи его въ уличныхъ кіоскахъ, съ ларей желѣзнодорожныхъ станцій, въ разность. Ни книжныхъ магазиновъ, ни тѣмъ болѣе конторъ и редакцій повременныхъ изданій такое запрещеніе отнюдь не касается. Если бы издатель газеты, изъятой изъ розничной продажи, или даже владѣлецъ книжнаго магазина былъ обвиненъ въ нарушеніи распоряженія, основаннаго на ст. 178, то судъ, по крайней мѣрѣ, въ высшей инстанціи, несомнѣнно освободилъ бы его отъ отвѣтственности за отсутствіемъ въ его дѣяніи какого-либо правонарушенія. Если, однако, на практикѣ ст. 178 Уст. о ценз. примѣняется въ смыслѣ

широкаго ничѣмъ неограниченнаго воспрещенія розничной продажи газетъ и журналовъ, то вина за это лежитъ на издателяхъ. Въ оправданіе ихъ можно привести много вѣскихъ соображеній: это—ошибка, по обстоятельствамъ мѣста и времени извинительная, но все-таки это—ошибка дѣятелей печати. Практика примѣненія нашихъ цензурныхъ узаконеній изобилуетъ подобными ошибками. Въ однихъ случаяхъ онѣ сдѣланы цензурнымъ вѣдомствомъ, въ другихъ—учрежденіями, кодифицирующими наши законы, въ третьихъ—сенатомъ и т. д. Но ошибалась и печать. Такъ, въ данномъ случаѣ, широкое распространеніе, въ качествѣ административно-карательной мѣры, воспрещенія розничной продажи періодическихъ изданій должно быть, по всей справедливости, признано ошибкой печати.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I. Списокъ періодическихъ изданій, подвергшихся
административнымъ взысканіямъ въ 1865 —
1904 гг.

II. Сводъ данныхъ о мотивахъ предостереженій,
полученныхъ журналами и газетами въ 1865—
1904 гг.

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія
изданія: 1-е 2-е 3-е

Предостереженіе: Временная пристановка
по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.

Воспрещ. розничной
продажи. Воспрещ.
печ. частн. объявл.
Оконча-
тельна. пре-
кращеніе.

1. Ардаганъ . .

1884

1898

Изданіе пре-
кращено совѣ-
щаніемъ 4-хъ
министровъ
на основ.
примѣч. къ
ст. 148 Уст.
ценз.

1898*

*) По рас-
поряжен.
главно-
начальств.
на
Кавказѣ

1

2. Baltische Mo-
natschrift . . .

1898

1

3. Bererъ . . .

1

4. Вессарабелъ.

1898
1904

1902

Существуетъ

6. Виржевая Га- зета.	1	1	1	1	1	3
	1879					1876
7. Виржевая Въ- домости (I) . .	1					
	1867 1874	1875		1877		1870 1872 1873 1875 1876 1878 1878 1878
8 Виржевая Въ- домости (II) . .	2	1		1		8
	1882	1886	1899	1899	1887	1888 1888 1890 1898 1902
9. Будильникъ .	1	1	1	1	1	2
						1874 1874
10. Вечерняя Поч- та						1
						1877 1

Годы наложения административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія:	Предостереженіе:	Временная пристановка	Воспрещ. розничной продажи.	Воспрещ. печ. частн. объявл.	Оконча- тельна пре- кращеніе.
1-е	2-е	3-е	по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.		

11. Владивосток-
ская Газета. . .

1903

1

12. Волгѣ . . .

1902
1904

2

13. Востокъ . . .

1882 1882 1884 1884

1879*

Прекрат. по-
слѣ третьяго
пред. съ прим.
примѣч. къ ст.
144 Уст. ценз.

*) По расп.
Московск.
генер.-губ.

1	1	1	1	1	1
---	---	---	---	---	---

14. Восходъ . . .

1884 1885 1891 1891 1891 1894

Существуетъ.
Дважды подме-
жалъ дѣйств.
пр. къ ст. 144.

3	2	2	2	2	2
---	---	---	---	---	---

15. Восточное
Обозрѣніе . .

1882 1884 1885 1885 1890

Въ наст. время
изд. съ дозв.
предвар. цен-
зур.

1	1	1	1	1	1
---	---	---	---	---	---

16. Роемірний Трудъ	1872	1872	1872	1872	Преобразов. въ Моск. Бир- жевую Газету.
	1	1	1	1	
17. Всеобщая Га- зета	1869	1870	1870	1870	
	1	1		1	
18. Вѣстникъ Европы	1871 1889	1873 1899			Существуетъ.
	2	2			
19. Вѣстникъ Юга			1904	1	Существуетъ.
20. Вѣсть	1866	1866			
	1	1			
21. Вятскій Край.			1898	1	Существуетъ.
22. Газета Гат- цуга	1884	1884	1884	1883	Прекрат., под- леж. дѣйствию прим. къ ст. 144, затѣмъ желез. подъ предвар. ценз.
	1	1	1	1	

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія.	Предостереженіе: 1-е 2-е 3-е	Временная приостановка по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.	Воспрещ. розничной продажи.	Воспрещ. печ. часті. объявл.	Оконча- тельна пре- кращеніе.
---------------------------	---------------------------------	---	-----------------------------------	------------------------------------	-------------------------------------

23. Gazeta Polska.

1897

1

24. Gazeta Ra-
domska

1892

1

25. Гамелиць

1879

1

26. Гацефиръ .

1888

1

27. Глазность . .

1897
1898
1898

Съ переход.
въ руки дру-
гого издателя
переимен. въ
Русъ (III).

3

1867 1867 1872 1872 1873 1880
 1872 1876 1877 1874
 1877 1877 1875
 1878 1879 1876
 1881 1881 1876
 1882 1882 1877
 1883 1883 1877
 1878
 1878
 1878
 1878
 1879
 1881
 1882
 1882
 1882

послѣпріоста.
 новки съ при-
 мѣн. примѣч.
 къ ст. 144
 Уст. ценз.

2

18

6

6

7

7

29. Gonic Lodzki.

1898

1

30. Гражданинъ.

1874 1877 1877 1877 1876 1898
 1878 1876
 1885 1878
 1888 1893 1896* 1896
 1902
 1903

Существуетъ.

1898 1899

1873 1874 1888 1888 1890 1891 1896

2

7

2

2

2

6

*) Въ 1893-мъ году, вмѣсто предостереженія, закономъ установленнаго, «Гражданину» было объявлено «строгое внушеніе», закономъ не предусмотрѣнное.

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія
изданія.

Предостереженіе: 1-е 2-е 3-е по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.

Воспрещ. розничной
продажи. Воспрещ.
печ. частн. объявл.
Окончате-
льн. пре-
кращеніе.

31. Гусли

1881

1

32. Deenes Lapa.

1897

1

33. Донская Рѣчь.

1898
1898

2

Существуетъ.

34. Дрозба . . .

Прекращ. со-
1885 вѣщ. Г. мин.
на осн. прим.
къ ст. 148
Уст. пенз.

1

35. Дѣятельность.

1870 1871 1871 1871
1871 1872 1872 1872

2 2 2 2

36. Dziennik
Lodzki

1892

1

38. Жизнь (II) . .	1901	1	Прекр. 4-хъ мин. на осн. прим. къ ст. 148.
39. Енисей . . .	1904	1	
40. Заря	1886	1	Прекрат. со- вѣщ. 4-хъ Мин. на осн. ст. 148, прим.
41. Здоровье . . .	1885	1	Прекрат. со- вѣщ. 4-хъ Мин. на осн. прим. къ ст. 148 Уст. ценз.
42. Земство . . .	1881	1	
43. Знамя	1903	1	

Годы наложенія административныхъ взысканій.

Ч И С Л О в з ы с к а н і й.

Періодическія изданія.	Предостереженіе:			Временная приістановка			Воспрещ. розничной продажи	Воспрещ. печ. частн. объява	Оконча- тельн. пре- кршеніе.
	1-е	2-е	3-е	по ст. 144.	по ст. 156.	по ст. 154.			
44. Знаніе. . . .	1871 1874	1874	1875	1875	1875				
	2	1	1	1	1				
45. Иокра. . . .	1871	1873	1873	1873	1873	1871			
	1	1	1	1	1	1			
46. Кавбекъ. . . .						1898			
						1			
47. Kaliszanin . .						1892			
						1			
48. Квали. . . .									1904
									1
49. Кіевлянинъ .									
									1895 1898 1899

Прекращ. со-
1904 вѣдан. 4 Мин.
на осн. прим.
къ ст. 148
Уст. д' из.

Существуетъ

1895
1898
1899

51. Кіевское Слово	1903	1	Существуетъ.
52. Крыжовій Вѣстникъ	1898 1893	1	Существуетъ.
53. Курскій Ли- стоуъ	1891 1893 1895 1903*	1	*) До прииск. новаго отвѣт- ствен. редак- тора.
54. Курьеръ	1902 1904	1	Не выходитъ.
55. Кур. , Рогал.	1899 1891	1	
56. Лучъ	1897	1	Не выходитъ за утвержд. редактора.
57. Минскій Ли- стоуъ	1897	1	

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія,	Предостереженіе:			Временная пристановка			Воспрещ. розничной продажи.	Воспрещ. печ. части. объявл.	Оконча- тельна пре- крашеніе.
	1-е	2-е	3-е	по ст. 144.	по ст. 156.	по ст. 154.			
58. Минута . . .				1882	1889		1884 1885 1887 1890		Преобразов. въ Русскую Жизнь.
59. Міровые Отго- локи	1898						4		
60. Молва (I) . . .	1876	1876	1876	1876				1897	
61. Молва (II) . .	1880								
62. Молва	1867	1867	1867	1867					Преграш. Пр. Сев. на осн. ст. 148 Уст. цен.
63. Молвничъ . . .									Преграшенье по особому Вис. пов.

Годы наложенія административныхъ взысканій.

Періодическія изданія.	Число взысканій.				Воспрещ. розничномъ продажѣ.	Воспрещ. печ. частн. объявл.	Оконча- тельны. пре- кращеніе.
	Предостереженіе: 1-е	2-е	3-е	Временная постановка по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.			
71. Наблюдатель.	1883 1895	1885	1888	1888			Не выходить.
	2	1	1	1			
72. Народный Го- лосъ	1867	1867	1867	1867			
	1	1	1	1			
73. Народъ					1898 1899	1897 1899	Не выходить.
					2	2	
74. Начало							1899 Прекращ. со- бщан. 4 ми- нистр. на осн. прим. къ ст. 148 Уст. ценз.
							1
75. Напѣтъ Вѣкъ .							1877

прекратилась
въ 1901 г по
распор. м. вв.
дѣл на осн.
ст. 131 Уст. о
пенз.

76. Недѣля . . .	1868	1869	1869	1869	1874	1875
	1870	1871	1871	1871		
	1873	1874	1876	1876		
	1876	1877				
	1878	1878	1879	1879		
	1884	1896				
77. Нижегород- скій Листокъ.	6	6	4	4	2	
					1898	1899
					2	
78. Новая Газета.	1881					
	1					
79. Новое Время.	1868	1868	1871	1871	1870	1870
	1872	1872	1874	1874	1872	1872
	1877				1873	1873
	1879	1880	*		1875	1875
					1875	1875
					1876	1876
					1877	1877
					1878	1878
					1879	1879
					1891	1891
					1898	1898
					1903	1903
	4	3	2	2	1	13

*) Въ 1904 г. вмѣсто предостереженія получила „строгое внушеніе“.

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія.	Предостереженіе:	Временная пріостановка	Воспрещ. роизвѣщаній. печ. частн. объявл. Оконч. тѣлн. пре- крѣщеніе.	1897	Изданіе пре- кращено на основ. прим. къ ст. 148 Уст. ценз., совѣщ. четырехъ ми- нистръ.
1-е	2-е	3-е	по ст. 144, по ст. 156, по ст. 154.		
80. Новое Слово.					

81. Новороссій-
скій Телеграфъ

1892

82. Новости. . .	1883	1891	Существуетъ.
------------------	------	------	--------------

1877
1884
1885
1889
1896
1897
1901
1903
1903
1904

84. Nordirche Presse.	1872	1873 1873	
	1	2	
85. Одесскій Вѣст- никъ.		1888	
		1	
86. Одесскій Лио- тоуъ.		1881 1897 1898	Существуетъ.
		3	
87. Одесскія Но- вості.		1898	Существуетъ.
		1894 1902	
88. Орловскій Вѣстникъ.		1	2
		1904	
		1	
89. Отечествен- ныя Записки.	1872 1879	1883	1884 Прекращ. по постан. 4 мин. на осн. прим. къ ст. 144 Уст. ценз.
	2	1	1

Годы наложенія административныхъ выгованій.

Періодическія изданія.	Ч и с л о в ы с к а н і й.					Существовать.
	Предостереженіе: 1-е	2-е	3-е	Временная постановка по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.	Воспрещ. розничн. продажн. Воспрещ. печ. частн. объявл. Оконча- тельн. пре- кращеніе.	
90. Петербург- ская Газета...	1872 1873	1873	1873	1873	1877	1872 1873 1874 1876 1893 1894 1898 1901 1902 1904
91. Петербургскій Листокъ . . .	1867	1868	1875	1875	1897	1871 1879 1882 1883 1884 1901
92. По морю и сушѣ . . .	1	1	1	1	1	6
	2	1	1	1	1	10

94. Правда . . .	1	1	1	1880	Преграждена по распоряженію Одесскаго генерал-губернатора.
					1
95. Право. . .	1903	1904			Существуетъ.
	2	1			
96. Приднѣпровскій Край. . .			1902		Существуетъ.
			1		
97. Приваспійская Торгово-Промышленн. Газета. . . .				1902	
					1
98. Приазовскій Край			1899		Существуетъ.
			1		
99. Пчелка. . .			1887		
					1
100. Развлеченіе.		1903	1892		Существуетъ.
		1	1		

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія.	Предостереженіе:			Временная приостановка			Число взысканій.		
	1-е	2-е	3-е	по ст. 144,	по ст. 156,	по ст. 154.	Воспрещ. рождения продаж.	Воспрещ. печ. част. объяв.	Оконча- тельн. пре- кращеніе.
101. Rigasch. Brs.- Hnd.-Zeitung .							1889		
102. Rig. Zeitung.							1		
103. Россия (I) .						1880			
104. Россия (II) .						1			
						1899			1902 Прекращ. по постановлен. совѣщ. 4 мин. на основан. ст. 148, прим.
						1899			
						1901			
						1901			
105. Русская Жизнь	1892					4			1
						1891		1891	1895 Прекраще- на основаніи пр. къ ст. 148 Уст. ценз.
						1892		1893	
						1893		1894	
						1893			
						1894			

1904 Препращена
созданіемъ
4 министровъ
на основаніи
пр. къ ст. 144
Уст. ценз.

					1				
107. Русская Лѣ- топись					1871	1871	1871	1871	
					1	1	1	1	
108. Русская Мысль					1883	1893			Существуетъ.
					1	1			
109. Русская Правда. (I) . . .					1878 1879 1880	1879 1879 1879	1879 1879 1879	1879 1879 1879	
					3	2	2	2	
110. Русскій Курьеръ					1880 1883	1881 1884	1881 1889	1881 1889	Прекратился послѣ времен. пріостановки всѣхъ дѣлъ примѣненія пр. къ ст. 144.
							1880 *) 1881 1887 1889	1889	
					2	2	2	2	
							1	1	
							4	4	
							1	1	

*) По распоряженію Моск. генер.-губернатора.

Годы наложенія административныхъ взысканій.

Число взясканій.					Существуетъ.
Періодическія изданія.	Предостереженіе: 1-е	2-е	3-е	по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.	
111. Русскій Летописьъ . . .					Воспрещеніе показаній. Воспрещеніе печ. части. Объявл. Окончаніе тѣхъ пре- крѣпленіе.
					1899 1900
					1
112. Русскій Миръ	1871 1875 1878	1875 1876 1878	1875 1876 1879	1875 1876 1879	1872 1874 1876 1876 1877 1878
	3	3	3	3	6
113. Русскій Трудъ	1897	1899	1899	1899	1898 1897 1899
					Прекращенъ составъ. 5 мин. (участ. и мин. финансовъ) на осн. прим. къ ст. 148.

Существуетъ;
съ 1898 г. по
1901 г. послѣ
пріостановки
вслѣдствіе
3-го предо-
стерережія,
подлежали
карательной
цензурѣ (на
основ. прим.
къ ст. 144
Уст. ценз.).

1873	1891	1898	1901	1870
1878				1871
				1873
				1874
				1878
				1884
				1886
				1886
				1887
				1895
				1896
				1903
2	1	1	1	12

115. Русское Во- гачство.	1899	Существуетъ.
		<i>1</i>

116. Русское Дѣло	1888	1888	1889	1889	1887	Прекратилось послѣ пріост. съ примѣнен. ст. 144, прим.
	1	1	1	1	1	

[illegible]

Годы наложения административныхъ взысканій.

Периодическія изданія.	Число взысканій.					Воспрещ. розничной продажи.	Воспрещ. печ. частн. объявл.	Оконча- тельн пре- кращеніе.
	Предостереженіе: 1-е	2-е	3-е	Бременная приостановка. по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.				
118. Русское Слово (журналъ).	1865	1866	1866	1866				1866 Прекращенъ по особ. В. П.
	1	1	1	1				1
119 Русское Слово (II) . . .						1901 1903		
120. Русско-Сла- вянскіе Отго- лоски	1868	1868	1868	1868		1		
	1	1	1	1				
121. Русъ (I) (И. С. Аксаковъ).	1885							
	1							
122. Русъ (II) . .	1898	1898	1898	1898				Прекратилась послѣ приост. съ примѣнен. ст. 144, прим.
	1							1897

123. Рузь (III)	1904	Существуетъ.
124. Sakala . . .	1879 1	Существуетъ.
125. Самарская Газета	1903 1	Существуетъ.
126. Самарскій Вѣстникъ	1897 1	Существуетъ.
127. Самарскій Справочный Листокъ	1882 1	Существуетъ.
128. С.-Петербург- скія Вѣдомости.	1865 1866 1866 1881 1867 1871 1875 1877 1878 1899 1901 1904 1875 1876 1877 1877 1878 1878 1878 1878 1879 1879 1879 1879 1892 1892 1898 1898 1899 1899 1902 1902 1903 1903 1904 1904 15 1	Существуетъ.

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія.	Предостереженіе:		Временная постановка		Воспрещ. прозаичной продажи.		Воспрещ. печ. частн. объявл.		Оконча- тельна пре- кращеніе.	
	1-е	2-е	3-е	по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.						
129. St-Petersbur- ger Zeitung. . .	1868	1869			1870 1876 1879	1897			Существуетъ.	
<hr/>										
130. Саратовскій Дневникъ . . .	1	1			3	1			Существуетъ.	
<hr/>										
131. Саратовскій Листокъ . . .					1895 1902				Существуетъ.	
<hr/>										
132. Свѣточъ . .					2				Существуетъ.	
<hr/>										
					1888	1903			Существуетъ.	
<hr/>										
					1	1			Существуетъ.	
<hr/>										
									1885 Изданіе пре- кращено со- вѣщан. четв- ртыхъ минист. на основаніи прим. къ ст. 148, Уст. ценз.	
<hr/>										
										1

134. Свѣтъ и Тѣни	1	1897	
		2	
135. Сибирская Газета.	1881	1884	
	1	1	
136. Сибирская Торговая Га- зета.	1887		1889
	1888		
137. Сибирскій Вѣстникъ	2	1	
	1899		
138. Сибирь . . .	1		
	1888		
	1897		
	2		
	1897	1898	1898
	1	1	1

1889 Изданіе пре-
кращено на
основ. прим.
къ ст. 148
Уст. ценз.
совѣщаніемъ
4 министр.

Не возобно-
вилась послѣ
пріостановки
съ примѣнен.
примѣч. къ
ст. 144.

Годы наложенія административныхъ выгованій.

Ч И С Л О В ы с к а н и й.

Періодическія изданія:	Предостереженіе:	Ч И С Л О В ы с к а н и й.			Воспрещ. розничной продажи.	Воспрещ. печ. частн. объявл.	Оконча- тельн. пре- крашеніе.
	1-е	2-е	3-е	по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154			

139. Слово 1879 1879 1880 1880 1880 Прекращаюсь
за неутверж.
редактора.

140. Смоленскій
Вѣстникъ

1879
1881

Существуетъ.

141. Собесѣдникъ

1877 Изданіе
прекращ. по
Вис. Пов.

142. Свѣремен-
никъ

1865 1866

1866 Прекращенъ
на основаніи
особ. Высоч.
Повел.

Прекратилась
послѣ смерти
Н. П. Гли-
рова - Плато-
нова, за не-
утвержденіем.
новаго редак-
тора.

1870	1872	1874	1876	1871
1875	1875	1874	1885	1872
1878				1874
				1877
				1877
				1878
				1878
				1879
				1884
				1886
				1887

Прекратилась
въслѣдствіе
полученія
карагелной
цензуры на
основ. прим.
къ 144 ст.

1881	1881	1883	1883	1881
------	------	------	------	------

Преобраз. въ
Сѣвер. Вѣстн.

1869	1870	1871	1871	1873
1874	1874			1874

143. Современныя
Извѣстія . . .

3	2	1	1	2	11
---	---	---	---	---	----

144. Страна . . .

1	1	1	1	1
---	---	---	---	---

145. Судебный
Вѣстникъ . . .

2	2	1	1	1	2
---	---	---	---	---	---

146. Суфлеръ . .

					1884
--	--	--	--	--	------

Годы наложенія административныхъ взысканій.

Ч И С Л О В Ы С К А Н И Й.

Періодическія изданія.	Предостереженіе:		Временная постановка		Воспрещеніе розничной продажи.	Воспрещеніе печ. части.	Окончаніе дѣла, пре- кращеніе.
	1-е	2-е	3-е	по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.			
147. Сынъ Отече- ства	1899 1904	1899 1904	1904	1904	1887 1891 1893 1904	1897	Существуетъ.
148. Сѣверный Вѣстникъ (1) .	2	2	1	1	4	1	Преобразов. въ Судебн. Вѣстн. Прекращенъ по особому Въс. Пов.
149. Сѣверный Вѣстникъ семей. журналъ	1898		1877	1878	1878 1878	1878	
150. Сѣверный Кавказъ	1				2	1	Существуетъ.
151. Сѣверный Край					1904	1902	Существуетъ.
						1	

162. Ожверный Курьеръ	1899	1900	1900	Прекращ. на основ. прим. къ ст. 148.
	1	1	1	
153. Театральныя Извѣстія			1895	
			1	
154. Театръ и Жизнь			1889	
			1	
155. Телеграфъ	1879		1878 1878	
	1		2	
156. Улей			1881	
			1	
157. Уралецъ			1903 1904	Существуетъ.
			1	
158. Уралъ			1903	
			1	

Годы наложенія административныхъ взысканій.

число взысканій.

Періодическія изданія:	Предостереженіе:			Воспещ. розничное продажн.	Воспещ. печ. частн. объявл.	Оконча- тельн. пре- крашеніе.
	1-е	2-е	3-е			
			по ст. 144. по ст. 156. по ст. 154.			
159. Утро				1897 1897		

2

160. Фаланга . .						1881 Прекратилось по распоряж. главноначал. на Кавказѣ.
------------------	--	--	--	--	--	--

161. Финансовое Ободрѣніе . . .	1876	1876				
	1	1				

162. Франдъ (Der Fraind).					1903	
					1	

163. Хозяинъ . .	1896 1902	1897 1902	1897 1903	1897 1903		Существуетъ. Дважды подд. дѣйств. прим. въ ст. 144.
	2	2	2	2		

Юж. церковно-
Общественный
Вѣстникъ . . .

1878 1879

1 1

165. Шуть . . .	1881 1888	2	Существуетъ.
166. Эхо . . .	1882 1885 1885	2 1	Не существ.
167. Юго-запад- ная Недѣля .	1904	1	Существуетъ.
168. Югъ . . .	1894	1	Существуетъ.
169. Южанинъ..	1890	1	Преобразов. въ Южную Россию.
170. Южный Курьеръ. . .	1902	1	

Годы наложенія административныхъ взысканій.

Періодическія изданія.	Число взысканій.				Воспрещ. розничной продажи.	Воспрещ. печ. частн. объявл.	Оконча- тельн. пре- крашеніе.
	Предостереженіе	Временная приостановка	1-е	2-е			
			по ст. 144.	по ст. 156.	по ст. 154.		

171. Зага	1889						
	1						
172. Наша Жизнь 1904					1904		
1					1		
173. Русская Правда (II) . .	1904				1904		
1					1		

Итого*) . . .	125	93	64	64	23	70	218	31	37
	282								

*) Кроме того: 174) Архивъ Судебной Медицины подвергся особой карѣ (удаленіе редактора отъ должности). Въ таблицѣ отмѣчены кары, наложенныя до 15 декабря 1904 года.

Мотивы предостережений.

Биржа. Самые рѣзкія порицанія учебной реформы и произвольныя, превратныя толкованія о происходящихъ будто-бы отъ введенія оной вредныхъ послѣдствій; вся статья по тону и содержанию своему направленна къ колебанію довѣрія къ существующимъ системѣ и порядку преподаванія. (1873).

За ст. „О сборѣ таможенныхъ пошлинъ, какъ финансовой мѣрѣ“. (1876).

Вредное направленіе. (1876).

Биржевая Газета. Вредное направленіе. (1879).

Биржевыя Вѣдомости. (I) Постоянное стремленіе редакціи, рѣзкимъ порицаніемъ правительственныхъ распоряженій по части финансоваго управленія, колебать общественное къ нимъ довѣріе и тѣмъ употреблять во зло право обсуждения, предоставленное печати ст. 16, отд. IV закона 6 апр. 1865; неумѣренность и рѣзкость сужденій по текущимъ государственнымъ вопросамъ. (1887).

Вредное направленіе (1874).

Вредное направленіе (1875).

Биржевыя Вѣдомости. (II) Неумѣстное сужденіе о правахъ и обязанностяхъ печати. (1882).

Неоднократно обнаруживали вредное направленіе и продолжаютъ упорно держаться его. (1886).

Вредное направленіе. (1899).

Востокъ. Вредное направленіе. (5).

Вредное направленіе. (1882).

Постоянно прибѣгаетъ, несмотря на предостереженіе, къ дерзкимъ нападкамъ на дѣятельность лицъ высшей духовной іерархіи и съ непозволительною запальчивостью обсуждаетъ различные вопросы церковнаго управленія (1884).

Восточное Обозрѣніе. Тенденціознымъ и непрерывными нападками на сибирскую администрацію стремится дискредитировать ее въ глазахъ мѣстнаго населенія. (1882).

Ложными извѣстіями о дѣйствіяхъ сибирскихъ властей стремится ослабить авторитетъ администраціи въ населеніи и возбудить недовѣріе къ ея дѣятельности. (1884).

За ст. „Амурскія иллюзіи и разочарованія“. (1885).

Восходъ. Дерзко порицаетъ законъ и правительственныя дѣйствія и лживо истолковываетъ ихъ смыслъ и цѣли, поддерживаетъ враждебныя чувства въ одной части населенія къ прочимъ гражданамъ. (1884).

Дерзко порицаетъ законы и распоряженія, касающіеся евреевъ, и возбуждаетъ сихъ послѣднихъ противъ существующаго порядка, внушая имъ убѣжденіе, что правительство и все сословія русскаго народа относятся къ нимъ съ безопадной и слѣпой жестокостью. (1885).

За пов. Мордовцева „Между молотомъ и наковальней“ (1891).

Вредное направленіе. (1901).

Вредное направленіе. (1902).

Вредное направленіе. (1903).

Вредное направленіе, выразившееся, между прочимъ, въ статьяхъ „Къ характеристикѣ нашего безправія“, „Безъ выхода“, „Внѣ черты“, корреспонденціяхъ изъ Одессы и Кишинева. (1904).

Всемирный Трудъ. Полное отрицаніе основныхъ религіозныхъ началъ; превратное толкованіе образа дѣйствій правительственныхъ учреждений и возбужденіе тѣмъ общественнаго къ нимъ недовѣрія. (1872).

Выраженіе явнаго сочувствія къ революціоннымъ движеніямъ и стремленіе подорвать уваженіе къ правительственнымъ властямъ; проведеніе въ полемической формѣ вредныхъ социалистическихъ идей, послужившихъ уже однимъ изъ поводовъ къ объявленію предостереженія журналу, о радикальномъ направленіи кого заранѣе было объявлено его издателемъ. (1872).

Воззрѣнія, предосудительныя для значенія вообще военной силы въ государствѣ и клонящіяся къ униженію достоинства военнаго сословія; направленіе, рѣзко противорѣчащее основамъ нашего государственнаго строя; опубликованіе заранѣе, въ объявленіи о выходѣ журнала, такого направленія. (1872).

Всеобщая Газета. Рѣзкія порицанія правительственныхъ мѣропріятій по народному образованію и превратныя о нихъ

сужденія; безусловное осужденіе вновь изданнаго закона о явкѣ свидѣтелей на судъ. (1869).

Несмотря на объявленное первое предостереженіе, обнаруживааетъ прежнее предосудительное направленіе въ цѣломъ рядѣ статей. (1870).

Вѣстникъ Европы. Въ статьѣ „Политическій процессъ 1869—71 г.“ высказывается мысль, что участіе молодыхъ людей въ тайномъ обществѣ съ преступными цѣлями, послужившее поводомъ къ возбужденію политическаго процесса, было будто-бы вызвано стѣснительными со стороны правительства мѣрами; такое превратное истолкованіе дѣйствій правительства возбуждаетъ къ нему недовѣріе. (1871).

Въ статьѣ „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ“ высказывается мысль о томъ, что осужденное въ 1849 г. общество съ преступными цѣлями возникло будто-бы вельдствие мѣръ самого правительства; въ ст. „Передѣлки Судебныхъ Уставовъ“ стремленіе къ подрыву довѣрія къ правительству и превратное толкованіе дѣйствій правительства, обнаруживающее явно-вредное направленіе журнала, несмотря на объявленное уже ему предостереженіе. (1873).

Въ цѣломъ рядѣ статей журналъ относится не иначе, какъ съ осужденіемъ къ важнѣйшимъ мѣропріятіямъ правительства; статьи В. Соловьева „Очерки изъ исторіи русскаго самосознанія“ раздражительною критикою, направленною противъ русской церкви и государства въ историческомъ ихъ развитіи, внушаютъ ложныя о нихъ представленія и колеблютъ уваженіе къ основамъ ихъ и вообще къ принципу русской національности. (1889).

Вредное направленіе. (1899).

Вѣсть. Отзвѣвъ, возбуждающій неблагопріятныя отношенія между участвующими въ дѣлахъ земства сословіями, что противорѣчитъ духу основныхъ началъ положенія о земск. учрежд. (1866).

Неумѣстныя сужденія о личныхъ свойствахъ и распоряженіяхъ бывшаго г.-губернатора, несоотвѣтствующія чувству приличія, достоинству государственной службы и обязанностямъ періодической печати. (1866).

Газета Гатцука. Вредное направленіе. (1884).

Оспариваетъ основательность 1-го предостереженія, произвольно приписывая его измѣненнымъ его мотивамъ, и обнару-

живаесть такимъ образомъ, что принятая относительно ея мѣра не послужила ей въ пользу. (1884).

Предосудительное направленіе. (1884).

Голосъ. Рѣзкія порицанія и неприличныя сужденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, оскорбленіе всего дворянскаго сословія и лицъ, служащихъ правительству; превратное изложеніе историческихъ событій съ очевидною цѣлью возбудить безусловное сочувствіе къ лицамъ, противодѣйствующимъ правительству. (1865).

Оскорбительные отзывы, могущіе возбудить недовѣріе къ мѣстному начальству и неудовольствіе противъ принятыхъ имъ предупредительныхъ мѣръ; бездоказательныя и неосновательныя нареканія на правительство за непроизводительное будто бы употребленіе финансовыхъ средствъ на созданіе и поддержаніе синекуръ и на смѣту нашихъ высшихъ учреждений; систематическія и голословныя нареканія на правительственные власти и дѣйствія. (1866).

Неприличные, бездоказательные и предосудительные навіты на высшихъ чиновъ полицейскаго управленія, хотя и не поименованныхъ, но тѣмъ не менѣе ясно обозначенныхъ по присвоеннымъ имъ мундирамъ, навіты, которые не могутъ быть терпимы безъ нарушенія того уваженія и довѣрія, которые должны принадлежать должностнымъ лицамъ при отправленіи ими служебныхъ обязанностей. (1866).

Неоднократное нарушеніе всѣхъ приличій при обсужденіи вопросовъ современной политики, нарушеніе этихъ приличій, выходящее изъ послѣднихъ предѣловъ. (1867).

Статья, прямо противорѣчащая указаніямъ, изложеннымъ въ п. 2, ст. 9, отд. IV, зак. о печати, 6 апрѣля 1865 г., обнаруживающая предосудительное направленіе газеты. (1867).

Превратное истолкованіе въ самыхъ запальчивыхъ и не дозволенныхъ выраженіяхъ отношеній, въ кои будто бы поставлены къ высшему правительству нѣкоторые классы населенія въ прибалтійскихъ губ. и возбужденіе тѣмъ общественнаго недовѣрія къ правительственной власти по вопросу, уже не разъ обсуждавшемуся въ газетѣ съ крайней рѣзкостью; тоже направленіе въ другомъ № газеты по поводу бывшихъ въ Одессѣ въ 1871 г. уличныхъ столкновеній; обѣ эти статьи и неоднократно заявленія газеты по вопросамъ однороднымъ съ указанными подають по содержанію и по формѣ поводы къ взаимному раздраженію между разноплеменными подданными имперіи. (1872).

Представленіе въ превратномъ видѣ и самое рѣзкое пори-

цаніе правительственныхъ мѣропріятій, съ явною цѣлью возбудить недовѣріе къ высшему управленію по дѣламъ народнаго просвѣщенія, при томъ отзѣвы, выходящіе изъ всѣхъ предѣловъ приличія. (1872).

Вредное наравленіе. (1876).

За ст. „Съ кѣмъ намъ воевать. (1876).

За корреспонденціи съ театра войны. (1877).

За корреспонденціи и ложныя извѣстія съ театра войны. (1877).

Вредное направленіе. (1878).

Вредное направленіе (1879).

Вредное направленіе. (1879).

Крайне неумѣстныя сужденія, могущія имѣть вредныя по слѣдствія; выходъ ихъ намѣченныхъ граней по поводу чрезвычайныхъ обстоятельствъ. (1881).

За недозволительное и несправедливое осужденіе дѣятельности лицъ, занимавшихъ высшія государственныя должности (1881).

За нарушенія приличія по отношенію къ главѣ иностраннаго государства (князя болгарскаго) и за неумѣстныя сужденія, окорбительныя для нашего флота. (1881).

Совершенно неправильное истолкованіе напечатаннаго въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ сообщеній и заподозрѣваніе ихъ официального значенія. (1882).

Вредное направленіе. (1882).

Вредное направленіе, выражающееся въ сужденіяхъ о существующемъ строѣ и въ подборѣ и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ; подъ видомъ полемики газета постоянно прибѣгаетъ къ намекамъ, имѣющимъ цѣлью представить въ ложномъ свѣтѣ намѣренія правительства относительно реформъ послѣдняго двадцатилѣтія. Направленіе это разсчитано на то, чтобы породить смуту въ умахъ. (1883).

Гражданинъ. Высказанныя въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ совершенно превратныя сужденія, клонящіяся къ возбужденію вражды противъ одной изъ частей населенія страны. (1874).

За ст. „Московская университетская исторія 1861 года“ (1876).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе (1877).

За ст. „Миръ и послѣднія событія“. (1878).

Статья „Мысли моряка“ о морскомъ „цензѣ“ явно извращаетъ смыслъ закона и стремится подорвать уваженіе къ нему. (1885).

При благонамѣренномъ вообще направленіи позволяетъ себѣ постоянно крайне неприличные отзывы о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства и о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, внушая так. обр. неуваженіе къ нимъ. (1888).

Строгое внушеніе сдѣлано мин. вн. дѣлъ князю Мещерскому, редактору „Гражданина“ за „Дневникъ 29 янв.“. (1893).

Вредное направленіе (1893).

Нарушеніе цензурныхъ правилъ о соблюденіи приличій относительно правительствъ, состоящихъ въ дружественныхъ съ Россіей сношеніяхъ. (1896).

Рѣзкія сужденія о высшихъ должностныхъ лицахъ губернскаго управленія; часто забываетъ должное уваженіе къ симъ представителямъ власти (1902).

Статьи о высшихъ должностныхъ лицахъ мѣстнаго управленія (1903).

Дѣятельность. Рѣзкое осужденіе, какъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ уничтоженію революціонныхъ организацій въ зап. краѣ, также и дѣйствій правительственныхъ учреждений и должностныхъ лицъ, кот. было поручено приведеніе ихъ въ исполненіе (1870).

Рѣзкое порицаніе дѣйствій правительственныхъ учреждений; оправданіе поступковъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній относительно ихъ наставниковъ. (1870).

Превратныя и крайне предосудительныя сужденія объ общественномъ бытѣ и взаимныхъ отношеніяхъ сословій, а также порицаніе въ оскорбительныхъ выраженіяхъ ихъ общественной нравственности. (1871).

Порицаніе въ рѣзкихъ и крайне неприличныхъ выраженіяхъ образа дѣйствій высшаго правительственнаго учрежденія по части лѣсного хозяйства; представленіе характера административн. властей, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, въ самомъ оскорбительномъ для нихъ видѣ; рѣзкое порицаніе дѣйствій обвинительной власти по преслѣдованію раскола. (1871).

Настойчивое продолженіе того же вреднаго направленія. (1872).

Представленіе правительственныхъ дѣйствій въ совершенномъ превратномъ видѣ, вообще вредное направленіе. (1872).

Земство. Вредное направленіе (1881).

Несмотря на первое предостереженіе и неоднократныя предупрежденія продолжаетъ относиться съ непослужительною рѣзкостью къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ правительства и возбуждаетъ къ нему недовѣріе. (1881).

Знаніе. Безусловное отрицаніе начала индивидуальной отвѣтственности и вообще уголовной вѣняемости, признаваемой авторомъ статьи несправедливостью; распространеніе подобныхъ взглядовъ, направленныхъ не только къ оправданію воспрещенныхъ закономъ дѣйствій, но и къ отрицанію обязательной силы закона, проведеніе такого вреднаго матеріалистическаго ученія въ нѣсколькихъ №№ журнала въ разныхъ статьяхъ; вредныя социалистическ. воззрѣнія; статьи, въ кот. выражается такое направленіе по своему содержанию и популярной формѣ изложенія, находятся въ противорѣчьи съ тѣмъ серьезнымъ характеромъ, кот. долженъ отличатся журналъ по смыслу программы, утвержденной правительствомъ для его изданія. (1871).

То же вредное направленіе, выразившееся въ статьяхъ „Теорія развитія въ біологій“ и „Умопомѣшательство и преступленіе“ (1874); въ статьѣ „Условія возможности развитія культуръ“ (1874); въ статьѣ „Наука и метафизика“, „Теорія развитія въ примѣненіи къ языку“ и „Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ явленій спиритизма“ (1875).

Искра. Вредное направленіе, обнаруженное журналомъ въ разныхъ статьяхъ, не можетъ быть терпимо. (1871).

Несмотря на данное газетѣ предостереженіе и воспрещеніе розничной продажи №№ ея, обнаруживаетъ попрежнему вредное направленіе, выражающееся особенно рѣзко въ оскорбляющихъ нравственность статьяхъ, напечатанныхъ въ началѣ №№ 24 и 26 газеты за 1873 г. (1873).

Превратныя и совершенно неумѣстныя сужденія о правительственной власти; продолженіе того же вреднаго направленія, несмотря на объявленныя журналу 2 предостереженія и воспрещеніе розничной продажи. (1873).

Лучъ. За нарушеніе ст. 100 Уставъ о ценз. (которая гласитъ: не дозволяется распубликованіе по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ). (1897).

Міровые отголоски За легкомысленное и вредное направленіе, выразившееся въ ст. „Дополнительные крестьянскіе на дѣлы“. (1898).

Молва (I) (изд. А. Жемчужникова). Вообще вредное направленіе изданія. (1876).

За ст. „Интересы Англіи въ восточномъ вопросѣ“. (1876).

За ст. Драгоманова. „Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ“. (1876).

Молва (II) (ред.-из. Полетика). Вредное направленіе (1880)

Москва. Предоставленіе печати права обсужденія современныхъ вопросовъ и выраженіе мнѣній о правительственныхъ распоряженіяхъ не можетъ быть правомъ систематическаго осужденія дѣйствій правительства и возбужденія къ нему недовѣрія и неуваженія; возбужденіе такихъ чувствъ нерѣдко составляетъ отличительный характеръ статей, печатаемыхъ въ газетѣ; направленное въ одной изъ передовыхъ статей къ возбужденію страстей и неудовольствія сопоставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ изъ-за-границы съѣстныхъ припасахъ, очевидно, неимѣющую никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго населенія, съ преувеличеннымъ изображеніемъ этихъ нуждъ по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерн. неурожая. (1867).

Статья, исполненная рѣзкихъ сужденій о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ; немѣстные отзывы о такихъ распоряженіяхъ и сношеніяхъ высшихъ духовныхъ и гражданскихъ властей, о которыхъ редакціи могли быть сообщены только частныя и неполныя извѣстія. (1867).

Порицаніе правительственныхъ мѣръ възысканія, кот. подверглись лифляндская еванг.-лютер. консисторія и пасторъ-пробстъ,—порицаніе подъ видомъ желанія обоюдной свободы борьбы между православіемъ и протестант., хотя это желаніе не соответствуетъ дѣйствующимъ относительно православной церкви узаконеніямъ и противорѣчитъ всему содержанію статей газеты; превратное и съ явнымъ намѣреніемъ обозначеніе подвѣдомственности гражданской цензурѣ повременнаго изданія при рижск. семинаріи, печатающаго статьи на туземномъ нарѣчьи,—подчиненіемъ православнаго архіерея протестанск. цензурѣ; постоянное въ газетѣ стремленіе, несмотря на 2 объявленныя ей предостереженія, порицать дѣйствія правительства; осужденіе правительственной системы, будто бы съ 1849 года укоренившейся въ прибалтійскомъ краѣ; прямое противорѣчіе закону о печати 6 апрѣля 1865 г., воспреещающему возбуждать вражду въ одной части населенія государства противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другаго (1867).

По поводу выхода газеты послѣ 3-хъ мѣсячнаго приостановленія, на основаніи правительственнаго распоряженія, выска

зано неуваженіє къ атому распоряженію, а равно и къ закону въ силу кот. оно послѣдовало; подобныя отавы, какъ несовмѣстимыя съ достоинствомъ правительства, нетерпимы; для пользы самой періодической печати необходимо водворить въ ней увѣренность, что главное управленіе по дѣламъ печати и впредь намѣрено твердою рукою охранять силу и достоинство закона.

Въ замѣткѣ по поводу объявленнаго газетѣ предостереженія злоупотребленіе предоставленнымъ ст. 16, отд. IV, зак. апр. 1865 г. правомъ; обращеніе въ неприличныхъ выраженіяхъ къ распоряженіямъ правительственной власти, чѣмъ обнаруживается упорство въ томъ же направленіи, кот. неоднократно навлекало на изданіе мѣры взысканія.

За нареканія на полицію, выраженныя при обсужденіи распоряженія мѣстной полиціи, основаннаго на предписаніи высшаго правительства о мѣрахъ взысканія съ содержателей гостинницъ за несоблюденія ими предписаній полиціи о пропискѣ паспортовъ, эти мѣры названы вредными и произвольными такое неточное и одностороннее толкованіе временныхъ административныхъ распоряженій, которое можетъ колебать общественное довѣріе къ правительственной власти. (1867).

Рѣзкое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія; выраженія и сужденія при этомъ, выходящія изъ предѣловъ приличія; злоупотребленіе, несмотря на цѣлый рядъ данныхъ уже газетѣ предостереженій, свободою печатнаго слова. (1868).

Превратныя сужденія о позволительности и умѣстности обходить законъ черезъ соблюденія лишь его формальной стороны; оправданіе стремленія къ противодѣйствию правительственнымъ распоряженіемъ съ усиленіемъ доказать легальность изданія газеты, признаннаго высшею властью незаконнымъ; превратное истолкованіе и настойчивое порицаніе правительственныхъ распоряженій, относящихся до 2 газетъ, вообще рѣзкія сужденія, свидѣтельствующія объ упорствѣ котор. неоднократно уже вызывало карательныя мѣры. (1868).

Несмотря на двукратную пріостановку газеты и вновь объявленныя ей затѣмъ 2 предостереженія, продолжая держаться рѣзкаго и крайне неумѣреннаго направленія, котор. ведетъ къ возбужденію вражды между населеніемъ и раздраженію противъ дѣйствій правительственныхъ властей, что составляетъ злоупотребленіе печатнымъ словомъ, кот., въ виду вредныхъ отъ того послѣдствій, терпимо быть не можетъ (1868).

Московская Биржевая Газета. Насмѣшливое и въ неприличномъ тонѣ отношеніе газеты къ положенію гвардейскихъ войскъ въ

составъ русской арміи и умышленное извращеніе присвоеннаго имъ значенія съ видимою цѣлью порицанія нашего военного устройства и управленія; порицаніе дѣйствій правительствъ учреждений, и при томъ въ рѣзкихъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ, чѣмъ положительно выясняется вредное направленіе; кот. держится газета. (1871).

Московскій Телеграфъ. Возбужденіе недовѣрія и неуваженія къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ правительства, вообще стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе; желанія, совершенно несогласныя съ основными началами нашего государственнаго строя. (1882).

Вредное направленіе. (1882).

Вредное направленіе. (1882).

Сужденія, клонящіяся къ возстановленію общественнаго мнѣнія противъ основныхъ началъ нашего государственнаго строя; отзывъ по учебному дѣлу, способный вызвать смуту и раздраженіе среди учащагося юношества. (1882).

Крайне вредное направленіе, дѣйствующее на дурныя страсти общества и возбуждающее неуваженіе и недовѣріе къ правительству. (1883).

Московскія Вѣдомости. Газета приписываетъ правительственнымъ лицамъ стремленій, свойственныхъ врагамъ Россіи; выставляетъ мысль о государственномъ единствѣ имперіи какъ бы новою, будто бы встрѣчающею въ средѣ правительства предосудительное противодѣйствіе; общія, произвольныя, бездоказательныя и неосновательныя нареканія, заключающія въ себѣ возбужденіе недовѣрія къ правительству. (1866).

Превратное истолкованіе основаннаго на законѣ правительственнаго распоряженія и возбужденіе общественнаго недовѣрія къ правительственной власти, которою сдѣлано это распоряженіе. (1866).

Настойчивое порицаніе относящагося до самой газеты правительственнаго распоряженія, проведеніе въ прямое противорѣчіе закону мысли, будто отъ повременныхъ изданій зависитъ принимать или не принимать объявляемые имъ, на основаніи закона, предостереженія. (1866).

При обзорѣннн событій минувшаго года, изображеніе многихъ сторонъ правительственной дѣятельности и вообще положеніе дѣлъ нашего отечества въ превратномъ видѣ, чѣмъ газета способствуетъ распространенію въ обществѣ неосновательныхъ и тревожныхъ опасеній, могущихъ возбудить въ немъ недовѣріе къ правительству; подобныя явленія въ печати, не

согласныя съ духомъ дѣйствующихъ о ней постановленій, не могутъ быть терпимы безъ прямаго ущерба достоинству и значенію правительственной власти. (1870).

Изображеніе въ превратномъ видѣ отношеній Финляндіи къ остальной части государства и настойчивое проведеніе мысли, будто бы дѣйствія правительства по управленію западными и прибалтійскими губ. направлены къ возбужденію въ нихъ сепаратическихъ стремленій, и осужденіе въ этомъ смыслѣ мѣръ правительства, какъ несогласныхъ, по мнѣнію газеты, съ національной политикой—такой характеръ статьи, которая можетъ поколебать довѣріе къ намѣреніямъ правительства; упорство газеты въ томъ вредномъ направленіи, за который ей было уже объявлено предостереженіе. (1871).

Вредное направленіе. (1890).

За ст. по поводу архипастырскаго положенія. (1892).

За статью, посвященную вопросу о реформѣ средней школы. (1902).

Московское Обозрѣніе. Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ „Изъ золотыхъ грѣзъ сумасшедшаго“, (1878).

Наблюдатель. Предосудительное направленіе. (1883).

Явно предосудительное направленіе. (1885).

За стих. Фофанова „Таинство любви“, отличающееся возмутительнымъ кощунствомъ. (1888).

Продолжаетъ упорствовать въ своемъ предосудительномъ направленіи, доказательствомъ чему служить ст. „Новое умственное движеніе въ Германіи“, явно проникнутая сочувствіемъ къ социалистическимъ теоріямъ. (1895).

Наша Жизнь. Вредное направленіе (за передовую статью и „Маленькій фельетонъ“, № 32). (1904)

Народный Голосъ. Неумѣстные и раздражительныя сужденія клонящіяся къ возбужденію вражды въ одной части населенія государства къ другой и при томъ въ выраженіяхъ, которые не могутъ быть терпимы при обсужденіи предметовъ государственной важности. (1867).

Неприличныя по формѣ и несогласныя съ истиною сужденія о значеніи и дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ правительственныхъ учреждений, вообще грубыя и голословныя обвиненія нашей администраціи въ злоупотребленіяхъ, стремленіе, подъ личиною благонамѣренности, колебать довѣріе и уваженіе къ существующимъ у насъ установленіямъ. (1867).

Оскорбленіе православнаго духовенства и предосудительныя отзывы о дѣйствіяхъ правительства; несмотря на 2 предостереженія, объявленныя газетѣ, прежнее вредное ея направленіе, выражающееся въ стремленіи колебать довѣріе и уваженіе къ существующимъ у насъ установленіямъ. (1867).

Недѣля. Постоянное въ превратномъ видѣ изображеніе экономическихъ и общественныхъ отношеній нашего отечества; враждебное сопоставленіе рабочаго класса съ влаждующими сословіями; систематически развиваемое ученіе объ организаціи борьбы противъ существующаго общественнаго строя; стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе. (1868).

Несмотря на объявленное предостереженіе, газета проявляетъ признаки предосудительнаго направленія. (1869).

Несмотря на объявленное второе предостереженіе, продолжаетъ проведеніе идей и сужденій, совершенно несомнѣстимыхъ съ основными началами нашего государственнаго и общественнаго порядка. (1869).

По вопросамъ, касающимся какъ нашего государственнаго и общественнаго быта, такъ и текущихъ политическихъ событій, газета **настоячиво** проводитъ то же вредное направленіе, за которое подверглась уже тремъ предостереженіямъ и 6-ти мѣсячной пріостановкѣ. (1870).

Вредное направленіе. (1871).

Обсужденіе вопроса о студенческихъ **кассахъ** и сходкахъ, признанныхъ вредными и воспрещенныхъ; **намѣреніе** доказать необходимость этихъ **кассъ** и сходокъ; оправданіе **виновныхъ** въ безпорядкахъ, представленіе мрачными красками **нынѣшняго** положенія студентовъ съ видимымъ **намѣреніемъ** возбудить въ нихъ неудовольствіе противъ существующаго **нынѣ** въ университетахъ порядка, и университетскаго начальства, чѣмъ обнаруживается при означенномъ характерѣ газеты, **настоячивость** ея въ томъ принятомъ ею вредномъ направленіи, которое послужило къ пріостановленію ея на 6 мѣсяцевъ въ 1869 г. и къ объявленію ей по возобновленіи двухъ предостереженій. (1871).

Апология такъ называемаго нигилистическаго реализма; сочувственное отношеніе газеты по распространенію ложныхъ и вредныхъ понятій, извращающихъ общественную нравственность; неоднократное повтореніе статей, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ. (1873).

Высказывается также тенденціозность, вслѣдствіи которой газета неоднократно подвергалась **высканіямъ** и **запрещена** ея розничная продажа. (1874).

Вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ „Чрезвычайныя мѣры“. (1876).

Вредное направленіе. (1876).

За ст. о книгѣ „Геройская смерть Данилова“. (1877).

Вредное направленіе. (1878).

За ст. „Дѣло Вѣры Засуличъ“. (1878).

За ст. „Въ чемъ выходъ“. (1879).

Вредное направленіе, выразившееся въ восторженной апологіи французской революціи 1789 г. (1884).

Вредное направленіе. (1896).

Новая Газета. За ст. „Свобода печати“; сужденія редакціи о правахъ и обязанностяхъ печати находятся въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствующими у насъ постановленіями о печати и потому не могутъ быть терпимы; за объявленіе полной солидарности съ газетой „Голосъ“, приостановленной за предосудительное направленіе и за сходство во внѣшнемъ видѣ съ „Голосомъ“. (1881).

Новое Время. Неоднократное появленіе въ газетѣ рѣзкихъ и неприличныхъ отзывовъ и сужденій о дѣйствіяхъ управленія въ царствѣ польскомъ и западныхъ губерніяхъ, постоянная перепечатка, изъ иностранныхъ изданій, превратныхъ и даже враждебныхъ толковъ о высшихъ правительственныхъ лицахъ и положеніи дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. (1868).

Рѣзкія порицанія семейнаго быта въ современномъ его положеніи и неприличныя сужденія о достаточныхъ классахъ, съ враждебнымъ сопоставленіемъ оныхъ съ классами неимущими; вообще рѣзкіе и неприличные отзывы и сужденія о различныхъ предметахъ нашего общественнаго быта и правительственнаго строя. (1869).

Крайне вредное направленіе газеты, обнаруженное несмотря на 2 предостереженія, объявленныя газетѣ за такое направленіе. (1871).

Явное сочувствіе къ вреднымъ ученіямъ социалистовъ и рѣзкое порицаніе экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется жизнь благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, несмотря на воспрещеніе розничной продажи газеты за вредное направленіе. (1872).

Явное сочувствіе къ антирелигіозной пропагандѣ и къ революціоннымъ движеніямъ, на которыя анархисты возлагаютъ надежды для осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ; упорное продолженіе вреднаго направленія, несмотря на воспрещеніе розничной продажи и на объявленное газетѣ, послѣ того, предостереженіе. (1872).

Развитіе мысли о необходимости осуществленія такихъ началъ, которыя находятся въ прямомъ противорѣчій съ нашимъ государственнымъ устройствомъ; возбужденіе вражды между разными классами населенія и въ высшей степени оскорбительный отзывъ о дворянскомъ сословіи. (1874).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе. (1879).

За ст. „По поводу одного обѣда“. (1880).

Въ ст. появившейся въ № 6368 и 6370 „Новаго Времени“ содержится дерзкое и лишенное всякаго основанія порицаніе закона о морскомъ цензѣ, вслѣдствіе чего министромъ внут. дѣлъ сдѣлано редакціи строгое внушеніе, о чемъ другія изданія въ предотвращеніи чего-либо подобнаго поставляются въ извѣстность. (1893).

Новости. Сочувствіе запрещеннымъ газетамъ и изображеніе состоянія нашихъ училищъ мрачными красками, съ цѣлью набросать неблагоприятную тѣнь на дѣятельность правительства по учебной части. (1883).

Вредное направленіе (1891).

Nordische Presse. Порицанія, выраженные въ самой рѣзкой и неприличной формѣ, дѣйствій цензурнаго вѣдомства, основанныя на одностороннемъ и превратномъ толкованіи дѣйствій правительственныхъ учреждений и клонящіеся къ возбужденію недовѣрія къ нимъ и раздраженія противъ оныхъ (1872).

Отечественныя Записки. Рѣзкое порицаніе недавно изданныхъ законовъ о народномъ просвѣщеніи; искусственный подборъ и превратное толкованіе газетныхъ извѣстій, явно стремящихся къ возбужденію въ обществѣ недовѣрія къ симъ законамъ, а въ учащихся какъ неуваженія къ начальству и преподавателямъ, такъ и неудовольствія къ вводимой системы образованія. (1872).

Вредное направленіе, особенно выразившееся въ внутреннемъ обозрѣніи. (1879).

Вредное направленіе, осмѣяніе и стараніе выставить въ ненавистномъ свѣтѣ существующій общественный, государственный и экономическій строй какъ у насъ, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, на-ряду съ этимъ не скрытыя симпатіи къ крайнимъ социалистическимъ доктринамъ. (1883).

„Нѣкоторые органы нашей печати несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность за удручающія [общество событія послѣднихъ лѣтъ... Страницы журналовъ и газетъ извѣстнаго оттѣнка все

еще отмѣчены направленіемъ, которое породило неисчисли-
мый вредъ, и связь коего съ преступными ученіями не подле-
житъ сомнѣнію... Въ редакціи От. Зап. группировались лица,
состоявшія въ близкой связи съ революціонной организаціей;
еще въ прошломъ (1883) году одинъ изъ руководящихъ чле-
новъ редакціи означеннаго журнала подвергся высылкѣ изъ
столицы за крайне возмутительную рѣчь, въ которой онъ
обратился къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній,
приглашая ихъ противодѣйствовать законной власти. Слѣд-
ствиемъ, кромѣ того установлено, что завѣдывавшій однимъ
изъ отдѣловъ того же журнала до времени его ареста былъ уча-
стникомъ преступной организаціи. Еще на сихъ дняхъ полиція
поставлена была въ необходимость арестовать двухъ сотруд-
никовъ этого журнала за доказанное пособничество съ ихъ
стороны дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣтъ ничего стран-
наго, что статьи самого отвѣтственнаго редактора, которыя по
цензурнымъ условіямъ, не могли быть напечатаны въ журналѣ,
появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ у насъ и за границей.
Присутствіе значительнаго числа лицъ съ преступными намѣ-
реніями въ редакціи От. Зап. не покажется случайнымъ ни
для кого, кто слѣдилъ за направленіемъ этого журнала, внес-
шаго немало смуты въ сознаніе извѣстной части общества.
Независимо отъ привлеченія виновныхъ къ законной отвѣт-
ственности, правительство не можетъ допустить дальнѣйшее
существованіе органа печати, который не только открываетъ
свои страницы распространенію вредныхъ идей, но и имѣетъ
ближайшими своими сотрудниками людей, принадлежащихъ къ
составу тайныхъ обществъ". (1884 г., прав. сообщ. по поводу
окончательнаго закрытія От. Зап. совѣщаніемъ трехъ мини-
стровъ и оберъ-прокурора Свят. Синода).

Петербургская Газета. Вредное направленіе. (1872).

Сужденія, высказанныя въ рѣзкой и неприличной формѣ,
о значеніи правительственныхъ властей; стремленіе къ ослаб-
ленію ихъ авторитета предъ мѣстными общественными учреж-
деніями; представленіе въ превратномъ и безотрадномъ видѣ
общаго положенія дѣлъ, будто бы происходящаго отъ сущест-
вующихъ отношеній управленія къ обществу. (1873)

Представленіе въ превратномъ видѣ положенія рабочаго
класса въ Россіи и сужденія, основанныя на началахъ со-
ціализма: возбужденіе недовѣрія къ дѣйствіямъ правитель-
ства; постоянно замѣчаемыя неприличныя глумленія газеты
надъ предметами, заслуживающими уваженія, несмотря на
данныя ей 2 предостереженія. (1873)

Несмотря на 3 данныя газетъ предостереженія, послѣ которыхъ выходъ оной въ 1873 г. былъ приостановленъ на 4 мѣсяца, появленіе вновь статей, исполненныхъ голословныхъ осужденій цѣлыхъ служебныхъ вѣдомствъ, — такой предосудительный характеръ выразился между прочимъ въ передовой статьѣ, направленный къ оскорбленію личнаго состава русскаго флота. (1873).

Петербургскій Листокъ. Неприличныя сужденія, клонящіяся къ возбужденію одного класса общества противъ другого. (1867).

Порицаніе дѣйствій и состава мѣстной полиціи съ очевидною цѣлью рѣзкими и насмѣшливыми отзывами возбудить противъ нея общественное мнѣніе; оскорбительныя намеки и отзывы, направленные противъ должностныхъ лицъ и цѣлаго вѣдомства, выставленіе законныхъ дѣйствій полиціи произвольными и стѣснительными для частныхъ лицъ и промышленности; сужденія, направленные къ возбужденію общества или противъ правительственныхъ распоряженій или должностныхъ лицъ. (1868).

Статья, сообщающая совершенно ложное свѣдѣніе объ одномъ изъ полезнѣйшихъ благотворительныхъ учреждений. (1875).

Право. Вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ „Кинишевская кровавая баня“. (1903). За ст. Пѣшехонова „Война и Отечество“ (1904). За статью „Итоги юбилея“ (1904).

Русская Жизнь. Вредное направленіе. (1892).

Русская Лѣтопись. Изображеніе въ превратномъ видѣ состоянія казенныхъ учебныхъ заведеній и порицаніе въ крайне рѣзкихъ неприличныхъ выраженіяхъ существующей системы образованія; враждебное отношеніе къ мѣрамъ правительства по народному образованію и къ учебному вѣдомству; явная цѣль возбудить въ учащемся юношествѣ и родителяхъ недовѣріе къ правительственнымъ учреждениямъ, коимъ ввѣрено завѣдываніе учебными заведеніями, чѣмъ вполне определяется въ высшей степени вредное направленіе. (1871).

Умышленное извращеніе значенія Высочайше утвержденныхъ правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій; порицаніе въ рѣзкихъ выраженіяхъ, какъ этого, такъ и другихъ законоположеній и мѣръ правительства, при чемъ газета заходитъ далеко за предѣлы дозволеннаго закономъ обсужденія, а такой образъ дѣйствій газеты доказываетъ цѣль ея возбудить недовѣріе къ законодательнымъ мѣрамъ правительства, и слѣдовательно на

вредное ея направленіе; упорство газеты въ этомъ направленіи, несмотря на данное ей недавно предостереженіе. (1871).

Газета, касаясь предпринятой правительствомъ важной мѣры преобразованія гимназій, находитъ ее совершенно несостоятельною, порицаетъ ее въ крайне неприличныхъ выраженіяхъ и такимъ образомъ возбуждаетъ противъ нея общественное мнѣніе, чѣмъ выражается то же предосудительное направленіе, за которое уже объявлены газетѣ два предостереженія. (1871).

Русская Мысль. Вредное направленіе (статья „Петербургскія письма“). (1883).

Вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ В. Гольцева „Соціологія на экономической почвѣ“, гдѣ изложено крайне вредное ученіе социализма, при чемъ авторъ статьи, прикрываясь незначительными возраженіями и оговорками очевидно имѣетъ цѣлью пропагандировать ихъ. (1893).

Русская Правда. (I) Вредное направленіе. (1878).

Вредное направленіе. (1879 г.). Пять разъ въ теченіе года. за передовыя статьи, фельетоны и обзоры газетъ и журналовъ Вредное направленіе. (1880).

Русская Правда. (II) Вредное направленіе. (1904).

Русскій Курьеръ. Вредное направленіе. (1880).

За возбужденіе недовѣрія къ мѣропріятіямъ правительства. (1881).

За корреспонденцію изъ Вост. Сибири и Кіева о политическихъ ссыльныхъ, въ которой излагались такія подробности, которыя явно обнаруживаютъ стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе, вообще рѣзкіе и неприличные отзывы о разныхъ сторонахъ нашего общественнаго быта и государственнаго строя. (1881).

Вредное направленіе, выражающееся въ сужденіяхъ о существующемъ государственномъ строѣ и въ подборѣ и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ о бытѣ крестьянъ; направленіе это рассчитано на то, чтобы возбудить смуту въ умахъ. (1883).

Распространеніе превратныхъ и крайне вредныхъ понятій. (1884).

Упорствуетъ въ неблагонамѣренномъ направленіи, продолжаетъ истолковывать въ ложномъ свѣтѣ правительственныя мѣропріятія и усиливается набросать неблагоприятную тѣнь на высшее сословіе въ государствѣ. (1889).

Русскій Міръ. Настоячиво доказываетъ упадокъ дисциплины

и нравственности въ нашей арміи, съ очевидной цѣлью возбудить недовѣріе къ преобразованіямъ, совершеннымъ по военному вѣдомству въ послѣдніе годы, и къ высшей военной администраціи, чѣмъ обнаруживается несомнѣнно вредное направленіе газеты. (1871).

Вредное направленіе. (1875).

Вредное направленіе (ст. „Киргизскій бунтъ 1869 г.“) (1875).

Вредное направленіе. (1875).

За протестъ противъ берлинской конференціи. (1876).

Вредное направленіе. (1876).

Вредное направленіе. (1878).

За ст. „Печальная исторія“. (1878).

Вредное направленіе (ст. „На очереди“). (1879).

Русскій Трудъ. Вредное направленіе, выразившееся въ ст. „О православномъ духовномъ вѣдомствѣ“. (1897).

За ст. „Что предстоитъ исполнить до вселенскаго собора“. (1899).

За ст. „Два дня въ Гельсингфорсѣ“. (1899).

Русскія Вѣдомости. Враждебное въ крайне цинической формѣ сопоставленіе различныхъ классовъ населенія и въ частности оскорбительное отношеніе къ дворянскому сословію. (1873).

Вредное направленіе, выразившееся въ передовыхъ статьяхъ о недостаточности крестьянскаго надѣла и чрезмѣрности крестьянскихъ платежей. (1878).

За тревожныя и несоотвѣтствующія дѣйствительности свѣдѣнія, помѣщенные въ телеграммахъ, о положеніи продовольственнаго дѣла въ Имперіи, что служить новымъ доказательствомъ предосудительнаго направленія газеты. (1891).

За сборъ пожертвованій въ пользу духовоборовъ съ распубликованіемъ о семъ въ № 93 газеты и за уклоненіе отъ исполненія распоряженій москов. ген.-губерн. (1898).

Русское Дѣло. Вредное направленіе, выразившееся въ ст. „Грамотность простая и распространенная“. (1888).

За ст. „Трудолюбіе или торжество земледѣлія“. (1888).

Вредное направленіе. (1889).

Русское Обозрѣніе. Вредное направленіе. (1876).

За ст. „Разладъ жизни съ успѣхами науки“. (1876).

За ст. „На пути къ театру войны“, и „Молодое старится, старое растетъ“. (1877).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе. (1877).

За ст. „Задача русской интеллигенціи“. (1877).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе. (1878).

За ст. „Духовная пища на генеральскихъ обѣдахъ“ и „Ночь подъ Рождество“. (1878).

Вредное направленіе. (1878).

Русское Слово. (1). Отверженіе понятія о бракѣ, проведеніе теорій социализма и коммунизма; враждебное сопоставленіе класса собственниковъ съ неимущими рабочими классами; проникнутые крайнимъ цинизмомъ отзывы объ основныхъ понятіяхъ о чести и нравственности вообще. (1865).

Стремленіе поколебать авторитетъ христіанской религіи, оправданіе и дальнѣйшее развитіе коммунистическихъ теорій; косвенное возбужденіе къ осуществленію этихъ теорій на практикѣ. (1866).

Оправданіе революціонныхъ движеній народныхъ массъ, враждебное сопоставленіе неимущихъ классовъ общества съ собственниками; распространеніе социалистическихъ понятій; выставленіе воровства въ значеніи труда и свойства неизбежныхъ послѣдствій нынѣшнихъ условій гражданскаго быта. (1866)

Русско-Славянскіе Отголоски. Выставленіе въ превратномъ видѣ и рѣзкое порицаніе образа дѣйствій и направленія русской политики; проведеніе началъ, прямо враждебныхъ государственн. интересамъ. (1868).

Проведеніе вновь возрѣній, вызвавшихъ противъ газеты предостереженіе. (1868).

Подъ видомъ объясненія по объявленному газетѣ предостереженію, проведеніе вновь возрѣній, вызвавшихъ противъ газеты 2 предостереженія, чѣмъ обнаруживается крайнее упорство въ направленіи, которое не можетъ быть терпимо. (1868)

Русь. (Аксакова). Обсуждаетъ текущія событія тономъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ патриотизмомъ, и стремится возбудить неуваженіе къ правительству. (1885).

Русь. (Гайдебурова). За ст. Л. Н. Толстого: „Голодь или не голодь“. (1898).

За ст. „Помощь или обуза“. (1898).

За ст. „Культурные земцы“. (1898).

С.-Петербургскія Вѣдомости. Несогласимыя съ интересами государственнаго кредита сужденія о такихъ правительствен-

ныхъ распоряженіяхъ, о которыхъ не было до тѣхъ поръ объявлено никакихъ положительныхъ свѣдѣній; сомнѣніе въ правѣ и отрицаніе права правительства, которое ему несомнѣнно принадлежитъ и которымъ оно постоянно пользовалось при каждомъ, какимъ бы то ни было способомъ, совершаемомъ отчужденіи казенныхъ статей или земель; приписываніе государственнымъ имуществамъ свойства спеціальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ; указаніе на мнимое уменьшеніе этого обезпеченія въ случаѣ залога или обезпеченія какихъ-либо частей государственныхъ имуществъ; возбужденіе сомнѣній или опасеній, могущихъ имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются означенные билеты. (1865).

Превратное и несогласное съ закономъ истолкованіе значенія земскихъ учреждений въ сферѣ государственныхъ уставленій; голословное и ложное, вопреки опубликованныхъ правительственныхъ свѣдѣній, увѣреніе въ систематическомъ противодѣйствіи администраціи земскимъ учреждениямъ и возбужденіе недовѣрія къ администраціи вообще, бездоказательное обвиненіе оной въ произволъ и несочувствіи къ патриотическому настроенію времени. (1866).

Систематическое порицаніе администраціи вообще и враждебное сопоставленіе оной съ земскими учреждениями. (1866).

Враждебное сопоставленіе земства и земскихъ учреждений съ правительственными властями; голословное обвиненіе этихъ властей въ произволъ или несоблюденіи закона; проявленіе того же самаго направленія. (1867).

Передовая статья, въ которой возбуждается вопросъ о дѣятельности земства, несогласной съ закономъ; неумѣстныя выходки касательно способа печатанія въ губ. вѣд. отчетовъ о засѣданіяхъ послѣднихъ земскихъ собраній; такое отношеніе газеты къ законодательнымъ вопросамъ (находящимся въ правительственномъ разсмотрѣніи), которое имѣетъ видимую цѣль возбудить общественное мнѣніе, чѣмъ обнаруживается вновь вредное направленіе несмотря на объявленное предостереженіе. (1871).

Вредное направленіе. (1875).

Вредное направленіе. (1877).

Вредное направленіе. (1878).

За ст. „Какъ возстановить каноническое управленіе и боры въ русской церкви“. (1899).

Вредное направленіе, особенно проявившагося въ статьяхъ: „Еще о свободѣ совѣсти“ „Къ вопросу о преобразованіи столичнаго самоуправленія“. „По поводу рѣчи Стаховича“. „Голосъ изъ деревни“. (1901).

Вредное направленіе, особенно проявившееся въ передовой статьѣ № 263, отъ 26-го сего сентября. (1903).

За статьи, напрасно тревожащія общественное мнѣніе. (1904).

St.-Petersburger Zeitung. Разсужденія и замѣтки, по поводу современныхъ событій, выходящія изъ предѣловъ политическаго приличія и, сверхъ того, постоянное стремленіе изображать въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, чѣмъ обнаруживается направленіе, несовмѣстное съ изданіемъ, выходящимъ въ Россіи. (1868).

Несмотря на объявленное газетѣ предостереженіе, превратное истолкованіе и настойчивое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій касательно введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство казенныхъ присутственныхъ мѣстъ прибалтійскаго края. (1869).

Свѣтъ. За распространеніе подметнаго воззванія преступнаго содержанія воспроизведеніемъ его въ № 304 газеты. (1897)

Сибирь. Вредное направленіе. (1897).

Вредное направленіе. (1897).

За допущеніе нарушенія 79 ст. уст. о ценз. (разборъ и обсужденіе судебныхъ рѣшеній, производившихся при закрытыхъ дверяхъ) (1898).

Слово. Вредное направленіе, выраженное въ стат. „Нашимъ національ-либераламъ“. „Сенатск. выборы во Франціи и „Trade-Unions“. (1879).

За ст. „Задача зап.-европейской цивилизаціи и современная Франція“. (1879).

За ст. „Государственное устройство Италіи“. (1880).

Современникъ. Неприличныя сужденія о значеніи православія вообще и въ особенности въ отношеніи къ событіямъ отечественной исторіи; насмѣшки надъ уваженіемъ къ религіи; глумленіе надъ нашимъ государственнымъ устройствомъ и надъ отношеніями народа къ правительству; изображеніе сооруженія Ник. ж. д. въ видѣ результата притѣсненія народа. (1865).

Оскорбленіе началъ брачнаго союза; косвенное порицаніе началъ собственности въ примѣненіи къ капиталистамъ, несправедливо будто-бы присвоившимъ сбереженія рабочихъ классовъ; оспариваніе и отрицаніе началъ собственности; возбужденіе вражды къ высшимъ и вообще имущественнымъ классомъ,

выставляемымъ по самому принципу ихъ существованія безнравственными и зловердными для народнаго благосостоянія. (1865).

Современныя извѣстія. Крайне неприличные отзывы о такихъ предметахъ всенароднаго почитанія, какъ обряды православнаго богослуженія, высшія духовныя учрежденія и т. под.; постоянные отзывы и сужденія, неумѣренностью своей вовсе не соответствующіе важности тѣхъ предметовъ, которыхъ они касаются. (1870).

Выраженія, унижающія достоинства военнаго званія и въ высшей степени оскорбительныя для чести арміи. (1872).

Возбужденіе враждебныхъ отношеній низшихъ классовъ общества къ высшимъ. (1874).

Крайне рѣзкія выраженія о правительственномъ учрежденіи. (1875).

Неоднократно замѣченные крайне рѣзкіе и неумѣстные отзывы по разнымъ предметамъ правительственнаго вѣдѣнія (1876).

Вредное направленіе. (1878).

Страна. Вредное направленіе (за статью о необходимости помиловать Чернышевскаго). (1881)..

Вредное направленіе. (ст. по поводу 1 марта). (1881):

Систематическое стремленіе къ безусловному оужденія всѣхъ дѣйствій и распоряженій правительства; газета представляетъ общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ, въ ст. № 1 съ непозволительною дерзостью заявляетъ объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ „искренности“ и сколько-нибудь рациональныхъ, приведенныхъ въ систему, идей, о господствѣ у насъ въ настоящее время“ системы правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недовѣрія, послѣдствіемъ чего явилось отсутствіе хотя бы первыхъ словъ прогресса, всеобщее обнищаніе; о ничтожествѣ образованнаго общества, нерѣшающагося энергически дѣйствовать для доставленія торжества своимъ идеямъ. (1883).

Судебный Вѣстникъ. Представленіе дѣйствій исполнительной правительственной власти въ извращенномъ видѣ, могущее подать поводъ къ неправильному толкованію, какъ мѣры, вызванной необходимостью, такъ и способа приведенія ея въ исполненіе, и вообще неодобрительное направленіе, принятое въ послѣднее время газетой. (1869).

Неумѣстныя сужденія о существующемъ у насъ государственномъ устройствѣ; осужденіе законовъ, карающихъ тяжкія уголовныя преступленія, несмотря на объявленное газетъ предостереженіе за неодобрительное направленіе ея. (1870).

Крайне неумѣстное сопоставленіе 66 ст. Осн. Зак. съ Высоч. повелѣніемъ о непечатаніи отчетовъ судебныхъ засѣданій по нечаевскому дѣлу въ частныхъ газетахъ прежде напечатанія оныхъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ и проведеніе дерзкой мысли, что суду можетъ быть предоставлено рѣшеніе вопроса, въ какой степени послѣднее Выс. повелѣніе могло имѣть обязательную силу въ виду 66 ст. Осн. Зак., чѣмъ обнаруживается крайне вредное направленіе газеты, за кот. уже объявлены ей два предостереженія. (1871).

Вредное направленіе. (1874).

Умышленное извращеніе прямого смысла и примѣненія изданныхъ въ новѣйшее время узаконеній; уже неоднократно газета подвергалась административнымъ взысканіямъ за это предосудительное направленіе. (1874).

Сынъ Отечества. Вредное направленіе, выразившееся вѣстатьѣ по женскому вопросу. (1899).

За ст. „Безпорядки въ Сормово“. (1899).

Вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ № 1: „Благо- временно ли“ (1904), въ ст. № 8: «Дневникъ журналиста» и «Изъ провинціального портфеля» (1904), въ статьѣ № 12: «Провинція». (1904).

Сѣверный Вѣстникъ. (I) Вредное направленіе. (1877).

Сѣверный Вѣстникъ. (II) Вредное направленіе. (1898).

Сѣверный Курьеръ. Вредное направленіе въ ст. „Усложненія жизни“ и „Кто старше“. (1899).

За ст. „Высшая цѣнность жизни“. (1900).

Телеграфъ. Вредное направленіе, (за перепечатку статей вызвавшихъ кару). (1879).

Финансовое Обзоріе. За ст. „Критическія финансовыя обстоятельства Россіи въ виду внѣшней войны“. (1876).

За ст. „Петербургскій денежный рынокъ“. (1876).

Хозяинъ. За ст. „Отсутствіе земства на праздникъ русск. промышленности“. (1896).

За ст. „Тверское земство“ и „Обзоръ хоз. дѣятельн“. (1897)

Вредное направленіе. (1897).

Вредное направленіе (въ статьѣ „На злобу дня“). (1902).

Вредное направленіе. (1902).

Вредное направленіе выразившееся, между прочимъ, въ
статьѣ „Къ вопросу о земскомъ представительствѣ“. (1903).

Церковно-Общест. Вѣстникъ. Вредное направленіе, выразив-
шись въ статьѣ „Къ реформѣ консисторскаго суда“. (1878).

За ст. „Къ вопросу о раскольникахъ“. (1879)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Изъ исторіи русской цензуры. В. Якушина	1
Пресса, цензура и общество Вл. Розенберга	88
Въ мірѣ случайностей, его-же.	118
Цензурныя мелочи, его-же.	158
I. Какой цензурный уставъ у насъ дѣйствуетъ?	—
II. Срочность продостереженій	163
III. «Отдѣльный» цензоръ и нужды провинціальной печати	172
IV. Изъ практики примѣненія законовъ о печати	175
Приложеніе.	
I. Списокъ періодическихъ изданій, подвергшихся ад- министративнымъ взысканіямъ въ 1865—1904 гг.	193
II. Сводъ данныхъ о мотивахъ предостереженій, по- лученныхъ журналами и газетами въ 1865 — 1904 гг.	—

1. 51
20 2.

20 -
1973 / 256
(4)

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C006423956

